

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пензенский государственный университет» (ПГУ)

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
Студенческое научное общество ПГУ

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Сборник научных статей по материалам
XII Международной научно-практической конференции
иностраных студентов

г. Пенза, 6 декабря 2023 г.

Под редакцией
Г. В. Синцова, Ю. А. Шурыгиной

Пенза
Издательство ПГУ
2023

УДК 008
М43

Межкультурная коммуникация в современном мире : сб. науч. ст. по материалам XII Междунар. науч.-практ. конф. иностр. студентов (г. Пенза, 6 декабря 2023 г.) / под ред. Г. В. Синцова, Ю. А. Шурыгиной. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. – 252 с.

ISBN 978-5-907752-97-9

Опубликованные материалы представляют собой результаты исследований иностранных студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей российских и зарубежных вузов.

В конференции приняли участие представители 10 стран: Египта, Индии, Индонезии, Китая, Кыргызстана, России, Сербии, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана.

Издание адресовано студентам, аспирантам, преподавателям, специалистам, интересующимся проблемами межкультурной коммуникации.

УДК 008

Главная редакция:

Синцов Глеб Владимирович, д.ю.н., профессор, проректор по международной деятельности ПГУ (*главный редактор*);

Шурыгина Юлия Александровна, к.пед.н., доцент кафедры «Иностранные языки и методика преподавания иностранных языков» ПГУ (*ответственный секретарь*)

Редакционная коллегия:

Алёшина Екатерина Юрьевна, д.ф.н., заведующий кафедрой «Иностранные языки и методика преподавания иностранных языков» ПГУ;

Барабаш Ольга Владимировна, к.ф.н., заведующий кафедрой «Русский язык как иностранный» ПГУ;

Иванчин Сергей Анатольевич, начальник управления международного образования ПГУ;

Питайкина Инна Анатольевна, к.э.н., доцент кафедры «Экономическая теория и международные отношения» ПГУ;

Правосудова Наталья Александровна, к.б.н., доцент кафедры «Микробиология, эпидемиология и инфекционные болезни» ПГУ;

Разуваева Татьяна Александровна, к.пед.н., начальник отдела сопровождения международных проектов управления международных связей ПГУ;

Степанова Дарья Николаевна, ст. преподаватель кафедры «Частное и публичное право» ПГУ;

Сягайло Екатерина Григорьевна, начальник отдела социальной адаптации и культурно-массовой работы управления международного образования ПГУ.

П р и к а з

о подготовке и проведении XII Международной научно-практической конференции иностранных студентов «Межкультурная коммуникация в современном мире» № 1005/о от 03.10.2023

Мероприятие проведено в рамках реализации в форме субсидий из федерального бюджета образовательным организациям высшего образования на реализацию мероприятий, направленных на поддержку студенческих научных сообществ (соглашение о предоставлении из федерального бюджета грантов в форме субсидий от 15.06.2023 № 075-15-2023-546 на реализацию мероприятий, направленных на поддержку студенческих научных сообществ)

ISBN 978-5-907752-97-9

© Пензенский государственный университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. РОЛЬ МЕДИА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Касымджанова С., Пирлиева Р., Голова Д. Д.</i> ЯЗЫК МЕМОВ: ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-КУЛЬТУРЫ НА ЯЗЫКОВУЮ КОММУНИКАЦИЮ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	7
<i>Маргарян К. К., Кечкина Д. С., Шурыгина Ю. А.</i> ПРИМЕНЕНИЕ МЕДИАСРЕДСТВ В УМСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ	12
<i>Одинокова Ю. Р., Шурыгина Ю. А.</i> О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РАССМОТРЕНИЯ ЭКСКУРСИИ КАК СРЕДСТВА ВОСПИТАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	17
<i>Телицына И. В.</i> ЗНАЧЕНИЕ МЕДИА В ОБРАЗОВАНИИ	25
<i>Тугушева З. К., Шурыгина Ю. А.</i> ВОСПИТАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ОСВОЕНИЯ ГРАММАТИКИ)	29
<i>Хамраев Д. М., Дмитриев Д. В.</i> ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКИХ ПОЭТОВ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА И МАХТУМКУЛИ	34
<i>Шакирова А. Ш., Ретинская В. Н.</i> РОЛЬ СЕТИ ИНТЕРНЕТ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ	38
<i>Семеньчева М. А., Питерова А. Ю.</i> ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНТЕРАКТИВНОЙ РЕКЛАМЫ В РОССИИ	46

РАЗДЕЛ 2. ЯЗЫКОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СУДЬБА РУССКОГО ЯЗЫКА В МИРЕ

<i>Ахвани А. М. З., Шмелькова В. В.</i> КАТЕГОРИЯ БЕЗЛИЧНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «МЕТЕЛЬ»)	50
<i>Кенжаев Х. М., Семёнова Л. Ю.</i> ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ «УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ГАЗЕТЫ»)	53
<i>Мадримова Х. Б., Шмелькова В. В.</i> СОВРЕМЕННЫЕ МЕДИАТЕКСТЫ В РОССИЙСКИХ ИЗДАНИЯХ ДЛЯ ЖЕНЩИН.....	56

<i>Снигирева Е. А.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПЛАТФОРМ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	59
<i>Хун Е, Пашиковская С. С.</i> ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В КИТАЕ	64
<i>Чжоу Шаньюй, Пашиковская С. С.</i> НАД ЧЕМ СМЕЕТЕСЬ... ЮМОР КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	67

РАЗДЕЛ 3. СОЦИАЛИЗАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В НОВОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

<i>Джилкибаева А. Б., Нургазы К., Сягайло Е. Г.</i> СОЦИАЛИЗАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В НОВОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ	71
<i>Пател Д. М., Леонова А. А., Лазарева Л. В.</i> ИЗУЧЕНИЕ «ОСНОВ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ» ИНДИЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ КАК УСЛОВИЕ ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ	76

РАЗДЕЛ 4. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XXI ВЕКЕ: ОРИЕНТИРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Аскарова Т. И., Питайкина И. А.</i> К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА	81
<i>Бадалова Б. Р., Рассказова Н. В.</i> ИНОСТРАННОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: СОСТОЯНИЕ И ТРЕНДЫ	85
<i>Dubina A. Sh., He Liangxian</i> PREDICTION OF FUTURE TRENDS IN SINO-RUSSIAN TRADE	90
<i>Dubina A. Sh., Li Xin</i> RESEARCH ON THE INTERNATIONAL COMPETITIVENESS OF CHINA'S TOURISM SERVICES TRADE	93
<i>Dubina A. Sh., Wang Pei</i> DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL ECONOMY AND TRADE UNDER THE BACKGROUND OF CROSS-BORDER E-COMMERCE	97

<i>Dubina A. Sh., Yan Nana</i> ANALYZING THE PROBLEMS IN THE DEVELOPMENT OF JOINT VENTURES BASED ON GLOBAL EXPERIENCE AND CHINESE PRACTICE	102
<i>Li Jialong, Skvortsova V. A.</i> CHINA-RUSSIA BORDER TRADE COOPERATION UNDER THE BELT AND ROAD INITIATIVE	105
<i>Li Xiaolong, Skvortsova V. A.</i> PROBLEMS AND COUNTERMEASURES OF SINO-RUSSIAN TRADE DEVELOPMENT UNDER THE BACKGROUND OF «THE BELT AND ROAD INITIATIVE»	109
<i>Ma Ruiqi, Vlazneva S. A.</i> AGRI-FOOD TRADE BETWEEN CHINA AND RUSSIA	115
<i>Mao Xin, Skvortsova V. A.</i> DEVELOPMENT STATUS, BOTTLENECKS AND COUNTERMEASURES OF SHARING ECONOMY IN CHINA	119
<i>Меллеев А. Х., Бодрова С. С., Мишина Н. А.</i> НОВЫЕ СТРАТЕГИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ЭКСПОРТА РОССИИ	129
<i>Тарасова Н. Л.</i> КОММУНИКАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ	131
<i>Wang Hui Min, Salnikova O. V.</i> DEVELOPMENT TREND OF INTERNATIONAL LOGISTICS INDUSTRY	135
<i>Wang Jiayang, Vlazneva S. A.</i> CHINESE ENERGY CONSUMPTION	141
<i>Wang Rui, Salnikova O. V.</i> E-COMMERCE DEVELOPMENT IN CHINA AND RUSSIA	146
<i>Zhang Jiuhai, Vasin S. M.</i> INFLUENCING FACTORS IN DEVELOPMENT OF E-COMMERCE IN RUSSIA AND CHINA	151
<i>Щеглов В. Ю., Фахриддинзода А.</i> ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ СТИМУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ	155
<i>Щеглов В. Ю., Хакимова К. М.</i> ВНЕДРЕНИЕ CRM КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ПОВЫСИТЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ КОМПАНИИ	160

РАЗДЕЛ 5. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕДИЦИНСКОЙ НАУКИ

<i>Esenalieva D. D., Mitrofanova N. N.</i> FEATURES OF DENTAL DISEASES OF CHILDREN IN THE PENZA REGION	165
--	-----

<i>Kamble S. S., Pravosudova N. A.</i> THE ROLE OF GUT MICROBIOTA IN LIVER DISEASES	167
<i>Kulkarni A. M., Pravosudova N. A.</i> IMMUNOTHERAPY FOR CANCER. ADVANCES AND CHALLENGES	175
<i>Magdum M. S., Kurtashkin M. S.</i> AQUATIC MICROBIOLOGY	182
<i>Elmetwalli M. A. H. M., Marfina O. V.</i> THE ROLE OF GUT MICROBIOTA IN DEVELOPMENT DIABETES MELLITUS DISEASES	189
<i>Mohareb B. K. T., Marfina O. V.</i> VAGINAL MICROBIOME IN NORMAL AND DURING PREGNANCY	193
<i>Solanki N. R., Melnikov V. L.</i> HUMAN GENETIC AND SUSCEPTIBILITY TO INFECTIOUS DISEASES	197
<i>Pawar Sh. N., Andreeva D. O.</i> MICROBIAL GENOMICS	204
<i>Prabhune A. U., Kurtashkin M. C.</i> LISTERIOSIS	210
<i>Purohit Y. S., Andreeva D. O.</i> BIOFILMS AND THEIR IMPACT ON HUMAN HEALTH	215

РАЗДЕЛ 6. УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В РАЗВИТИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА: ЗАЛОГ МИРА БЕЗ ВОЙНЫ

<i>Авдеев Н. В., Давлатов Х. Б.</i> МОЛОДЕЖЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ МИРА БЕЗ КОНФЛИКТОВ	223
<i>Степанова Д. Н., Пенкина В. С.</i> РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ	227
<i>Сутягин П. К., Сараев Н. Д.</i> МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ КАК МЕТОД ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА	235
<i>Темиров Ш. Ш., Щеголькова Е. С., Фирсаков А. А., Панова Я. А.</i> УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В РАЗВИТИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА С ЦЕЛЬЮ СОХРАНЕНИЯ МИРА КАК ГАРАНТИИ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ	240
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	245

РАЗДЕЛ 1. РОЛЬ МЕДИА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

ЯЗЫК МЕМОВ: ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-КУЛЬТУРЫ НА ЯЗЫКОВУЮ КОММУНИКАЦИЮ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

*Селби Касымджанова¹,
Равия Пирлиева²,
Дарья Дмитриевна Голова³*

^{1,2,3}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассматривается влияние интернет-мемов на английский язык и языковую коммуникацию. Исследуются воздействие интернет-мемов на существующие тренды и социокультурные изменения, а также создание особого языкового кода интернет-сообществ.

Ключевые слова: мем, интернет-культура, языковая коммуникация, англоязычная культура, английский язык

В современном цифровом мире мемы стали неотъемлемой частью интернет-культуры и популярным средством коммуникации. В последние десятилетия объектом всеобщего интереса стали такие темы, как популярность и роль мемов в формировании языковой коммуникации. Мемы, как форма шуток, забавных картинок и кратких видеороликов, завоевали миллионы сердец онлайн-пользователей, а их влияние на языковую коммуникацию нельзя недооценивать.

Мемы обладают удивительной способностью объединять людей посредством юмора, сатиры и иронии. Они позволяют пользователям выражать свои мысли и эмоции с минимальными усилиями, используя смешанные изображения и текст. Такой способ коммуникации особенно актуален в современном мире, где информация поступает к нам со всех сторон, и способность быстро улавливать и передавать смысл становится все более ценной. Мемы также предоставляют аудитории инструмент для исследования актуальных тем, например, в политике или культурных событиях, а также для формирования своего собственного мнения. Иными словами, мемы не только служат забавным способом общения,

но и формируют особые коды, которые обогащают нашу культуру и язык. Изучение того, как мемы влияют на язык, общение и обмен информацией способно помочь лучше адаптироваться к изменениям в межкультурном общении.

Пытаясь определить данный термин, большинство исследователей сходятся во мнении, что интернет-мем представляет собой единицу информации, циркулирующую в интернете. В то же время интернет-мем зачастую определяется как средство коммуникации [4, с. 239–243], т.е. подчеркивается коммуникативный потенциал интернет-мема, его вовлеченность в процесс компьютерно-опосредованного общения. Н. Г. Марченко предлагает понимать интернет-мем как «хранилище культурных кодов сетевого сообщества», тем самым акцентируя внимание на культурной специфике этих единиц [3, с. 113–115]. Исследователи, изучающие интернет-мем с позиций лингвистики, определяют его как речевой жанр, указывая на ряд дискурсивных признаков, присущих интернет-мему [1, с. 140–151].

В традиционном широком понимании интернет-мем – комплексный феномен интернет-коммуникации, представляющий собой целостную, завершенную единицу, с текстом и картинкой в квадратной рамке.

Данное определение акцентирует внимание на нескольких важных аспектах. Во-первых, подчеркивается функционирование интернет-мема в рамках интернет-коммуникации, это означает, что сферой употребления интернет-мема является интернет, который выступает и средой возникновения, и платформой для тиражирования интернет-мемов. Функционирование интернет-мема в интернет-коммуникации также делает его информационным явлением, вовлеченным в ряд интернет-процессов, присущих интернету в целом (например, анонимность информации, нарушение речевого этикета и т.д.). Данные процессы неизбежно проецируются на интернет-мем, влияя на его природу [2].

Роль мемов в интернет-культуре заключается в их способности отражать и формировать актуальные события, ценности и культурные особенности общества. Мемы служат социокультурным зеркалом, отражая текущие интересы общества, а также способствуют созданию и поддержанию культурной идентичности в онлайн-сообществах.

Изучение роли мемов в интернет-культуре подразумевает не только анализ их современного воздействия, но и погружение в их историю и эволюцию в контексте развития онлайн-среды.

Термин «мем» был впервые введен британским генетиком Ричардом Докинзом в 1976 году в его книге «Эгоистичный ген». Это слово происходит от греческого слова «подобие». Идея мемов оказалась обещающей и была дальше развита в его последующих работах.

Сам термин «мем» был выбран удачно, так как он ассоциируется с генетической памятью, которая способствует интеграции индивидов в общество. Р. Докинз писал: «Нам нужно имя для нового репликатора, существительное, которое передаст идею о передаче культурного наследия или имитации. Из подходящего греческого корня получается слово «мимем» (mimeme), но я хочу, чтобы оно было односложным, как «ген».

На протяжении почти четверти века концепция мемов оставалась в тени. Однако в начале XXI века произошел поворот, и культурологи пришли к пониманию, что мемы имеют паразитический характер. Так же, как и гены, мемы могут быть «хорошими» и «плохими». В первом случае, они укрепляют смысл своего информационного окружения, а во втором — используют его паразитически для собственных целей, не всегда в пользу системы, в которую они внедряются.

На сегодняшний день, концепция мемов приобрела устойчивое положение и даже породила новую науку – меметику. Эта наука формировалась в онлайн-среде через викиномику, вне стандартных академических кругов. Тем не менее, тематика мемов остается предметом интереса специалистов по управлению массовым сознанием, несмотря на их профессиональный статус. Многие воспринимают мемы как инструмент лингвистического воздействия, но существенные достижения меметики остаются скрытыми даже для специализированной аудитории [5, с. 50–60].

Важно обратить внимание на языковые аспекты, которые играют ключевую роль в формировании и распространении мемов. Создание новой лексики и фраз, а также анализ семиотики мемов — это важные аспекты, которые позволяют нам понять, как мемы передают сообщения и идеи в онлайн-среде.

Мемы часто служат источником создания новой лексики и фраз, которые могут стать широко используемыми в онлайн-

и офлайн-коммуникации. Путем сатиры, шуток и игры слов мемы могут создавать уникальные термины и выражения, которые затем внедряются в повседневный язык. Примером может служить фраза «YOLO» (You Only Live Once), которая стала частью интернет-сленга после популярности соответствующего мема (рис. 1).

Другим примером может служить фраза «FOMO» (Fear Of Missing Out), которая описывает страх упустить что-то интересное (рис. 2). Или фраза «onfleek», которая стала широко используемой после появления мемов и видеороликов, в которых говорилось «eyebrows on fleek» («брови на высоте»). Эта фраза используется для описания чего-либо, что выглядит хорошо, стильно и ухожено (рис. 3). Такие мемы не только создают новые слова и аббревиатуры, но и формируют новые значения для существующих слов. Тем самым, данный процесс демонстрирует, как мемы влияют на лексическое обогащение языка и адаптируют его к современным реалиям.

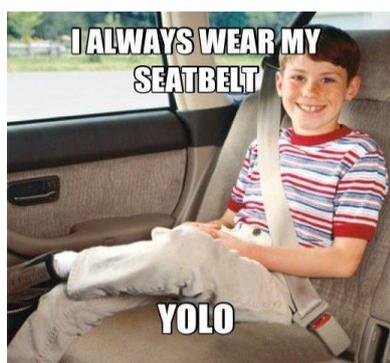

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Семиотика мемов изучает, как используются разные символы и приемы для передачи сообщений и идей. Мемы могут включать в себя картинки, текст, звуки и другие элементы, которые взаимодействуют между собой, чтобы вызвать определенные мысли и эмоции у аудитории. Понимание семиотики мемов помогает разгадать их смысл и влияние на культуру и общество.

Мемы имеют способность создавать общий язык и понимание среди группы людей, которые разделяют знание в определенных тематиках. Такие мемы служат иллюстрациями, которые могут усилить смысловое воздействие сообщения. Например, фраза «This is fine» (рис. 4) с изображением пламенеющей комнаты стала символом отчаяния и беспомощности перед трудностями. Таким

образом, мемы способствуют быстрому и точному выражению эмоций, облегчая коммуникацию в цифровом мире.

Рис. 4

Мемы играют важную роль в отражении культурных особенностей и оказывают значительное влияние на понимание англоязычной культуры. Мемы часто отражают актуальные события в англоязычном мире. Они могут комментировать политические события, культурные тенденции, социальные проблемы и другие аспекты жизни.

Мемы часто переносят элементы англоязычной культуры в другие страны и среды, что способствует межкультурному обмену и взаимопониманию. Такие мемы могут включать в себя английские слова и фразы, которые становятся известными по всему миру благодаря своей популярности. Также мемы часто включают в себя культурные стереотипы и могут освещать национальные особенности, обычаи и символы определенной культуры. Такие мемы помогают англоговорящим людям лучше понимать свою собственную культуру, а также привлекать внимание людей из других культур, способствуя более широкому интересу и пониманию англоязычного культурного контекста.

Таким образом, мемы оказывают значительное влияние на английский язык и языковую коммуникацию. Они формируют новую лексику, создают фразы, идентифицируемые и понимаемые миллионами людей, и обогащают язык современными выражениями. Мемы демонстрируют мощь семиотики и способность использования образов и символов для эффективного общения в цифровой эпохе. Понимание влияния мемов на язык помогает лучше адаптироваться к быстро меняющейся среде общения и более эффективно участвовать в диалоге с современным обществом.

Важно признать и значимость интернет-культуры в современном мире. Она не только формирует новые языковые и культурные аспекты, но также становится местом, где общество выражает свои идеи, ценности и чувства. Мемы, как ключевой элемент интернет-культуры, способствуют социокультурным изменениям и объединяют людей через общий язык и юмор, что свидетельствует о важности изучения интернет-культуры и ее воздействия на наш мир и языковую среду.

Список литературы

1. Горобцова И. В., Киселёва Н. Ю. Речевой жанр интернет-мема в современном англоязычном сетевом пространстве // Современные тренды развития социогуманитарного знания : сб. тр. IV Междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д., 2014. С. 140–151.

2. Канашина С. В. Что такое интернет-мем? // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2017. № 28 (277). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-internet-mem> (дата обращения: 05.11.2023).

3. Марченко Н. Г. Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого сообщества // Казанская наука. 2013. № 1. С. 113–115.

4. Мигранова Л. Ш., Кромина Е. И. Интернет-мем как особое средство коммуникации // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам : материалы третьей Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. С. Артемовой. Брянск, 2015. С. 239–243.

5. Московкин Л. И., Вакурова Н. В. происхождение и эволюция мемов: слово как генетическое оружие // Научные перспективы XXI века, достижения и перспективы нового столетия : XXXI Междунар. науч.-практ. конф. / Международный Научный Институт «Educatio». 2018. № 1 (31). С. 50–60.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕДИАСРЕДСТВ В УМСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

*Карина Кароевна Маргарян¹,
Дарья Сергеевна Кечкина²,
Юлия Александровна Шурыгина³*

^{1,2,3}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Аннотация. Идет речь о применении медиасредств в образовательном и воспитательном процессе, подчеркивается их значение для умственного

воспитания молодежи, приводятся примеры использования медиасредств в образовательных целях.

Ключевые слова: медиасредства, информатизация образования, метод «Перевернутый класс», умственное воспитание молодежи

В современном мире медиасредства играют огромную роль в жизни молодежи. Сегодня можно утверждать, что активное развитие медиаобразования стало своеобразным символом российской педагогики конца XX столетия. И это вполне закономерно. От телевидения и радио до социальных сетей и видеоигр, медиасредства окружают нас повсюду.

По мнению В. А. Возчикова, основными задачами медиаобразования являются следующие:

- подготовить новое поколение к жизни в современных информационных условиях, к восприятию различной информации;
- научить человека понимать ее, осознавать последствия ее воздействия на психику;
- овладевать способами общения на основе невербальных форм коммуникации с помощью технических средств [2].

Тем не менее, возрастание роли медиа приходит в противоречие с практикой их использования в образовательном и воспитательном процессе. В педагогической науке и практике недооцениваются или переоцениваются образовательные возможности современных медиа, их воспитательный и дидактический потенциал. Также встречаются публикации, авторы которых описывают либо положительные стороны использования медиа-средств в образовании, либо их существенные недостатки.

Например, Л. М. Андрюхина отмечает, что информатизация образования запустила процессы, «которые фактически приводят к вытеснению, замещению в образовании самого образа человека». Данное явление она объясняет понятиями (обесчеловечивание, обезличивание, дегуманизация, деперсонификация и пр.). Ярким примером является «замещение (аватаризация) и деформация образа человека в информационно-компьютерных коммуникациях». Иначе говоря – человек все чаще общается с «не-людьми и псевдо-людьми» [1].

Л. М. Андрюхина также упоминает о необходимости преодоления противоречия между объемами информации и физическими возможностями человека их воспринять и освоить. Гипертексто-

вые и гипермедийные формы представления знаний дают уникальные возможности увеличить объем материала, который усваивает школьник или студент. Однако избыток информации, невозможность или неспособность отличить существенное от несущественного, достоверное от недостоверного могут привести к возникновению тревожности, стрессовых состояний, когнитивному диссонансу [1].

Несмотря на перечисленные моменты, использование разнообразных медиа-средств, как актуальная тенденция современного образования, расширяет границы человеческого общения и познания, способствует появлению новых форм организации учебно-воспитательного процесса (дистанционный формат обучения, видеоуроки, онлайн-курсы, созданные с помощью электронных образовательных платформ и пр.). Технические средства позволяют нам говорить с теми, кто находится от нас удаленно, меняются и временные характеристики общения. Работа с разнообразными медиа-средствами позволяет развивать мышление, аналитические способности, способствует умственному воспитанию молодежи.

Примером использования медиа-средств в образовательных целях является инновационный метод «Перевернутый класс», суть которого заключается в том, что на объяснение темы не тратится время, поскольку эта задача переносится на дом. Школьники изучают новый материал самостоятельно, каждый в своем режиме, поскольку уровень восприятия информации у каждого ребенка разный.

Обучающиеся работают дома в образовательной платформе, выбранной учителем, где они знакомятся с новым или же закрепляют ранее изученный материал. На уроке происходит полное закрепление изученного в домашних условиях материала и актуализация полученных знаний, которые могут проходить в различных интерактивных формах, к примеру, в формате семинара, ролевой игры или проектной деятельности. Данный метод позволяет уйти от фронтальной формы работы на занятиях и работать, используя интерактивные формы работы с обучающимися [4].

Использование различных медиасредств (образовательных платформ и т.д.) при работе с новой темой позволяет преподавателю сразу же проверить понимание обучающимися учебного материала. Таким образом, главная суть использования метода «перевернутый класс» заключается в переносе знакомства с новым

учебным материалом на дом, а воспроизведение практики будет воспроизводиться уже в классе.

К методу «Перевернутый класс» обращаются по нескольким причинам:

1. Персонализация обучения. Усвоение материала проходит в разном темпе, не всегда имеется возможность подробно объяснять все нюансы темы отстающим ученикам. Можно самостоятельно просматривать презентацию в своём темпе, перечитывать наиболее сложные абзацы текста, ставить видео на повтор или, наоборот, пропускать те фрагменты, которые уже знакомы.

2. Дефицит учебного времени. Большая часть занятия тратится на объяснение темы, а на отработку нового материала остаются считанные минуты. Нет возможности обратиться к преподавателю за разъяснениями, поэтому полученные знания усваиваются лишь частично и остаётся большое количество пробелов [5].

3. Отсутствие заинтересованности. Сложно на протяжении всего занятия удерживать внимание: если не сменить вид деятельности, большинство учеников отключатся уже через 10–15 минут. Концентрация внимания и мотивация к учёбе становятся выше, если учащийся может принимать в процессе активное участие, а не монотонно конспектировать монолог учителя [6].

В научной литературе описаны разновидности перевернутого класса:

1. Стандартный перевёрнутый класс: в качестве домашнего задания просматривают видео, слушают подкасты учителя или читают параграфы учебника; во время урока разбирают вопросы по новой теме, а также проводят опыты и выполняют практические упражнения.

2. Продвинутый перевёрнутый класс: сами находят в интернете материал по новой теме, делятся им друг с другом и готовят выступление на уроке, которое затем обсуждают в группах.

3. Дискуссионно-ориентированный класс: самостоятельного изучения материала, обсуждают его в классе и занимаются совместной проектной деятельностью.

4. Демонстрационно-ориентированный класс: получают видеодемонстрацию научного опыта или эксперимента, изучают запись и повторяют опыт самостоятельно.

5. Комбинированный перевёрнутый класс: изучение темы начинается не с теории, а с практики. В небольших группах (вне

урока) ученики ищут способы решить задачу или пример, затем в классе обсуждают свои идеи с учителем, а после этого дома изучают презентацию по данной теме.

б. Виртуальный класс: такая форма обучения стала возможна благодаря онлайн-системам управления обучением. Формат виртуального «перевернутого» класса подходит для дистанционного образования, полностью исключая очные встречи с учителем: не только презентация, но и обсуждение материала, а также практика и контрольные задания выполняются удалённо и отправляются учителю на проверку [7].

Реализация метода «Перевернутый класс» при обучении английскому языку возможно, например, при использовании образовательной платформы «Live Worksheets».

Данная платформа содержит интерактивные рабочие листы и задания различного типа, включающие аудио- и видео контент, упражнения с множественным выбором ответов (multiple choice exercises), вопросы с развернутыми ответами (open-answer questions), головоломки и викторины, так называемые «упражнения с перетаскиванием» (drag & drop exercises), упражнения на сопоставление (matching exercises), упражнения для развития навыков аудирования и даже разговорные упражнения, которые обучающиеся могут выполнить с помощью микрофона. Сервис также содержит видеоруководство по созданию различных типов заданий.

М. В. Глебова отмечает, что использование современных технических средств обучения (в том числе медиа-средств), повышение информативной емкости содержания образования, применение активных методов и форм обучения, использование методов психологической активизации творческого мышления являются основными факторами интенсификации умственного воспитания молодежи [3].

Так, умственное воспитание, ориентированное на развитие интеллектуальных способностей человека, интереса к познанию окружающего мира и себя предполагает: развитие силы воли, памяти и мышления как основных условий познавательного и образовательного процессов; формирование культуры учебного и интеллектуального труда; стимулирование интереса к работе с книгой и новыми информационными технологиями; а также развитие личностных качеств – самостоятельности, широты кругозора, способности к творчеству.

Таким образом, применение медиа-средств в умственном воспитании молодежи становится актуальной педагогической проблемой, а их применение соответствует требованиям к организации современного процесса обучения.

Список литературы

1. Андрюхина Л. М. Технологии телеприсутствия – новая антропологическая платформа развития образования // Образование и наука. 2014. № 8 (117). С. 49–66.
2. Возчиков В. А. Медиаобразование и мировоззрение // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2005. Т. 5, № 10. С. 184–192.
3. Глебова М. В. О проблеме интенсификации умственного воспитания школьников // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2011. № 22. С. 137–142.
4. Технология смешанного обучения – технология будущего. URL: <https://infourok.ru/tehnologiya-smeshannogo-obucheniya-tehnologiya-budushhego-6832335.html>
5. URL: <https://rosuchebnik.ru/material/flipped-classroom/>
6. URL: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/download/1013/910>
7. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46601519_44204232.pdf

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РАССМОТРЕНИЯ ЭКСКУРСИИ КАК СРЕДСТВА ВОСПИТАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

*Юлия Ринатовна Одинокова¹,
Юлия Александровна Шурыгина²*

^{1,2}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Аннотация. Отображены сущность разноплановых экскурсий и их воспитательный потенциал, музейные экскурсионные программы, которые делают молодое поколение участником экскурсионного процесса, способного раскрыть культурно-творческий потенциал личности. Рассмотрены проблемы в сфере сохранения и использования объектов наследия, связанные с увеличивающимися потоками туристов и экскурсантов на объектах культурного и природного наследия в современных условиях наращивания информационных потоков.

Ключевые слова: экскурсия, наследие, культура, воспитание, молодежь

Воспитание представляет собой процесс целенаправленного формирования личности человека для подготовки ее к участию в жизни общества в соответствии с социокультурными нормами. Цель воспитания заключается в изменении личности через специально разработанные и проведенные мероприятия и действия.

Существуют различные виды воспитания, которые классифицируются по разным критериям. Общепринятая классификация включает в себя умственное, нравственное, трудовое, физическое воспитание. Также выделяют гражданское, политическое, интернациональное, нравственное, эстетическое, трудовое, физическое, правовое, экологическое, экономическое воспитание. Одним из значимых способов достижения воспитательных целей является экскурсия.

Так, Б. А. Столяров видит экскурсию как вид деятельности, которая всегда имела под собой воспитательный и образовательный компонент, реализуемый через зрительное, вербальное и эмоциональное восприятие объектов культуры, созданных в соответствии с целями экскурсионного процесса [13, с. 16].

А. Д. Жарков рассматривает экскурсию, как один из видов и форм досуговой воспитательной работы, построенной на принципах наглядности, вербальности и локальности. Данный вид является одним из наиболее ценных в педагогическом отношении воспитательной формой, поскольку строится с учетом интересов аудитории, имеет в своем содержании элемент новизны и творческого потенциала [3, с. 10].

Н. А. Добрин отмечает просветительский характер школьной экскурсии. Появилась в конце восемнадцатого столетия на основании школьной просветительской работы и была направлена на ознакомление учеников с многообразием мира, историческими памятниками и природными богатствами своей страны. Экскурсионное дело способствовало культурному просвещению и носило более свободный демократический характер воздействия на личность. К началу XX века уже активно накапливался практический опыт работы с экскурсиями и их внедрение в образовательную сферу. Все это нашло свое отражение в «Уставе народных училищ» 1786 г., в «Школьном уставе» 1804 г.» [1, с. 24].

Одним из первых теоретиков экскурсионной работы в России был Н. А. Добрин, который разработал основные принципы и методы экскурсионной работы. Он утверждал, что экскурсии могут

играть важную роль в формировании образования и развития личности учащихся. Н. А. Добрин считал, что экскурсии должны основываться на определенных теоретических основах и иметь четкую методику проведения [1, с. 10].

Впоследствии накопление практического опыта экскурсионной работы привело к тому, что уже к началу двадцатого века возникла необходимость в его теоретическом и методическом осмыслении. В 1910 году был опубликован сборник «Школьные экскурсии, их значение и организация» под редакцией преподавателей Петербургского Лесного Коммерческого Училища Б. Е. Райкова и Г. Н. Боча, в котором были описаны четко сформулированные основные принципы школьной экскурсионной методики [12, с. 74].

В сборнике «Школьные экскурсии, их значение и организация» были представлены основные принципы школьной экскурсионной методики. В нем подробно описывались цели и задачи экскурсий, методы их проведения, а также правила организации и безопасности.

Обоснование теоретических основ экскурсионной работы, позволило рассматривать экскурсии как осознанную и систематизированную форму образования. Они были внедрены в учебный процесс и стали неотъемлемой частью образовательной программы. Экскурсии позволяли учащимся увидеть и почувствовать на практике то, что они изучали в классе, и расширяли возможности воспитательной работы.

Таким образом, теоретическое и методическое осмысление экскурсионной работы, проведенное в начале XX века, способствовало развитию и интеграции экскурсий в учебный процесс и расширению их воспитательной функции. Это время можно считать переломным в истории экскурсионной работы в России.

Следующий период яркого развития отечественного экскурсионного дела можно отнести к 1917–1980-м годам, который характеризуется тесным взаимодействием музеев с образовательными учреждениями, включением краеведческого компонента в работу экскурсовода. Экскурсии того времени были весьма востребованными, доступными и разноплановыми. Главными темами являлись: военно-исторические, историко-революционные, производственные, литературные, искусствоведческие, природоведческие, архитектурно-градостроительные, исторические. В связи с тем, что методические и практические основы экскурсионной ра-

боты регулировались государством, их направленность была ориентирована на формирование коммунистического мировоззрения, на формирование нравственно-патриотических качеств личности и др. [8, с. 14–18].

Таким образом, мы приходим к выводу, что экскурсия как вид деятельности направлена на просвещение и расширение кругозора человека. Еще с начала советского периода экскурсия стала мощным транслятором и средством воспитания и мировоззренческой пропаганды среди молодого населения.

И. А. Макеева пишет о ценностной парадигме глазами молодежи, когда происходит кризис мировоззренческих и ценностных ориентаций молодежи, кризис ее воспитанности, нравственных качеств, ценностей, идеалов, общественных норм, представлений, с помощью которых человек входит в социальную среду, может выразить свое отношение к окружающей действительности. Поэтому экскурсионное дело может повлиять на уровень воспитания молодежи в силу опоры на визуальные обстоятельства, использования культурного наследия и других средств перцепции [7, с. 175–178].

Самыми популярными и востребованными в учебно-воспитательном процессе являются разноплановые экскурсии, т.к. экскурсанты получают возможность познакомиться с основными памятными местами города, отражающими важные его исторические моменты и своеобразие современного вида. Воспитательная функция разноплановой экскурсии состоит в воспитании патриотизма, ценностного отношения к объектам природного и культурного наследия, уважение к культуре и истории своего народа.

Как происходит воспитательный процесс в экскурсионной деятельности?

Е. Е. Леонов и А. В. Тараканов подчеркивают, что экскурсия по своей природе имеет междисциплинарный и средовой характер воздействия, более того он вносит большой вклад в развитие и воспитание личности. Современная стратегия развития и воспитания человека направлена на помощь в получении всех государственных, социальных благ и услуг молодым поколением. Данные услуги способствуют развитию, культурному развитию, становлению личности молодого человека и включению его во все сферы жизни общества и государства [6, с. 64–73].

Н. А. Добрина, говоря о разноплановой городской экскурсии, подчеркивает ее своеобразную методическую систему, которая четко регламентирует процесс ее организации и проведения, а по большому счету включение объектов городской и природной культуры, интеграции преемственности ценностей и норм поведения в процесс воспитания молодежи, при этом учитывая их особенности, цели, задачи этого мероприятия [1, с. 57].

И. А. Макеева выделяет воспитательную направленность экскурсии, которая является целевым ее компонентом, на основании чего и происходит организация и проведение экскурсии. Это приводит к формированию разносторонне развитой личности, включенной в социальное общество [7, с. 175-178].

Б.В. Емельянов подчеркивает, что процесс организации и проведения разноплановых городских экскурсий – это сложный многоэтапный процесс, учитывающий объекты показа и рассказа, а также воспитательную работу. Самым главным для организатора разноплановых городских экскурсий является постановка цели. Ученый считает, что целями могут быть: нравственно-патриотическое воспитание, трудовое воспитание, эстетическое воспитание, экологическое воспитание и т.д. Каждая цель определяет выбор темы и необходимый инструментарий для лучшего воздействия на людей. В. Б. Емельянов добавляет: «деление экскурсий на четко определенные группы на практике носит несколько условный характер, однако имеет большое значение для деятельности экскурсионных учреждений» [2, с. 68].

На сегодняшний день экскурсия – это специфическая форма общения экскурсовода и экскурсантов, при которой возникает активная мыслительная деятельность людей, происходит эмоциональное переживание и разнонаправленное развитие взглядов и видения человека. Экскурсия, как вид деятельности, способствует нравственно-патриотическому, интеллектуальному, ценностному совершенствованию человека, поэтому процесс подготовки и проведения экскурсии многоэтапный и сложный.

При составлении программы разноплановых городских экскурсий необходимо учитывать психологические, возрастные особенности аудитории, социальное положение ее членов, требования экскурсантов к качеству проведения экскурсии, их интересы и потребности, а также применять разнообразие новых, креативных форм и методов экскурсионной работы [9, с. 72–77].

Так, например, многие современные экскурсоводы активно внедряют в свою деятельность такие инновационные направления, как: театрализованные экскурсии, мини-спектакли, костюмированные балы, чаепития с какими-либо историческими персонажами, мастер-классы. Особое место среди современных форм занимает экскурсия с использованием маршрутного листа, экскурсия-квест. В работе музейных учреждений сегодня часто встречается использование анимации [5, с. 25].

Экскурсии с целью ознакомления с объектами культурного и природного наследия – давняя традиция, сопутствующая туризму и путешествиям еще с античного периода. В информационном обществе экскурсия занимает свое, вполне определенное, место, и ее информационно-познавательная эффективность в первую очередь зависит от качества транслируемого экскурсантам текста, хотя в традиционном споре В современной практике экскурсионного дела возникает немало проблем, вызванных все увеличивающимися потоками туристов и экскурсантов в эпоху глобализации и присущих ей явлений информатизации и цифровизации в сфере культуры, туризма и общественных отношений [11, с. 10–11].

Одной из проблем, связанных с экскурсионным посещением объектов культурного и природного наследия, является проблема массового наплыва туристов и экскурсантов на всемирно известные объекты культурного и природного наследия, создающего серьезные угрозы сохранению таких объектов. В результате ежегодного наплыва миллионов людей природные и культурные ценности Земли теряют свой истинный облик, и некоторые из них уже никогда не будут прежними.

Так, на сегодняшний день от главной достопримечательности Китая – Великой Китайской стены – осталась лишь треть. Разрушилась Великая Китайская стена не только под воздействием времени и эрозии, но и из-за нескончаемого потока путешественников. Некоторые части стены разгромлены, другие покрыты граффити.

За последние десять лет высочайшая вершина мира – Эверест – стала невероятно туристским местом: покорить ее мечтают миллионы людей со всего света. Вот только эти же миллионы оставляют близ Джомолунгмы бессчетное количество мусора: за один только 2019 год с горы убрали 11 тонн отходов, оставленных туристами.

А в день зимнего солнцестояния к одной из самых известных достопримечательностей Великобритании – Стоунхенджу – стекаются тысячи людей, желающих отметить праздник. После себя они оставляют мусор, граффити и даже жвачку на камнях. Все это за туристами убирают десятки простых рабочих [14]. И таких примеров сегодня легко найти уже немало. Власти соответствующих стран принимают, конечно же, меры с разной степенью успеха по ограничению доступа к таким объектам.

Растущий поток гостей привел к появлению термина «overtourism» (чрезмерное число посетителей по отношению к местному населению), и, в связи с этим в ряде туристских центров европейских стран расширяются протесты местного населения против чрезмерного числа туристов, и сегодня там часто можно увидеть граффити: «Tourists go home!» («Туристы, идите домой!»).

При посещении экскурсий, люди должны трепетно относиться к объектам культурного наследия, беречь ее. Ведь сохраняя прошлое, мы создаём будущее. Нам важно сохранить нашу историю и передать её подрастающему поколению.

Обобщая все вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что экскурсионная работа с молодежной аудиторией позволяет решать следующие воспитательные задачи: формирование понимания взаимосвязи исторических эпох и своей причастности к новому времени, другой культуре через общение с памятниками истории и культуры; формирование способности к воссозданию образа соответствующей эпохи на основе общения с культурным наследием, художественное восприятие действительности; развитие способности к эстетическому восприятию, сопереживанию; выявление творческих способностей у подрастающего поколения: создание условий для творческого общения и сотрудничества [8].

Таким образом, мы можем отметить, что воспитательными задачами экскурсионного процесса являются формирование познавательной активности, коммуникативных навыков, эмоциональной культуры и художественного вкуса, воспитание музейной культуры [8]. Так, ещё необходимо отметить, что методика организации разноплановых экскурсий имеет сложный и многоступенчатый характер. С одной стороны, она требует от экскурсовода определенное количество знаний, умений и компетенций, учитывает психолого-педагогические особенности экскурсантов, но, с другой

стороны, дает в тоже время экскурсантам возможность развиваться, активно наблюдать, изучать и исследовать различные объекты окружающего мира.

Список литературы

1. Добрина Н. А. Экскурсоведение : учеб. пособие. М. : ФЛИНТА : НОУ ВПО «МПСИ», 2012. 288 с.
2. Емельянов Б. В. Экскурсоведение : учебник по туристским специальностям / Российская международная акад. туризма. М. : Советский спорт, 2008. 213 с.
3. Жарков А. Д. Теория и технология культурно-досуговой деятельности : учебник для студентов вузов культуры и искусств. М. : Изд. дом МГУКИ, 2007. 480 с.
4. Игнатов А. А. Педагогические воззрения и практика духовного воспитания святителя Феофана Затворника : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Курск, 2004. 28 с.
5. Ишекова Т. В. Экскурсионное дело : учеб. пособие. Саратов : Научная книга, 2006. 40 с.
6. Леонов Е. Е., Тараканов А. В. Особенности методики проведения экскурсии // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 21. С. 64–73.
7. Макеева И. А. Воспитательный потенциал музейной экскурсии: теоретико-прикладные аспекты. М. : Буки-Веди, 2012. С. 175–178.
8. Мид М. Преемственность в эволюции культуры. М., 1964.
9. Мышева Т. П. Музей и его взаимосвязь с социумом // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». 2018. № 2. С. 72–77.
10. Петровский А. В. Дети и тактика семейного воспитания. Ереван : Луйс, 1983. 121 с.
11. Покатыло В. В., Шигабутдинова Л. Р., Волкова А. В. О необходимости нравственного воспитания молодежи // Молодой ученый. 2014. № 4.
12. Райков Б. Е. Методика и техника экскурсий. М. ; Л., 1930. 114 с.
13. Столяров Б. А. Музейная педагогика. История, теория, практика : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 2004. 216 с.
14. Какие места испортили туристы ради «селфи» // Информационный портал. URL: [https:// www.msn.com/ru-ru/lifestyle/travel/](https://www.msn.com/ru-ru/lifestyle/travel/) (дата обращения: 11.11.2023).

ЗНАЧЕНИЕ МЕДИА В ОБРАЗОВАНИИ

Ирина Викторовна Телицына

*Уральский государственный университет путей сообщения,
г. Екатеринбург, Россия*

Аннотация. Идет повествование о медиа в образовательном пространстве. Дается анализ понятия, что такое медиа, рассматриваются преимущества и негативные аспекты использования медиа. Кроме того, рассматривается, как медиа действуют в качестве средства межкультурной коммуникации и какие проблемы они могут создать. Необходимость развития медиаграмотности и критического мышления является неотъемлемой частью образовательного процесса.

Ключевые слова: медиа, межкультурная коммуникация, образование, межкультурный диалог

В настоящее время медиа в образовании являются важным средством обучения и информирования. Всё чаще медиа используются как дополнительный источник информации, позволяющий студентам получать новые знания и углублять свои знания по различным предметам. Они помогают студентам лучше усваивать и запоминать информацию, визуализируя ее и делая более доступной и интересной. «Медиа нынешней эпохи являются демонстрацией того, что глобализация привела не только к росту вовлеченности людей в процессы коммуникации, увеличению объемов и скорости передаваемой информации, но и к созданию параллельной реальности, медиареальности, где социальные проблемы могут усугубляться вопреки реальной статистике» [5, с. 496].

Анализ различных словарей показывает, что «медиа» – это совокупность средств массовой коммуникации, которые используются для передачи информации и коммуникации между людьми. Включает в себя такие средства, как телевидение, радио, газеты, журналы, кино, интернет, социальные сети и другие. Медиа оказывает огромное влияние на общество, играет важную роль в информировании, образовании и формировании общественного мнения [1].

Одним из основных преимуществ использования медиа в образовании является возможность получить доступ к широкому кругу знаний и опыта. Благодаря медиа студенты могут узнать о разных культурах, истории, науке, искусстве и многом другом.

С помощью медиа можно изучать иностранные языки, создавать свои проекты. «Интеграция звука, движения, образа и текста создает новую, необыкновенно богатую по своим возможностям учебную среду, с развитием которой увеличится и степень вовлечения студента в процесс обучения» [7, с. 64].

Использование медиа в обучении иностранному языку – необходимое составляющее: аутентичные аудио- и видеоматериалы для учебной и самостоятельной работы, различные Интернет-ресурсы, способствующие отработке и запоминанию лексического и грамматического материала. Возможности медиа бесконечны для любого возраста, начиная с дошкольного периода, включая школьный и вузовский. Таким образом, можем утверждать, что «педагогическое воздействие на студентов с помощью компьютерных технологий, Интернет-ресурсов является на сегодняшний день актуальным для развития и поддержания мотивации к изучению иностранного языка» [2].

Кроме того, использование медиа в образовании способствует развитию медиаграмотности. Студенты учатся анализировать получаемую информацию, критически мыслить, различать факты от мнений и учиться применять полученные знания в жизни, углублять имеющиеся знания. Они учатся разбираться в том, каким образом создается информационный продукт, какие методы и технологии используются, и как это влияет на восприятие и понимание информации. Медиа помогают студентам расширять свой кругозор, развивать навыки и навыки, необходимые для успешной адаптации в современном информационном обществе. Медиа влияет на развитие «личности на основе средств, связанных с массовой коммуникацией для того, чтобы формировать культуру общения с медиасредствами» [4].

Также медиа играют важную роль в межкультурной коммуникации. Они обеспечивают людей информацией о разных культурах, обычаях, традициях и ценностях других народов, оказывая огромное влияние на формирование взаимопонимания и сотрудничества между разными культурами. В данной статье мы также рассмотрим, как медиа действуют в качестве средства межкультурной коммуникации и какие проблемы они могут создать.

Во-первых, медиа позволяют людям получать информацию о других культурах. Телевидение, радио, газеты, интернет – все эти средства связи стали незаменимыми источниками информации

о других странах и народах. Благодаря современной технологии, мы можем смотреть телевизионные передачи и фильмы, слушать радиостанции и читать новости о различных культурах прямо из дома на любом языке. Таким образом, медиа способствуют расширению кругозора и позволяют нам лучше понять и уважать другие культуры.

Во-вторых, медиа играют роль посредников в межкультурном диалоге. Благодаря международным телеканалам и радиостанциям, а также интернет-платформам, люди имеют возможность обмениваться информацией и идеями с представителями других культур. Программы и передачи на разных языках способствуют обмену знаниями и культурными ценностями между людьми разных стран. Блоги и социальные сети позволяют нам вести диалог с людьми со всего мира и делиться своим опытом и культурным богатством. Изучение иностранных языков с помощью сети Интернет уже ни для кого не является чем-то особенным, это становится нормой. «Проведение различных конференций, семинаров, встреч и других мероприятий в дистанционном формате стало важнейшей составляющей современной жизни общества. Общение и взаимодействие между людьми сегодня уже невозможно представить без высоких технологий и специальных средств, призванных облегчить эти процессы» [3, с. 137].

Согласимся с мнением Е. А. Снигиревой, что «современные средства коммуникации являются мощным онлайн-инструментом, который позволяет осуществить межкультурный диалог благодаря возможности для людей из различных стран общаться, взаимодействовать, общаться, делиться, выражать идеи и мысли и выполнять многие другие функции» [6, с. 15].

Однако, несмотря на все преимущества, медиа также могут создавать проблемы в межкультурной коммуникации. Медиа могут быть подвержены влиянию стереотипов и предвзятости. В некоторых странах информация, представленная в СМИ, может исказить реальность и передать предвзятую картину другой культуры. Это может привести к возникновению неправильных представлений о других народах и создать преграды для межкультурного понимания.

Кроме того, медиа могут способствовать формированию культурной гомогенизации. Современные глобальные медиа создают единое информационное пространство, в котором домини-

руют западные стандарты и ценности. Это может привести к утрате культурного многообразия и уменьшению влияния и понимания других культур.

Также следует обозначить другую сторону медиаобразования: преподавателю приходится овладевать различными технологиями, необходимыми для работы, идти в ногу со временем. Для этого требуются курсы повышения и переподготовки кадров, дополнительное время для самообразования. Технический прогресс шагнул далеко вперед, постоянные изменения существенно меняют способы взаимодействия людей. В образовательном процессе нормой становится дистанционное обучение, онлайн-занятия.

Таким образом, медиа играют важную роль в межкультурной коммуникации и в образовании в целом, обеспечивая людей информацией о разных культурах и способствуя международному диалогу. Однако стоит учитывать вышеуказанные проблемы, создаваемые медиа. Поэтому следует говорить о важности развития медиаграмотности, критического мышления, чтобы адекватно оценивать, анализировать и применять получаемую информацию.

Список литературы

1. Академик. Словари и энциклопедии на Академике. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/41986/%D0%9C%D0%95%D0%94%D0%98%D0%90 (дата обращения: 06.10.2023).
2. Загоскина И. В. Мотивация в обучении иностранным языкам в неязыковом вузе // Концепт. 2019. № 11. С. 69–75. URL: <http://e-koncept.ru/2019/192044.htm> (дата обращения: 10.10.2023).
3. Коротенко Т. Н., Снигирева Е. А. Современные технологические средства обучения английскому языку: теория и практика // Цифровая экономика и управление знаниями: проблемы и перспективы развития : сб. науч. тр. III Междунар. науч.-практ. конф. (15 июня 2022 г.). Киров : Изд-во Вятского гос. агротехнолог. ун-та, 2022. С. 137–139.
4. Кудрина О. С. Некоторые проблемы, связанные с медиаобразованием // Современные наукоемкие технологии. 2014. № 5-2. С. 48–49. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=33923> (дата обращения: 12.10.2023).
5. Пугачев М. А. Развитие медиаграмотности в детерминантах глобального процесса информатизации // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации : сб. тр. III Междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 2021. С. 494–498.

6. Снигирева Е. А. Использование современных средств коммуникации для межкультурного диалога // Межкультурная коммуникация в современном мире : сб. науч. ст. по материалам X Междунар. науч.-практ. конф. иностр. студентов (г. Пенза, 15 декабря 2021 г.) / под ред. Г. В. Синцова, А. В. Куц. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 12–15.

7. Шпика А. Г. Современные инструменты обучения студентов в вузе // Молодежная наука : тр. XXVII Всерос. студ. науч.-практ. конф. КрИЖТИрГУПС / отв. ред. В. А. Поморцев. Красноярск, 2023. С. 63–67.

ВОСПИТАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ОСВОЕНИЯ ГРАММАТИКИ)

*Зульфия Кашшафовна Тугушева¹,
Юлия Александровна Шурыгина²*

^{1,2}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Аннотация. Раскрываются некоторые аспекты воспитания лингвокультурной личности на основе принципа диалога культур (на примере освоения грамматики).

Ключевые слова: лингвокультурная личность, воспитание, культура, диалог культур, изучение грамматики

В. В. Сафонова отмечает, что «обучение любому иностранному языку учащихся средней школы неразрывно связано с их приобщением к культурам других народов, формированием желаний и умений жить в мире в многонациональной среде». Иными словами, иностранный язык содействует воспитанию школьников в контексте «диалога культур» [7].

Понятие культуры указывает как на общее отличие человеческой жизнедеятельности от биологических форм жизни, так и на качественное своеобразие конкретных проявлений этой жизнедеятельности: в определённые эпохи, для различных обществ, народностей, наций, особенностей сознания, поведения и деятельности людей в конкретных сферах жизни.

В более узком смысле культура – сфера духовной жизни людей. Культура включает в себя предметные результаты деятельности людей (сооружения, машины, произведения науки, искусства,

техники, нормы морали и права), а также реализуемые в деятельности человека знания, умения, навыки, уровень интеллектуального, нравственного и эстетического развития, мировоззрения, способности и формы общения [8].

На современном этапе развития общества резко возрастает культуuroобразующая функция образования, которое из способа передачи знаний от поколения к поколению превращается в способ развития культуры, формирования картины мира и места человека в нём [1].

Трансляция культуры от поколения к поколению включает освоение накопленного человечеством опыта, но не совпадает с утилитарным овладением результатами предшествующей деятельности. Взаимодействие отдельного человека с культурой никогда не бывает полностью гармоничным и всеохватывающим. Культура всегда остаётся величайшим резервом опыта и ценностей, которые перенимают живущие поколения, и в которую вносят свой вклад [6].

В педагогической литературе отмечается, что для успешного осуществления культурной преемственности, усвоения учащимися элементов культуры необходима **организация стройной и внутренне согласованной системы воспитания и образования**, основанной на научном исследовании форм, методов, направлений и механизмов развития личности.

В учебно-воспитательном процессе главное средство передачи культуры – неповторимая индивидуальность преподавателя и воспитателя как носителя культуры и субъекта межличностного взаимоотношения с формирующейся уникальной личностью учащегося.

Диалогическое понимание культуры предполагает сосуществование и соотнесение различных культур, способов мышления, ценностей, моделей поведения, соотнесение себя с другим, поскольку культура является не только формой бытия, но и формой общения людей разных культур, т.е. формой диалога: «Культура есть там, где есть две (как минимум) культуры, самосознание культуры есть форма её бытия на грани с иной культурой» [1].

По мнению В. А. Масловой, лингвокультурная личность – это «закрепленный в языке (преимущественно в лексике и синтаксисе) базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляющий вневременную и инвариантную часть структуры личности» [4].

Лингвокультурная личность обладает культурно обусловленной ментальностью, картиной мира и системой ценностей, так как через язык человек получает представление о мире и обществе, членом которого он стал, о его культуре. Лингвокультурная личность всегда придерживается определенных поведенческих и коммуникативных норм.

Знакомство с культурой страны изучаемого языка, особенностями коммуникативного поведения ее населения происходит путём сравнения и оценки имеющихся знаний и понятий о своей стране с вновь полученными знаниями и понятиями страны изучаемого языка. Сравнивая людей и страну изучаемого языка в различных исторических условиях, выявляя общее и специфическое в них, мы способствуем объединению, сближению наций, решаем вопрос воспитания лингвокультурной личности.

По мнению Е. И. Пассова, процесс овладения иностранным языком может и должен нести ученикам иноязычную культуру. На каждом уроке ученик овладевает каким-то элементом этой культуры [5].

Е. И. Пассов, В. Б. Царькова отмечают, что в качестве целей при изучении иностранного языка в школе в настоящее время должно выступать не обучение как таковое, при котором содержанием будут лишь прагматичные знания, навыки и умения, а образование личности. В этом случае в качестве содержания выступает **культура**, под которой понимаются личностно освоенные в деятельности духовные ценности, пространство, в котором происходит процесс социализации личности. Эта перiorientация образования при усвоении иностранного языка со «знания центрического на культуросообразное» сделает человека не только образованным, но и культурным, научит не мыслям, а мыслить, не готовым знаниям и их применению, а креативности [3].

Воспитанию лингвокультурной личности способствует рассмотрение не только языковых форм, а также социального окружения и культур носителей языка. Так, явлениям грамматики следует обучать, применяя особые стимулирующие познавательные механизмы обучающихся, организацию самостоятельной рефлексивной деятельности, благодаря которой обеспечивается эффективное усвоение и адекватное употребление в речи грамматических структур иностранного языка [3].

Например, сталкиваясь со спецификой видовременной системы нужно хорошо понимать, зачем вообще в языке нужны такие категории, как время, вид, залог, чтобы доходчиво и просто объяснить принципы функционирования соответствующих форм. Представление о грамматических структурах дает когнитивный подход к языку как к системе

представления знаний. В соответствии с этим любое грамматическое явление служит для выражения и сохранения в языке определенного знания.

При обучении грамматике как значимого элемента иноязычной культуры можно применять следующие виды деятельности:

1. Контекст (context).

Это простые для понимания ситуации, истории и рассказы для объяснения языкового (грамматического) явления. Контекст можно создать при помощи рисунка на доске, демонстрации дидактических карточек, набросков, при помощи создания мини-ситуаций. Правильно созданный контекст неизбежно приведёт к естественному и правильному применению языкового явления.

2. Выявление ответов учащихся.

Данный вид деятельности проводится посредством опорной информации, которая предоставляется учащимся, а именно: имитация, вопросы учащимся, демонстрация образов на рисунках. Это способствует вовлечению студентов в активное участие.

3. Воспроизведение.

Преподаватель воспроизводит слово, фразу или отрывок вслух, и желательно несколько раз для того, чтобы учащиеся могли услышать правильно произнесённый пример.

4. Рассказ / диалог.

Это короткий рассказ или диалог, который составляется, используя то или иное языковое (грамматическое) явление. Необходимо использовать доску или рисунок для ознакомления с контекстом. После чего отдельные строки рассказа или диалога воспроизводятся преподавателем, а затем проводится практическое упражнение учащимися. В качестве альтернативы, данный рассказ или диалог можно задать выучить наизусть.

5. Работа в парах (pairwork). Учащиеся работают в парах, обычно это учащиеся А и В. Такой вид работы позволяет говорить учащимся, максимально предоставляя возможность для взаимо-

действия друг с другом. На этом этапе мы можем говорить о коммуникативном умении учащихся вести дискуссию, слушать и слышать собеседника, отстаивая свою точку зрения, и лаконично излагая свою мысль.

6. Общение («mingling»). При этом виде деятельности учащиеся встают и поочередно общаются друг с другом. Прекрасный прием для повтора одного и того же материала, таким образом все больше закрепляя его [2].

Таким образом, язык и культура представляют собой единство, в котором ведущим компонентом является культура: привлечение материалов культуры резко повышает мотивацию учения. Приобщение учащихся к материалам культуры (в том числе при освоении грамматики), содействует пробуждению познавательной мотивации, воспитанию лингвокультурной личности обучающихся.

Список литературы

1. Библер В. С. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 31–42.
2. Исмагилов Э. Р. К вопросу об обучении грамматике при коммуникативном подходе в обучении английскому языку // Многоуровневая языковая подготовка в условиях поликультурного общества : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (11 июня 2019 г.) / науч. ред. Л. А. Малахова. Казань : Казан. гос. ун-т культуры и искусств. 2019. С. 18–21.
3. Артемьева С., Дождикова Е. В., Денискина Л. Ю. Концепция коммуникативного обучения иноязычной культуре в средней школе : пособие для учителя / под ред. Е. И. Пассова, В. Б. Царьковой. М. : Просвещение, 1993. 140 с.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд., стер. М. : Академия, 2010. 208 с.
5. Пассов Е. И. Урок иностранного языка. Ростов н/Д. : Феникс ; М. : Глосса-Пресс, 2010.
6. Российская педагогическая энциклопедия / гл. ред. В. В. Давыдов. М. : Большая Российская энциклопедия, 1993. 608 с.
7. Сафонова В. В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж : Истоки, 1996. 120 с.
8. URL: <https://didacts.ru/termin/kultura.html>

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКИХ ПОЭТОВ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА И МАХТУМКУЛИ

*Довлет Маратович Хамраев¹,
Дмитрий Вячеславович Дмитриев²*

^{1,2}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассматриваются жизнь и творчество великих поэтов Махтумкули Фраги и Александра Сергеевича Пушкина. Раскрываются главные идеи их произведений, приводятся примеры стихотворений.

Ключевые слова: Махтумкули, Пушкин, творчество, свобода, дружба

В духовном развитии туркменского народа есть несомненная доля и творческого наследия туркменского поэта Махтумкули Фраги и русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Чистота их поэтического духа завораживает и рождает надежды на перемены к лучшему. Рассмотрим биографию и творчество каждого их поэтов.

Махтумкули – туркменский поэт XVIII века писавший под псевдонимом «Фраги». По сведениям из разных книг существует две даты рождения Махтумкули – 1733 и 1724 год. Что самое интересное, точной датой считался 1733 год, но после V азиатских игр в Туркменистане, эту дату изменили на 1724 год. Поэт родился в Туркменистане на территории Этрек-Гурген. Его отцом был известный поэт и религиозный мыслитель Довлет Мамед Азады (1700-1760), оказавший серьезное влияние на сына [1].

Сам Махтумкули происходил из племени гоклен. Первоначально посещал сельскую школу, где его отец был учителем, но наделанный немалыми способностями и упорством, Махтумкули рано прошел курс начальной школы, начал помогать отцу по хозяйству, пас скот обрабатывал землю. Позднее стал отменным ювелиром, серебряных дел мастером. Дальнейшее образование получил в городах Керки и Бухара, завершив его в городе Хиве в медресе Ширгази. Ему он посвятил стихи, в которых с благодарностью вспоминал три года, проведенных в стенах этого учебного заведения.

С детства поэт любил читать книги. Он был умнее и одареннее, чем его сверстники. Стихи начал писать в возрасте 14–15 лет.

Он писал о красотах природы, о патриотизме, о любви к родине и, конечно, о любви. Махтумкули везде был приятным гостем для своего народа. Народ очень любил его красивые со смыслом стихи и превратил их в песни. Благодаря этим песням его стихи из уст в уста дошли до наших времен. Даже когда он учился в медресе Ширгазы, он произвел хорошее впечатление на своих учителей и сверстников. Но, к сожалению, он недолго там учился, так как в скором времени его отец скончался. Это событие он с горечью описывает в своем стихотворении «Прощай Ширгазы!» [1].

Не смотря на недолгие сроки обучения в медресе, Махтумкули был очень умным и одаренным, продолжал работать над собой, сочинял стихи, обучал детей. Потом он начал писать стихи о правильном поведении человека в обществе и в жизни. В этих стихах он давал советы молодому поколению. Его поучительные стихи превратились в цитаты и стали вдохновением для многих поэтов и писателей. Проповеди его стихотворений никогда не устареют.

Махтумкули был свободолюбивым человеком и всегда мечтал жить свободным, без войны. В те времена на туркменские времена постоянно нападали соседние ханства, и народ был разделен на несколько племен, и они не все ладили между собой. Из-за этого на народ всегда нападали чужаки и запрашивали большую дань. Поэта это всегда расстраивало, и он постоянно стремился усмирить и объединить весь туркменский народ воедино [2].

Главной идеей, проходящей через все творчество Махтумкули, была идея объединения туркменских племен. Мощно и призывно звучит голос поэта, обращенный к своим соплеменникам:

*Враг властвует, – а день за днем идет,
Страданием за родом гибнет род...
И мы – туркмены – терпим этот гнет!
Вставайте, братья нам нельзя смириться!
Народу ныне говорит Фраги:
Меч доблести, отчизну береги,
Да не коснуться наших роз враги...
Пусть месть клокочет огненной птицей.*

(Перевод А. Тарковского)

В своих стихах Махтумкули создает образ идеального джигита, бесстрашного в бою, беспощадного к врагу, противопостав-

ляя его жалкому трусу, презренному торгашу, способному ради наживы на любую низость.

*Поэт критикует пороки людей, которые, по его мнению,
обедняют высокий моральный уровень, неукротимый дух народа.*

Не мучай друга своего словом безотрадным;

Голодного за стол свой посади;

Будь строг и сух с завистливым и жадным;

Любовь к труду храни в своей груди.

(Перевод Г. Шенгели)

Он предостерегал своих читателей и слушателей от лжи, жадности, проповедуя дружбу, честность, справедливость любовь к труду, сострадание к бедняку.

В истории каждого народа время от времени появляются настолько уникальные личности, которые известны не только в своей стране, но и по всему миру. Есть все основания утверждать, что к числу таких знаковых личностей, которые ярко и убедительно представляют Россию, по праву принадлежит Александр Сергеевич Пушкин.

Александр Сергеевич родился в 1799 году в Москве. Его родители были типичными представителями обедневшего дворянства. К сожалению, родители обходили вниманием Александра, не жаловали ему свою любовь. Характер у Александра был неуравновешенный и учился он не всегда хорошо, но отличался умом не по годам. Александр в детстве заслушивался рассказами своей няни Арины Родионовны, она была замечательной рассказчицей [4].

Когда ему исполнилось семь лет, Сашеньку привезли из Москвы на деревенские просторы. Деревенские просторы бескрайних полей, краски поздней осени, ослепительные зимние дни произвели на будущего поэта большое впечатление. Потом родители отдали его учиться в Царскосельский лицей, находящийся в Петербурге. Этот лицей в свое время был предназначен только для правящей царской верхушки. Там Пушкин глубоко расширил свои знания, и познал себя. И в это время начал писать стихи [3].

В 1814 году в журнале «Вестник Европы» напечатали первое стихотворение Пушкина «К другу стихотворцу». В 1815 году в январе лицеисты переходили на старший курс. На публичном экзамене Александр прочел свой новый стих «Воспоминание в Цар-

ском Селе». Все были в восторге от этого стихотворения. Русские писатели и поэты того времени относились заботливо и бережно к Пушкину с самого начала его творческого пути. В 1820 году напечатали первую поэму Пушкина «Руслан и Людмила». Это привело его к большой популярности. Но за возмутительные строки император Александр I хотел выслать его в Сибирь. С помощью друзей наказание было смягчено, и его отправили на службу в канцелярию. Он странствовал в разных регионах страны и написал «Песнь о вещем Олеге», «Узник», «Кинжал», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Евгений Онегин» [4].

В 1831 году Александр Сергеевич женился на прекрасной красавице Наталье Гончаровой. Пушкин был счастлив и переехали с женой к концу зимы в Петербург, а лето они провели в Царском селе. В это время он пишет «Сказку о царе Салтане», «Сказку о рыбаке и рыбке», «Сказку о царевне и семи богатырях» и «Сказку о золотом петушке».

Одной из главных в лирике Пушкина стала тема свободы. Пушкин много писал о своих предках, о необходимости уважать свои корни, предков и родину. Дружеская лирика также делится на два вида: представление о дружбе как о политическом союзе единомышленников либо как о некоем священном братстве, которое вне всяких идей и влияний.

*«...Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет...»*

Пушкин в теме поэта и поэзии сводит к осознанию роли и задач писателя. Он считает, что поэт должен быть пророком, несущим людям знание об истинах.

*«Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.*

*Ты царь: живи один.
Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный...»*

Подводя итог вышесказанному, отметим, что Пушкин и Махтумкули любили свободу, свою родину и природу. Народ их уважал, любил, считал своим кумиром. Их произведения продолжают существовать уже несколько столетий и не устареют никогда.

Список литературы

1. Махтумкули : сб. ст. о жизни и творчестве поэта / сост.: канд. филол. наук А. Мередов, П. Кичикулов ; под ред. д-ра филол. наук А. Кекилова. Ашхабад : Туркменгосиздат, 2007. 283 с.
2. Махтумкули : юбилейный сборник, посвящ. 225-летию со дня рождения великого туркменского поэта / гл. ред. акад. АН ТССР Ш. Б. Батыров. Ашхабад, 1991. 351 с.
3. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы : в 2 ч. Т. 1. Статьи по теории литературы; Гоголь; Пушкин; Тургенев, Чехов. М., 1999. 335 с.
4. Скатов Н. Н. Пушкин: Очерк жизни и творчества. Ленинград, 1990. 240 с.

РОЛЬ СЕТИ ИНТЕРНЕТ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

*Александра Шамилевна Шакирова¹,
Вера Николаевна Ретинская²*

^{1,2}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассмотрены вопросы роли средств массовой коммуникации в социокультурном общении. Особое внимание уделяется возможностям и потенциальным угрозам коммуникации со стороны социальных сетей и интернет-блогов на современную молодежь России.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации, интернет-коммуникации, социальные сети, интернет-блоги, российская молодежь, социокультурная коммуникация, угрозы, возможности

В эпоху стремительных глобальных перемен, современные медиа выступают одним из драйверов социокультурных трансформаций и сами подвержены реструктуризации коммуникативных систем и медиа [3].

На сегодняшний день средства массовой коммуникации представляют собой не только глобальную информационную среду, но являются мощнейшей бизнес-структурой, что позволяет им формировать совершенно новый социальный порядок, зачастую связанного с манипуляциями различного рода [2, с. 54].

По мнению экспертов, сегодня не утихает дискуссия и существуют разрозненные исследования о потребительских предпочтениях «интернет – телевидение», в которых критериями являются возраст опрашиваемых, их место проживания и т.д. Действительно, в целом, телевидение продолжает оставаться основным способом информационного воздействия на массы [1, с. 15].

Так, согласно проведенному опросу ВЦИОМ от 2021 г., чаще всего люди узнают информацию и новости своего региона из центрального телевидения (47 %), социальных сетей и блогов в Интернете (42 %), разговоров с людьми (40 %), новостных, аналитических и официальных сайтов в Интернете (36 %), а также из регионального и местного телевидения (31 %) (см. таблица 1) [4].

Таблица 1

Рейтинг медиа-источников в %, ВЦИОМ, 2021 г.

	Часто	Редко	Никогда	Затрудняюсь ответить
Центральное телевидение	47	33	20	0
Социальные сети и блоги в интернете	42	28	29	1
Разговоры с людьми	40	45	15	0
Новостные, аналитические, официальные сайты в интернете	36	32	32	0
Региональное, местное телевидение	31	38	31	0
Мессенджеры (WhatsApp, Telegram, Viber и другое)	29	25	45	1
Центральная пресса	20	38	41	1
Региональная, местная пресса	20	38	41	1
Центральное радио	14	22	64	0
Региональное, местное радио	12	25	62	1

Между тем развитие глобальной сети Интернет оказывает влияние на самые разные сферы деятельности человека, особенно молодежи. Соответственно нельзя не затронуть тему влияния Интернета на общение молодых людей как средства коммуникации, в т.ч. и возможностей повышения качества этого общения.

На наш взгляд очень важно принимать во внимание, что именно молодежь склонна к Интернет-коммуникациям. Данные ВЦИОМ наглядно показывает, что наиболее активная аудитория, пользующаяся хотя бы одной социальной сетью или мессенджером – это молодежь от 18 до 34 лет (см. таблица 2) [4].

Таблица 2

Процентное соотношение пользователей сети Интернет, ВЦИОМ, 2021 г.

	Все опрошенные	18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
Телевидение	42	11	19	30	49	67
Интернет – социальные сети, блоги	21	45	35	28	14	7
Интернет – новостные, аналитические, официальные сайты	20	28	25	27	21	10
Разговоры с людьми	5	5	7	4	5	3
Мессенджеры (WhatsApp, Telegram, Viber и другое)	4	7	8	4	3	2
Радио	2	0	1	3	3	4
Газеты	1	1	1	0	1	3
Журналы	0	0	0	0	0	0
Ничего из перечисленного	2	0	4	3	2	2
Затрудняюсь ответить	3	3	0	1	2	2

Уже в 2023 году ВЦИОМ зафиксировала, что 86 % россиян, пользующихся хотя бы одной социальной сетью или мессенджером, проводят в них время практически ежедневно. Причем эти сервисы существенно опережают вовлеченность в такие повседневные практики как просмотр телевизора (50 %), пешая прогулка (48 %), чтение книг (27 %) и занятия спортом (15 %) [6].

Сегодня Интернет, как средство коммуникации несет в себе как возможности, так и угрозы. Говоря о позитивных аспектах Интернет-коммуникаций, безусловно, следует отметить возможность передавать информацию любому человеку в любую точку мира, что способствует укреплению социальных связей пользователей,

в т.ч. интернациональных. Безусловная «польза» Интернета проявляется в межкультурном сотрудничестве стран, популяризации мировых достижений и выдающихся личностей.

Сегодня Интернет как особенная среда социокультурного общения имеет такие отличительные признаки как, например, доступность на любом языке (поскольку языковой барьер это серьезное препятствие). Бесспорно, на данный момент уже встроенные браузерные системы помогают совершенно бесплатно устранять данную проблему, и более того предлагаются варианты выбора языка статьи или всего интерфейса. Кроме того, в современном мире, где жизнь с каждым днем упрощается и становится более комфортной, динамично и быстроразвивающаяся сеть Интернет позволяет находить различные способы изучения другой культуры, мировой литературы, а также способствует прямому общению с представителями разных стран по средствам текстовых или аудио-видео-сообщений. Уже не требуется несколько лет образования культурологии и лингвистики, больших финансовых затрат, чтобы поговорить с человеком, находящимся на другой части планеты.

Другое преимущество социальных сетей в социокультурной коммуникации заключается непосредственно в смысловом наполнении и качестве этого общения. В настоящее время можно не просто делиться со всем миром какой-либо информацией, но также и быть активным участником коммуникационного процесса, получать обратную связь: критику или поддержку, дискуссировать на форумах и получать онлайн консультации. В век информации система Интернет обмена данными очень сильно развивает человека в различных областях. Основываясь на опыте, личность может не только научиться, но и самостоятельно применять знания на практике.

Стоит отметить доступность к образовательным услугам и специалистам международного уровня. И что является немаловажным, в глобальной сети, в отличии от живого общения, вся полученная и переданная информация сохраняется, что крайне привлекательно для молодого поколения.

При этом нельзя не отметить тот факт, что включаясь в Интернет-коммуникации, человек учится иначе психологически общаться. Как известно в политики культурного общения в сети есть свои правила, которые бесспорно нужно соблюдать. Но, кроме этого, активный пользователь получает возможность несколько раз обдумать и обработать свое сообщение, которое он хочет донести

в режиме реального времени; учится анализировать и фильтровать огромное количество данных; соблюдает личную конфиденциальность и подстраивается под собеседника (в силу разного менталитета, особенно если это международное общение).

Более того, важно осознавать, что Интернет-коммуникации сопряжены с рядом рисков. Например, молодые люди, проводя много времени в социальных сетях и знакомясь с культурными и социальными ценностями других стран, постепенно замещают ими традиционные нормы и правила. Один из самых ярких примеров является тенденция ЛГБТ (нетрадиционная ориентация), *childfree* (желание не иметь потомство) и «человек мира» (человек без какого-либо гражданства). Это только маленький процент пропаганды полного разрушения российской гражданской идентичности, что может привести к необратимым последствиям в будущем.

На современном этапе развития общества, средства массовой коммуникации многократно усиливают и трансформируют свои функции, изменяя структуру социальных отношений и формируя новое социальное поведение, зачастую связанного с манипуляцией сознанием, психологией влияния и социальным программированием [2, с. 55]. С. Кара-Мурза выделяет три главных, родовых признаков манипуляцией. Во-первых, это вид духовного, психологического воздействия (а не физическое насилие или угроза насилия). Мишенью действий манипулятора является дух, психические структуры человеческой личности. Почти всегда искаженная информация используется вместе с соответствующим способом подачи [5, с. 220].

Чаще всего используют приемы утверждения, дробления или скрытия информации, увеличение повторения и убеждение что полное отсутствие альтернативных источников. В имитационных реальностях можно создавать события, которые можно использовать в целях манипулирования сознанием пользователя. Кроме того, сами пользователи могут использовать мир виртуальной реальности для испытания своих необычных чувств, погружаясь в измененное состояние своего сознания.

Виртуальная реальность способствует еще одной опасности: выдумка не только обстановки, но и скрытого никнейма и выбора желаемого аватара. Другими словами, социальные сети позволяют выдавать свою личность не объективно, а то, как этого желает сам пользователь. Не всегда можно определить мотивы онлайн зна-

комства или коммуникации в электронной среде. Аналогично и та сторона, что создает фактически вымышленного героя (85 % это подростки и молодежь), из-за неустойчивой психики подвержена верить в искаженную реальность или подвластна манипуляторам (в том числе разные группировки). Это объясняет тот факт, что молодые люди не справляются со стрессом, и порой даже оканчивают жизнь самоубийством, из-за посещения запрещенных онлайн-платформ.

Еще один важный аспект этого явления – иллюзия доступности и вседозволенности. Безусловно, активное вмешательство государства в проверку сведений в глобальной сети Интернет, а также доступ к IP-адресам пользователей, помогает активно бороться с дезинформацией, пропагандой и компрометирующими подозрительными материалами. Соответственно обдуманность своих слов и действий, а также несение ответственности – до сих пор остаются актуальными.

Кроме этого, как уже было подмечено ранее, в электронной среде коммуникации есть тоже свои правила ведения переписки. Но, фактически, они менее строгие и больше склонны к разговорному стилю речи при письменной передаче сообщений. Последствия упрощения правил приводит к изменениям и не только в онлайн общении. Молодежь, большую часть своего дня, проводя за гаджетами, уже переносят манеры коммуникации из социальных сетей в реальный разговор. Это способствует увеличению сокращений слов (например, спс, пж, кд и чд и так далее), совершения большего числа ошибок, а также использования слегка или искаженных заимствованных слов (окей, кринж, муд, лук).

Данное описание показывает, как важно находить преимущества и недостатки, учиться замечать, анализировать и исправлять. Сфера Интернет-коммуникации является очень важным элементом жизненной среды современного человека. Но необходимо помнить к каким последствиям ведет привычная переписка в социальных сетях, включая пассивный отдых, сопровождаемый листанием информационных сводок и подборок.

Возвращаясь к данным ВЦИОМ 2023 г. хотелось бы еще раз подчеркнуть, что популярность Интернет-коммуникаций не только не снижается, а с каждым годом только усиливается. И сегодня регулярные пользователи социальных сетей и мессенджеров с коммуникационным функционалом (ВКонтакте, WhatsApp, Telegram,

Одноклассники и пр.) в среднем тратят на них 272 минуты или 4,5 часа в день. Показатель ощутимо выше среди молодежи 18–24 лет. На обмен сообщениями, чтение ленты новостей, звонки и другие активности молодые люди в среднем тратят 493 минуты или более восьми часов в день.

Больше всего времени в сети пользователи проводят во ВКонтакте – 129 мин в сутки. На втором и третьем месте TikTok и Telegram – 125 мин и 123 мин соответственно (см. табл. 3) [6].

Таблица 3

Статистика самых популярных мессенджеров у молодежи России и количество минут проведенных в них, ВЦИОМ, 2023 г.

	Среднее количество минут в день
ВКонтакте, VK Мессенджер	129
TikTok	125
Telegram	123
Одноклассники	100
Instagram (Решением Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 г деятельность Facebook и Instagram (принадлежат компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ) запрещена на территории РФ.)	95
WhatsApp	86
Viber	57

Не смотря на высокую популярность представленных мессенджеров, стоит отметить, что лидируют платформы, разработанные российскими гражданами. Хотя, здесь необходимо делать поправку на запрет пользования ряда зарубежных социальных сетей, что может привести к искажению реальной картины. И здесь, безусловно, необходимо еще раз поднимать вопрос о том, какие меры следует предпринять для привлечения молодых людей на российские платформы.

Помимо этого, ВЦИОМ проводил анализ готовности граждан к регистрации в новой цифровой среде коммуникации и сделал вывод, что «отношение российских пользователей к новым сервисам достаточно настороженное: каждый второй опрошенный соглашается зарегистрироваться в таковых только в случае крайней

необходимости – по работе и/или по рекомендации близких (51 %). Около четверти россиян предпочитают дождаться отзывов от друзей или публичных людей и только после их рекомендаций становятся пользователями новой соцсети (28 %). Чаще других возрастных групп этой стратегии придерживаются молодые люди (18–24 лет – 34 %, 25–34 лет – 35 %, 22–27 % среди россиян 35+ лет) [6].

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что современные средства массовой коммуникации, включая Интернет, формируют новые типы социокультурного взаимодействия в т.ч. и в молодежной среде, и, что крайне важно, зачастую являются манипулятивным ресурсом. А это требует постоянного осмысления с последующим принятием решений на государственном уровне.

Список литературы

1. Володина Н. А., Ретинская В. Н. Современные средства массовой информации и их роль в системе политического контроля // Вестник Биомедицина и социология. 2020. Т. 5, № 2. С. 11–17.
2. Володина Н. А., Ретинская В. Н. Средства массовой коммуникации как детерминирующий фактор формирования новой социальной реальности // Вестник Биомедицина и социология. 2020. Т. 5, № 2. С. 52–57.
3. Кирия И. В., Новикова А. А. История и теория медиа. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2022. 423 с.
4. Медиапотребление и активность в интернете : опрос ВЦИОМ от 21 сентября 2021 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotrebienie-i-aktivnost-v-internete/> (дата обращения: 10.11.2023).
5. Орлов О. И. Манипулятивные технологии в политическом процессе современной России // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2008. № 50. С. 220–227.
6. Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения : опрос ВЦИОМ от 10 августа 2023 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechenost-i-predpochtenija?ysclid=lon4itrk2i821657796&cHash=4ba61947a7b24ed8fe3329401b765ffa> (дата обращения: 10.11.2023).

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНТЕРАКТИВНОЙ РЕКЛАМЫ В РОССИИ

*Мария Александровна Семенычева¹,
Анна Юрьевна Питерова²*

^{1,2}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассматриваются наиболее значимые тенденции, оказывающие влияние на развитие российского рынка интерактивной рекламы, и актуальные задачи, стоящие перед игроками рынка, решение которых содержит в себе потенциал для еще большего роста рынка.

Ключевые слова: Интернет, реклама, эффективность, сайт, баннер, интерактивная реклама, тенденции

Интерактивная реклама относится к усовершенствованному виду рекламы, главным отличием которой является превращение потребителя из наблюдателя в активного участника игры. Эффективность такого подхода, доказанная на практике, достигается за счет ненавязчивости и оригинальности, он вызывает живой интерес у потенциального покупателя. Большинство людей интересуется новым и необычным, поэтому у них возникает природное стремление узнать о предлагаемом продукте больше.

С развитием технологий и компьютерной графики можно достичь высоких результатов, а проекция и 3D привлекают особое внимание и интерес у окружающих. Интерактивная реклама у потребителей вызывает любопытство, а по сравнению с классической рекламой характеризуется ярким и стильным дизайном, современным оформлением и высокой эффективностью.

Главной целью интерактивной рекламы является увеличение количества покупателей и рост прибыли компаний, при этом потребителей ненавязчиво вовлекают в удивительный и захватывающий процесс.

В отличие от стандартных рекламных роликов и брошюр, интерактив не несет отрицательных эмоций, а наоборот вызывает интерес и желание более подробно ознакомиться с рекламируемой продукцией.

Вступил в силу закон о правилах применения рекомендательных алгоритмов в интернете. С 1 октября 2023 года вступили

в силу законодательные поправки, согласно которым владельцы интернет-ресурсов, использующие рекомендательные технологии, обязаны предупреждать об их использовании, а также публиковать правила их использования.

В соответствии с законом под рекомендательными технологиями подразумеваются информационные технологии предоставления информации на основе сбора, систематизации и анализа сведений, относящихся к предпочтениям онлайн-пользователей, находящихся на территории РФ.

Владельцы интернет-сайтов, на которых применяются такие технологии, будут обязаны соблюдать требования законодательства РФ, в частности, не допускать применение рекомендательных алгоритмов, которые нарушают права и законные интересы граждан и организаций. Они также не должны допускать применение подобных технологий для предоставления информации с нарушением российского законодательства. Владельцы сайтов будут обязаны информировать пользователей о применении рекомендательных алгоритмов, требования к содержанию и размещению такой информации установил Роскомнадзор.

Виртуальная реальность и проекция привлекают людей, теперь вместо обычной витрины в магазине можно увидеть сенсорную стену с завлекающим изображением. Потребителю в режиме онлайн предлагается сыграть в игру или прогуляться по пока еще не построенному дому, парку или квартире. Поиск подходящего товара становится проще и не занимает много времени благодаря применению специальных фильтров.

К основным преимуществам интерактивной рекламы относятся динамичность, эффективность, результативность, ненавязчивость, узнаваемость, стильное яркое оформление и формирование положительного мнения у клиента о продвигаемом бренде. Рекламуемый контент может подстраиваться под разные реакции клиента с целью вызвать положительные эмоции в будущем.

Например, интерактивный сенсорный стол представляет собой целый мультимедийный центр и поддерживает одновременные касания нескольких людей. На такой экран можно вывести увлекательные игры, видеоролики и презентации, привлекая внимание большого количества посетителей с целью превратить их в будущих клиентов.

С помощью масштабных возможностей можно создавать действительно эффектные презентации услуг и продуктов (наподобие 3D mapping), в частности, это могут быть:

– интерактивная витрина и стена. По мнению, экспертов это одно из самых перспективных направлений рекламы, которое сочетает применение технологии мультитач и экрана внушительного размера. В результате потребитель может получить необходимую информацию о компании и товаре без дополнительного задействования помощи консультанта;

– сенсорные столы и киоски. Широко используются как в торгово-развлекательных центрах и заведениях общественного питания, так и в банках, общественных учреждениях для информирования потребителей о товарах и услугах. Особенно активно их используют при оформлении стендов компании на выставке;

– интерактивный промоутер и бар. Промоутер привлекает людей необычным оформлением, предназначен для быстрого и простого предоставления различного информационного контента. Бар подходит не только для кафе и ресторанов, он используется на выставках и презентациях для демонстрации картинок, видео с логотипами бренда с целью привлечения внимания посетителей.

Популярными видами интерактивной рекламы являются проекция, дополненная реальность, витрины и столы, воздушные экраны и граффити, голографический куб и пирамида. В зависимости от целевой аудитории можно выбрать тот или иной тип развлекательного или информативного интерактивного оборудования. Например, особой популярностью у покупательниц пользуются виртуальные примерочные одежды, которые позволяют «примерить» вещь на свою фигуру, не надевая ее.

Для этого достаточно подойти к специальному зеркалу со встроенной камерой и датчиком и выбрать понравившуюся модель. Виртуальное селфи-зеркало никого не оставит равнодушным, особенно, активных пользователей соцсетей.

С большей долей вероятности можно утверждать, что интерактивная реклама будет занимать все большую долю рекламного рынка. И это вполне понятно и оправдано. Стандартные рекламные носители все менее эффективны. А в условиях кризиса компании будут выбирать такую рекламу, которая привлекает клиентов и мотивирует к совершению покупки.

Список литературы

1. О рекламе : федер. закон (с изм. и доп. на 2021 г.). М. : Эксмо-Экспресс, 2021. 64 с.
2. Абаев А. Л., Алексунин В. А., Гуриева М. Т. Маркетинг в отраслях и сферах деятельности : учебник для бакалавров. 3-е изд., перераб. / под ред. А. Л. Абаева, В. А. Алексунина. М. : Дашков и К°, 2022. 433 с.
3. Поляков В. А., Романов А. А. Разработка и технологии производства рекламного продукта : учебник и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2021. 502 с.
4. Шарков Ф. И., Силкин В. В. Теория и практика массовой информации как фундаментальное направление коммуникологии : монография. 5-е изд. М. : Дашков и К°, 2022. 302 с.
5. Васильева Е. А. Как сделать рекламу эффективной? 25 беспроблемных идей : практ. пособие. 2-е изд. М. : Дашков и К°, 2023. 160 с.
6. Короткова Т. Маркетинг инноваций : учебник и практикум. 2-е изд. М. : Юрайт, 2022. 274 с.

РАЗДЕЛ 2. ЯЗЫКОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СУДЬБА РУССКОГО ЯЗЫКА В МИРЕ

КАТЕГОРИЯ БЕЗЛИЧНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «МЕТЕЛЬ»)

*Алясура Маулана Зуви Ахвани¹,
Вера Викторовна Шмелькова²*

^{1,2}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Аннотация. На примере анализа безличных конструкций, взятых из повести А. С. Пушкина «Метель», рассматриваются способы выражения грамматической категории безличности в русском языке и особенности ее выражения.

Ключевые слова: русский язык, повесть А. С. Пушкина «Метель», категория безличности, безличные конструкции

В русском языке имеется особая грамматическая категория – категория безличности. Категория безличности уникальна, так как она позволяет в безличных конструкциях выразить некоторое действие или состояние без субъекта, производящего действие или находящегося в определённом состоянии. Чаще всего безличные конструкции используются для выражения эмоций, определённых состояний говорящих или характеризуют природные явления.

В лингвистической науке и практике преподавания языков давно сложилась точка зрения, что безличное предложение – это такое предложение, в котором имеется только сказуемое, перед которым нет и не может быть подлежащего. Сказуемое в безличном предложении обычно выражается глаголом или предикативным наречием. Существительное и местоимение в таких конструкциях обычно используются в форме дательного падежа.

Н. С. Валгина отмечает, что «безличное предложение – это простое предложение, главный член которого выражает значение процесса или состояния, независимо от лица и исполнителя. Грамматический субъект в этом предложении не существует в целой структуре, так как сказуемое не выражает значение исполнителя действия, выраженного именительным падежом. Подлежащее тоже не относится к другим членам предложения» [1, с. 338].

Л. А. Новиков пишет, что «безличное предложение – это предложение, имеющее главный член, который обозначает действие, состояние или знак, проявляющиеся или существующие, как будто сами собой, и не относятся к исполнителю действий или носителю знаков» [2, с. 226].

Таким образом, безличное предложение – это конструкция в русском языке, в которой есть только сказуемое. Эта конструкция обозначает действия или состояния, исполнитель которых не известен или не может быть назван. Важными в конструкции такого вида являются сами действия или состояния. Таким образом, категория безличности выражает эмоциональные и оценочные значения в речи. В соответствии с этой особенностью, безличные конструкции более распространены в разговорном и художественном стилях русского языка.

Категория безличности в русском языке может быть выражена такими частями речи и лексическими средствами, как глагол, наречие, категория состояния, модальное слово.

Безличные конструкции имеют следующие основные значения:

1. Явления природы, происходящие стихийно: *темнеет, дует*.
2. Состояние внутреннего мира, здоровья и психики человека: *(мне) страшно*.
3. Модальность: *надо, необходимо*.

Рассмотрим способы выражения категории безличности в русском языке и их особенности на примере повести А. С. Пушкина «Метель», проанализируем безличные конструкции, взятые из текста повести.

- 1. Безличный глагол:** «Уже давно **смеркалось...**» [3, с. 46].

В предложении сказуемое выражается безличным глаголом *смеркалось*. Признак безличности – употребление глагола в среднем роде единственного числа прошедшего времени.

- 2. Личный глагол в значении безличного:** «**Ямщику вздумалось ехать** рекою, что должно было сократить нам путь тремя вёрстами» [3, с. 47].

В предложении сказуемое выражено личным глаголом в значении безличного *вздумалось* в сочетании с инфинитивом глагола *ехать*. Признак безличности – употребление глагола в среднем роде единственного числа прошедшего времени. Глагол *вздуматься*

вздумалось имеет значение личного действия, но именно в этом предложении личное значение отсутствует.

3. Глагол *быть* с отрицательной частицей: «Но он ехал, ехал, а **полю не было конца**» [3, с. 47].

В предложении сказуемое выражается глаголом *быть* с отрицательной частицей *не*. Признак безличности – употребление вспомогательного глагола в форме среднего рода единственного числа прошедшего времени.

4. Предикативное наречие: «Теперь уж **поздно противиться** судьбе моей; воспоминание об вас, ваш милый, несравненный образ отныне будет мучением и отрадою жизни моей; но мне еще остается исполнить тяжёлую обязанность, открыть вам ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду...» [3, с. 51].

В предложении сказуемое выражено предикативным наречием *поздно* в сочетании с инфинитивом глагола *противиться*. Признак безличности – употребление наречия для указания на признак глагола *противиться*, употреблённого в инфинитиве.

5. Модальное слово: «**Нельзя было сказать**, чтоб она с ним кокетничала; но поэт, заметя её поведение, сказал бы: «*Se amor non è, che dunque?..*» [3, с. 50].

В предложении сказуемое выражено модальным словом *нельзя* в сочетании со вспомогательным глаголом *было* и глаголом *сказать*. Признак безличности – употребление вспомогательного глагола в среднем роде единственного числа прошедшего времени. Модальное слово не изменяется, указывает на значение модальности.

Категория безличности даёт дополнительные возможности говорящему более полно и точно выражать свои мысли. Носителям индонезийского языка безличные конструкции русского языка сложны и интересны для изучения и исследования, потому что такие конструкции в индонезийском языке отсутствуют.

Список литературы

1. Валгина Н. С. Современный русский язык. Синтаксис. М. : Высш. шк., 2003. 416 с.
2. Новиков Л. А. Художественный текст и его анализ. М. : Рус. яз., 2002. 300 с.
3. Пушкин А. С. Проза. М. : Худ. лит-ра, 1984. 288 с.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ «УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ГАЗЕТЫ»)

*Хусанжон Мансурбек Кенжаев¹,
Лариса Юрьевна Семёнова²*

^{1,2}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Аннотация. Освещены аспекты изучения языковых особенностей публикаций, размещенных в рубрике «Наука» «Университетской газеты» Пензенского государственного университета и представляющих собой научно-популярные тексты.

Ключевые слова: научный стиль, научно-популярный подстиль, научно-популярный текст, лексико-грамматические особенности текста

«Университетская газета» Пензенского государственного университета представляет собой корпоративное печатное издание, в котором освещаются важные события вуза, рассказывается об интересных личностях, достижениях студентов, перспективах развития университета. Читателями газеты, в первую очередь, являются преподаватели, сотрудники и студенты ПГУ.

По количеству публикаций самыми актуальными и популярными являются рубрики «События», «Наука», «Спорт», «Сцена», «Личность». В рубрике «Наука» рассказывается об исследованиях, проводимых в стенах вуза, о результатах этой работы, о новых разработках ученых ПГУ. Данные статьи представляют собой научно-популярные тексты, главная цель которых не только познакомить читателей с научными знаниями, но и привлечь их внимание к научной проблеме, заинтересовать.

Большинство исследователей относит научно-популярные тексты к научному функциональному стилю, выделяя в нем несколько подстилей. По мнению М. Н. Кожиной, главное отличие научно-популярного подстиля состоит в том, что он адресован неспециалистам и призван популяризировать научные знания среди широкой аудитории [2, с. 290].

Научно-популярные тексты отличаются простотой изложения, экспрессивностью и образностью речи, однако при этом в них сохраняются стилевые черты научной речи, такие как точность из-

ложения информации, логичность, обобщенность, отвлеченность сообщаемой информации, сдержанность тона, слабая выраженность личности автора текста [1, с. 197].

Важнейшей составляющей газетного текста является заголовок, так как его задача – привлечь внимание читателей, сообщить тему публикации.

Наблюдения над материалом показали, что в заголовках публикаций, посвященных науке, широко употребляются различные термины (*инженерия, имплантология, химиотерапия, оксидирование, самоадаптация, мониторинг*), названия приборов (*преобразователь напряжения, бензиновые двигатели, эндопротез, токарно-винторезный станок*), прилагательные, указывающие на новизну, качество, актуальность исследования (*новый, научный, объективный, актуальный, альтернативный, высокоточный, лучший, виртуальный, дистанционный*).

С точки зрения структуры большую часть исследуемого материала представляют собой номинативные заголовки, построенные по схеме «имя прилагательное + имя существительное»: *Научный марафон* (Наука, 2020, № 1); *Научный путь* (Наука, 2020, № 6); *Новый токарно-винторезный станок* (Наука, 2020, № 2); *Тонкая красная линия* (Наука, 2020, № 3-4); *Альтернативные источники электроэнергии* (Наука, 2020, № 3-4).

Предикативные заголовки представляют собой простые предложения с предикатом, выраженным глаголом, краткой формой страдательного причастия, инфинитивом, именем существительным в именительном падеже: *Учеными ПГУ запатентован высокоточный преобразователь напряжения* (Наука, 2020, № 7).

Рассмотрим некоторые лексико-грамматические особенности научно-популярного текста на материале публикации «Матрица для клеток» («Университетская газета», № 5, 2023).

В заголовке статьи внимание читателей привлекает существительное «матрица», которое в сочетании с существительным «для клеток» получает новое современное звучание, новые оттенки смысла.

Подзаголовок представляет собой развернутое указание на содержание публикации: *«Ученые ПГУ нашли способ, как сократить время лечения ран у пациентов с синдромом диабетической стопы»*.

К лексическим особенностям научно-популярного подстиля относится его терминологичность. В статье используется как общенаучная терминология, так и медицинская терминологическая лексика: *синдром диабетической стопы, гнойно-некротический процесс, внеклеточный коллагеновый матрикс, антиоксидантная терапия, стволовые клетки.*

В тексте, адресованном неспециалистам, допускаются пояснения некоторых терминов. Например, термин *внеклеточный коллагеновый матрикс* объясняется с помощью указания на материал, из которого он производится и на способ его применения при лечении ран у пациентов с синдромом диабетической стопы.

Вводные слова, указывающие на источник информации, придают тексту точность изложения информации: *по данным Всемирной организации здравоохранения, по расчетам Минздрава, по его словам.*

Количественные данные, с одной стороны, служат объективности сообщаемой информации, с другой стороны, указывают на важность описываемой проблемы и необходимость ее скорейшего решения: *в мире 422 млн. человек с диагнозом «сахарный диабет»; это заболевание диагностировано примерно у 10,5 млн. человек – у каждого 15 россиянина.*

На точность передаваемой информации указывают собственные имена существительные (имена ученых, названия организаций и др.). В статье «Матрица для клеток» перечисляются ученые, занимающиеся изобретением, называется место их работы: *«Над изобретением трудился научный коллектив: Валерий Никольский – д-р мед. наук, профессор кафедры «Хирургия» ПГУ, Артем Захаров, аспирант Медицинского института, ассистент кафедры «Хирургия» ПГУ, врач отделения гнойной хирургии клинической больницы № 6 имени Г. А. Захарьина...».*

В научно-популярный текст включается цитирование ученых. Артем Захаров, аспирант Медицинского института, ассистент кафедры «Хирургия» ПГУ рассказывает о новом способе лечения больных и о проведении клинического исследования. Информация вводится в текст с помощью глаголов: Артем Захаров *«поделился», «продолжил», «добавил».*

Имена прилагательные, числительные, наречия используются автором для указания на новизну и актуальность открытия, для описания эффективности лечения: *новый способ борьбы с заболе-*

ваниями, новый биологический материал, терапия сократится вдвое, процедура проста и безболезненна, терапия будет в разы эффективнее, раны затянутся быстрее, поможет миллионам людей сделать свою жизнь более комфортной.

Информируя о научном открытии и текущем эксперименте, автор статьи стремится не только передать читателям новые знания и расширить их научную картину мира, но и сформировать определенный интерес к науке в целом, в том числе к науке как сфере профессиональной деятельности.

Таким образом, научно-популярный подстиль как вариант научного стиля отличается доступностью, простотой и ясностью изложения, наличием определенных лексических и грамматических особенностей, ограниченным использованием терминологии, поскольку при отборе языкового материала автор научно-популярного текста опирается на читателя, а именно на его возраст, образование, уровень общей и профессиональной подготовки, квалификации и рода деятельности.

Список литературы

1. Евтюгина А. А. Русский язык и культура речи : курс лекций. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2019. 269 с.
2. Кожина М. Н., Дускалева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М. : Флинта : Наука, 2008. 464 с.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕДИАТЕКСТЫ В РОССИЙСКИХ ИЗДАНИЯХ ДЛЯ ЖЕНЩИН

*Хилола Баходир Мадримова¹,
Вера Викторовна Шмелькова²*

^{1,2}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассматриваются и анализируются современные медиатексты в российских изданиях для женщин, их виды, структурные и стилистические характеристики и особенности. Особое внимание уделяется тематике медиатекстов печатных изданий, адресатом которых является женская аудитория.

Ключевые слова: русский язык, медиатекст, гендерный аспект

Одним из самых распространённых видов текста в настоящее время является медиатекст.

Медиатекст, – по определению, данному Г. Я. Солгаником, – «разновидность текста, принадлежащая массовой информации, характеризующаяся особым типом автора (принципиальное совпадение производителя речи и её субъекта), специфической текстовой модальностью (открытая речь, многообразное проявление авторского Я), рассчитанная на массовую аудиторию» [1, с. 14].

Медиатекст – это текст любого вида и жанра, с помощью которого происходит сообщение информации и осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций. К медиатекстам можно отнести такие тексты, как:

- 1) публицистический (газетный, журнальный и т.п.) текст;
- 2) рекламный (печатный, телевизионный и т.д.) текст;
- 3) телевизионный (информационный, коммуникационный и т.п.) текст;
- 4) интернет-текст и другие.

Особенностью медиатекста является то, что он объединяет в одно коммуникативное целое самые разные коммуникативные возможности (вербальные и невербальные). Например, даже в традиционных газетных и журнальных публикациях много лет используются фотографии, таблицы, графическое и шрифтовое оформление, а в лингвистике с недавних пор развивается новое направление – креативная лингвистика, принципы и возможности которой различными способами реализуются именно в медиатекстах.

Исследования в области массовой коммуникации свидетельствуют о том, что с возникновением и развитием информационных технологий появился и окончательно сформировался новый вид текстов, в которых вербальная информация сопровождается графическим оформлением, звуковым сопровождением, видеорядом, а вербальная информация может быть минимизирована или отсутствовать совсем.

Таким образом, при переносе обычного текста в сферу массовой коммуникации текст получает новые смысловые оттенки и особенности.

Медиатекст является не только результатом творческой деятельности автора, создающего этот текст. Это понятие в настоящее

время объединяет материалы всего современного медийного пространства:

- 1) репортаж;
- 2) телевизионный сюжет;
- 3) статья;
- 4) радиопередача и т.д.

Тем не менее, можно выделить три важнейшие сферы активного функционирования медиатекстов:

- 1) журналистика;
- 2) PR-сфера;
- 3) реклама.

Каждый медиатекст содержит определённое послание к адресату, несёт главную идею, посыл автора.

Довольно популярными в настоящее время являются медиатексты гендерной направленности, размещаемые как в печатных, так и в электронных изданиях. Рассмотрим некоторые особенности современных медиатекстов, представленных в изданиях для женщин.

Издания для женщин являются доступным источником информации, который освещает самые разные стороны современной жизни, бренды, тенденции моды, пропагандируют здоровый и комфортный образ жизни.

В современных журналах для женщин публикуются не только материалы литературного характера, статьи о домоводстве и рукоделии, но и о свободе личности, политике, карьере, о роли женщины в жизни общества, в деловой сфере и т.п.

Именно журнальная периодика во многом предлагала образцы того, как должна выглядеть современная женщина, как ей следует одеваться, общаться, вести себя дома и на работе, в общественных местах, иными словами, в журналах формируются социальные нормы поведения в самых разных коммуникативных ситуациях.

Аудиторию совершенно справедливо считают основным типобразующим текстовым признаком. Его роль велика в журналах, ориентированных на аудиторию определённого пола.

Актуальным представляется проследить, как издания для женщин воздействовали и продолжают воздействовать на целевую аудиторию, формируя определённые гендерные предпочтения.

К особенностям современного медиатекста в изданиях для женщин можно отнести:

1. Тексты характеризуются активным использованием форм императива. (*«Занимайся планированием, изучением информации и обсуждением того, что можно улучшить!»*, *«Подумай, как это лучше сделать в конкретном случае и после этого начинай свою пиар-кампанию!»*, *«Если ты действительно хорошо поработала – не скрывай, поведай миру о своём успехе!»* [2]).

2. Особую роль в женских журналах играет обращение к читателю на «ты», что способствует созданию дружеской атмосферы.

(*«Хочешь подрасти в должности, но как ни стараешься, у тебя ничего не выходит? Может быть, ты выбрала неверный путь?»*, *«Думаешь, что найти хорошую работу без отличного знания иностранного языка невозможно?»* [2]).

Затрагивая все стороны жизни современной женщины, журналы формируют образ и стиль жизни своих читательниц.

Список литературы

1. Солганик Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиа-текст» // Вестник Московского университета. Сер. 10. № 2. С. 14.
2. Lisa.ru : офиц. сайт.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПЛАТФОРМ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Елена Анатольевна Снизирева

*Вятский государственный агротехнологический университет,
г. Киров, Россия*

Аннотация. Рассматривается вопрос использования современных образовательных платформ в процессе обучения иностранных студентов русскому языку как иностранному. Приводятся примеры образовательных платформ, возможности их использования для достижения различных целей овладения русским языком как иностранным.

Ключевые слова: образовательная платформа, образовательный процесс, современные средства коммуникации, иностранные студенты, русский язык как иностранный

Русский язык, один из шести официальных языков Организации Объединенных Наций, является одним из самых распространенных языков в мире и обладает богатейшей историей и культурой. В современных условиях изучение русского языка как иностранного становится все более широко распространённым и актуальным для студентов, бизнесменов и любителей русского языка и культуры. Появление современных образовательных платформ и технологий, онлайн-курсов и мобильных приложений помогает облегчить процесс обучения русскому языку как иностранному и сделать его более доступным и удобным для обучающихся.

В педагогической литературе рассматриваются термины «цифровая платформа» и «цифровая образовательная платформа». В данной работе под рассматриваемым термином мы понимаем «информационное пространство, объединяющее участников процесса обучения, которое дает возможность для удаленного образования, обеспечивает доступ к методическим материалам и информации, а также позволяет осуществлять тестирование для контроля уровня знаний обучающихся» [1, 2].

Главное преимущество современных образовательных платформ, выделенное исследователями И. П. Чупиной и Н. И. Зыряновой заключается в гибкости и мобильности обучения. Так, в образовательный процесс могут включаться многие желающие благодаря отсутствию территориальной удаленности [3, с. 25]. Студенты могут выбирать удобное для них время и темп работы.

Еще одно преимущество образовательных платформ – это наличие полезных онлайн-ресурсов, помогающих студентам изучать русский язык. Доступные электронные учебники, учебные видео, аудиозаписи, различные интерактивные задания и тесты помогают сделать учебный процесс более интересным и разнообразным. Самостоятельно обучающиеся могут изучать грамматический и лексический материал, работать над произношением и совершенствовать другие аспекты русского языка, используя различные задания и материалы в интерактивном формате.

Кроме того, цифровые образовательные платформы позволяют студентам получать обратную связь от преподавателей или носителей языка, что особенно важно при самостоятельной работе студентов над улучшением навыков владения русским языком. Это возможно осуществить через онлайн-консультации, организацию

проверки выполненных заданий или аудио- и видеозаписей в интерактивном режиме.

Так, использование современных образовательных платформ благодаря их гибкости, широкому доступу к онлайн-ресурсам и обратной связи от преподавателей помогает организовать обучение русскому языку как иностранному наиболее эффективно.

Существует несколько платформ, которые могут помочь в изучении русского языка как иностранного и облегчить учебный процесс. Рассмотрим примеры платформ и возможности их использования:

1. LearningApps [4] – полностью бесплатный онлайн-сервис из Германии для изучения иностранных языков, включая русский. Сервис позволяет преподавателям создавать интерактивные упражнения для тренировки изучаемого лексического или грамматического материала и для организации проверки знаний студентов. Разработанные упражнения могут быть использованы как в аудиторной работе, так и в самостоятельной. Преподавателю достаточно дать ссылку ученикам.

2. Duolingo [5]. Это популярная платформа для изучения различных языков, в том числе русский как иностранный. Платформа предлагает интерактивные упражнения, игры, викторины и множество других материалов. Она дает возможность учиться в удобное для студента время и предлагает систему отслеживания прогресса обучающегося. Использование данной платформы особенно эффективно на начальном этапе обучения, когда студентам необходимо запомнить написание большого количества слов.

3. Memrise [6]. Данная платформа позволяет изучать русский язык для представителей различных стран. Она позволяет узнать новую лексику по разным сферам общения, используя технику повторения изученной лексики с помощью карточек и аудио-файлов. Также платформа предлагает видео с носителями языками, с предшествующими заданиями на изучение новой лексики, которая будет встречаться в видео. На платформе Memrise есть сообщество пользователей, с которыми можно общаться как с носителями языка.

Платформа предлагает разные уровни обучения русскому языку от самого начального, когда у студента нет никаких знаний, до продвинутого, когда студенты умеют говорить по-русски, но хотят совершенствовать свои знания русского языка (рис. 1).

Tailor your lessons by choosing your level

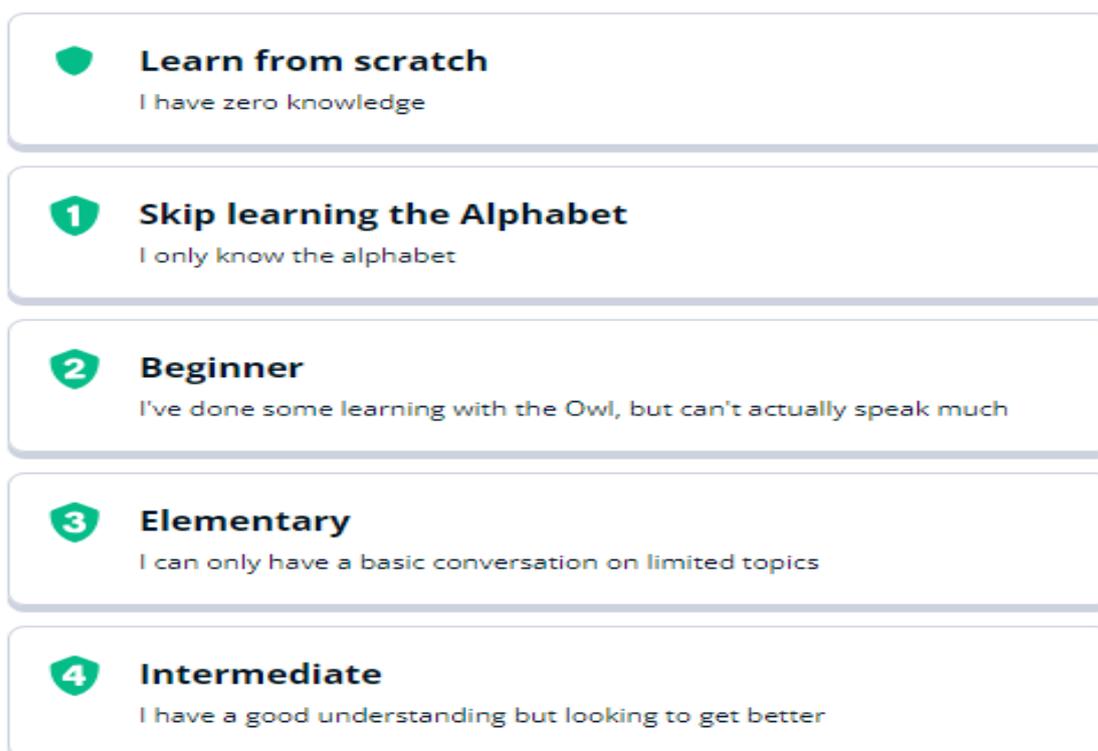

Рис. 1. Уровни обучения русскому языку как иностранному на платформе Memrise

4. Busuu [7]. Данная платформа предлагает курсы русского языка, разработанные экспертами по обучению иностранным языкам. Платформа содержит упражнения, диалоги и возможность общаться с носителями языка через форумы, чаты или видеоконференции. Это позволяет организовать практику общения с носителями языка и развить навыки общения на русском языке.

Кроме того, Busuu имеет функцию проверки выполненных письменных работ студентов и организации тестирования для получения обратной связи о результатах обучения обучающихся и их прогресса.

Каждая из этих платформ предлагает свои особенности, но общая цель их использования в процессе обучения состоит в том, чтобы облегчить изучение русского языка как иностранного, предлагая интерактивные упражнения, возможность практики с носителями языка и системы отслеживания прогресса. Использование

вышеназванных платформ может помочь более эффективному изучению русского языка в зависимости от потребностей преподавателя и предпочтений обучающихся. Однако, важно помнить, что наилучшие результаты обучения иностранному языку могут быть достигнуты при использовании различных методов, включая традиционное преподавание, использование образовательных платформ и практику в реальной жизни.

Несмотря на все преимущества современных образовательных платформ, мы считаем, что они не могут полностью заменить традиционное обучение русскому языку как иностранному. Взаимодействие с носителями языка, погружение в языковую среду и организация межкультурного общения между народами являются важными аспектами изучения любого иностранного языка, которые необходимо включать в процесс изучения.

Список литературы

1. Груздева М. Л., Феофанова Т. Д. Возможности использования цифровых платформ в образовании // Современные наукоемкие технологии. 2022. № 6. С. 104–108.

2. Переломов С. В. Использование цифровых образовательных платформ в образовательном процессе // Информатика и ИКТ. 2021. URL: https://урок.рф/library/ispolzovanie_tcifrovih_obrazovatelnih_platform_v_202515.html (дата обращения: 15.08.2023).

3. Чупина И. П., Зырянова Н. И. Цифровые платформы в образовательном процессе: плюсы и минусы // Журнал прикладных исследований. 2021. № 3-4. С. 24–28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-platforny-v-obrazovatelnom-protssesse-plyusy-i-minusy/viewer> (дата обращения: 10.09.23).

4. Образовательная платформа LearningApps. URL: <https://learningapps.org/>

5. Образовательная платформа Duolingo. URL: <https://ru.duolingo.com/>

6. Образовательная платформа Memrise. URL: <https://www.memrise.com/ru/>

7. Образовательная платформа Busuu. URL: <https://www.busuu.com/dashboard#/timeline/a1>

ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В КИТАЕ

*Е Хун*¹,
*Светлана Сергеевна Пашковская*²

^{1,2}*Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия*

Аннотация. Рассмотрены этнометодические особенности преподавания русского языка как иностранного в современной образовательной системе Китая; проанализирована текущая ситуация с преподаванием русского языка в китайско-российских *кооперативных университетах*, где выработана единая модель обучения; описаны достижения и проблемы; предложены пути решения насущных методических проблем. Особое внимание уделяется актуальным вопросам межкультурной коммуникации – овладения русским языком в контексте с русской культурой (иноязычное образование); отмечается важность формирования коммуникативной и социокультурной компетенции.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка как иностранного, преподавание русского языка в Китае, этнометодика, межкультурная коммуникация

В современной образовательной системе Китая по-прежнему придается большое значение обучению базовым языковым знаниям (грамматике!), но недооценивается роль межкультурной коммуникации в изучении языка.

На данном этапе в Китае есть много колледжей и университетов, которые сотрудничают с Россией (и другими русскоязычными странами). Сотрудничество наших стран очень активно в области гуманитарных и инженерных наук. Контакты и взаимодействие Китая и России в области образования и науки постепенно расширяются, и первые результаты уже достигнуты: в Китае подготовлена группа студентов по программе «**Русский язык + специалитет**» [1– 3].

Преподавание русского языка играет очень важную роль в китайско-российском совместном образовании. Оно включает не только преподавание базовых знаний русского языка, но и профессиональные курсы чтения научной литературы на русском языке. Цель этих курсов – помочь студентам понять и освоить профессиональную терминологию (научный стиль речи) как можно раньше. Что касается методики преподавания русского языка как ино-

странного, то большая часть времени урока (как и раньше!) посвящена грамматике, лексике и текстам, а основная образовательная задача по-прежнему ориентирована на экзамены; слишком много внимания уделяется развитию основных языковых знаний и навыков, но развитие навыков русского речевого общения (работа над видами речевой деятельности), формирование коммуникативной и социокультурной компетенции, к сожалению, игнорируются.

Нами проанализирована текущая ситуация с преподаванием русского языка в китайско-российских *кооперативных университетах*, где выработана единая модель обучения [1–3]. На наш взгляд, в этой модели обучения существует серьезная проблема – «слабое содержание» (однобокое, теоретико-грамматическое представление учебного материала), исключаяющее практическое владение языком) и односторонние, как правило, лексико-грамматические упражнения и задания.

Процесс обучения также в основном построен на объяснениях учителя; отсутствует интерактивное взаимодействие двух субъектов учебного процесса (обучающегося и обучающего), что обусловлено этнометодическими традициями преподавания иностранного языка в Китае:

1) большое количество учащихся в классе (аудитории) предполагает письменное выполнение заданий;

2) невозможность устной проверки и как следствие – невозможность общения на иностранном языке (мало внимания формированию речевых навыков и коммуникативных умений).

Можем сделать вывод: письменные виды речевой деятельности – чтение и письмо – в приоритете; навыки письменной речи учащихся сформированы лучше, чем навыки устного общения (говорение и аудирование).

На наш взгляд, китайским студентам не хватает создания позитивной атмосферы межкультурного общения, мотивирующей для активного (практического) владения языком – модели иноязычного образования. Считаем, что модель обучения иностранному языку в Китае немного однобока (не отрицаем того, что в Китае учащиеся хорошо знают грамматические правила иностранного языка и владеют большим лексическим запасом); необходимо обратить особое внимание на межкультурную коммуникацию – практическое владение языком; формирование коммуникативной и социокультурной компетенции.

Считаем важным: обучение иностранному языку должно заключаться не только в получении базовых языковых знаний, но и в адекватном владении иностранным языком – в умении в полной мере использовать «языковые инструменты» для общения с носителями языка – межкультурной коммуникации (пусть даже искусственно созданной на уроке посредством современных ИКТ).

Преподавание русского языка в колледжах и университетах должно быть ориентировано на развитие гуманитарных наук, иначе «слепое» изучение базовых знаний русского языка заставит студентов чувствовать себя неготовыми к профессиональной деятельности (студентам будет трудно и скучно на таком уроке), что не будет способствовать развитию гуманистических качеств учащихся, общему развитию личности молодого человека.

На наш взгляд, недостаточное, неполное содержание обучения (без межкультурной коммуникации) сделает преподавание русского языка «сухим, застойным» и утратит свою жизнеспособность.

Учебники являются важным средством обучения и гарантией последовательного, систематического овладения содержанием предмета. Проанализированные нами учебники русского языка в Китае, будь то серия «Русский язык», используемая учащимися начальных и средних школ, или серия «Русский язык», используемая студентами, к сожалению, лишены интересного содержания и продуманной дозированной подачи учебного материала, что заставляет многих учащихся думать, что русский язык скучен и его трудно освоить.

Считаем, что важной целью изучения языка является межкультурное общение. Языковое образование – это (в значительной степени) культурное образование. Культурное образование включает знакомство с культурой, историей, традициями, особенностями страны изучаемого языка на родном языке учащихся (на начальном этапе) и культурное образование на иностранных языках – русский язык как цель и как средство обучения. Важно использовать родной язык для правильного понимания других национальных культур и использовать иностранные языки для правильного объяснения собственных культурных явлений и культурных знаний: только так можно построить «мосты дружбы», понимания и межкультурного взаимодействия.

Формирование языковой компетенции и культурное образование (коммуникативной и социокультурной компетенции) неразделимы. Учителя должны интегрировать культурные знания в языковое образование и совершенствовать языковые навыки, одновременно развивая социокультурные знания, навыки, умения и коммуникативные компетенции учащихся.

Необходимо изменить традиционные (китайские) концепции преподавания русского языка как иностранного и создать научные, новые и передовые технологии преподавания русского языка, опираясь на исследования и методические концепции преподавателей России.

Список литературы

1. 李慧超. 中国文化俄语表达的教学意义和教学方法探究 // 现代交际. 2021. № 24. С. 45–46.
2. 杜英秋. 外语教学与跨文化意识的培养 // 辽宁师专学报 (社会科学版). 2005. № 3. С. 105–106.
3. 邢爱仙. 基础俄语教学各环节的教学方法研究与探析 // 农家参谋. 2020. № 7. С. 285.

НАД ЧЕМ СМЕЕТЕСЬ... ЮМОР КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

*Шанью Чжюу¹,
Светлана Сергеевна Пашковская²*

^{1,2}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассмотрены особенности языковой картины мира, отраженной в юморе русского и китайского языков. Представлены языковые особенности комического в русском и китайском дискурсе. Особое внимание уделяется национальному своеобразию русской и китайской картины мира.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, языковая картина мира, языковые особенности, русский и китайский юмор

В современных лингвистических исследованиях наблюдается особый интерес к вопросам языковой картины мира, языковой личности, национально-культурной специфики, отраженной в языке.

Методологической основой этих исследований по-прежнему остается (столь популярный в конце XX века) принцип антропоцентризма, поэтому современные лингвистические исследования – синергия нескольких научных дисциплин (философии, истории, психологии, этнолингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики), где результат исследования должен превышать сумму знаний нескольких научных дисциплин. Компаративные исследования, выполненные на материале двух языков, выявляют национально-культурную специфику (менталитет) народа и конкретной языковой личности, а также языковую картину мира разных культур.

Комическое – языковая (культурная) универсалия, которая изучается не только в рамках одного языка, но и в межъязыковом аспекте. Изучение комического (в разных его уровнях – юмор, ирония, сатира, сарказм) способствует пониманию как родной, так и другой (иностранной культуры), «разницы в трактовке образов себя и других... Все эти элементы отчетливо проявляются в национальном юморе, как на высоком (литературном) уровне, так и на приземленном ...» [1].

Комическое может быть выражено разными средствами: невербальными; вербальными (на фонетическом, лексическом, фразеологическом, синтаксическом и графическом уровнях).

«Комическая картина мира» представляет «совокупность образов (предметов, явлений, свойств, ситуаций и т.п.), отклоняющихся от стереотипного восприятия окружающего мира, от нормативных жизненных ценностей и вызывающих комический эффект» [2, с. 55].

Юмор – тончайший инструмент снятия «острых моментов», неловкости и даже агрессии.

Юмор позволяет наладить коммуникацию (при условии эмпатии и знания языковых и культурных особенностей собеседника).

Рассмотрим китайский юмор в восприятии носителей русского языка.

1. Общее:

.经理问：“请问对于上司的交代，你应该如何应对才能顺利升迁？”

应聘者回答：“‘是’者生存，‘不是’者淘汰。”

Менеджер спрашивает: «Как вы должны отвечать на указания начальника, чтобы успешно продвигаться по службе?»

Соискатель отвечает: «Тот, кто говорит «да», выживает, а тот, кто говорит «нет», выбывает».

Этот китайский юмор понятен не только носителям русского языка, но и представителям других культур, так как содержание (тема и ее восприятие слушающим) и форма (языковые особенности текста) легко переводимы и понятны, т.е. общечеловеческие.

Объяснение: в корпоративной среде лучше соглашаться с указаниями начальства, чтобы сохранить свою работу и иметь возможность продвигаться по службе.

Итак, это юмор современной (глобальной) картины мира, которая основана на стереотипе о том, что в корпоративной культуре подчинение и согласие с начальством могут быть важными для карьерного роста.

2. Рассмотрим национально-специфическое, отличие китайского юмора от русского.

我妈说不能交不三不四的朋友，所以我的朋友都很二

*Моя мама говорила, что нельзя встречаться с **праздными** друзьями, поэтому все мои друзья **глупы и милые**.*

Текст, который в китайской языковой картине вызывает смех, в русской – удивление, так как непонятна языковая игра, построенная на лингвистических особенностях китайского языка. Китайский юмор звучит несколько «странно» в русском переводе и требует объяснения.

Во-первых, многие китайские идиомы используют числа. В этом тексте иероглифы 不三不四 – при дословном переводе (подстрочнике) обозначают числа – «не три, не четыре», а иероглиф 二 – «два».

Во-вторых, если некоторые иероглифы стоят рядом (идут вместе в тексте), то у них появляется еще одно (абсолютно другое, часто неожиданное) значение. Например, в этом тексте иероглифы 不三不四 переводятся как «бездельник, праздный, непорядочный», а перевод иероглифа 二 (в разговорной речи) – «глупый, милый, дурак».

Итак, чтобы понять китайский юмор, нужно знать языковые механизмы создания комического (особенности китайского языка) – иероглифический юмор (юмор чисел, игру тонами и т.д.), т.е. юмор, обусловленный национальной спецификой фонетики, графики, фразеологии и синтаксиса китайского языка.

Список литературы

1. Кулинич М. А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). Самара : СамГПУ, 1999. 176 с.
2. Попченко И. В. Комическая картина мира как фрагмент эмоциональной картины мира (на материале текстов И. Ильфа и Е. Петрова) : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 258 с.

РАЗДЕЛ 3. СОЦИАЛИЗАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В НОВОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В НОВОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

*Аяна Бекболотовна Джилкибаева¹,
Канькей Нургазы кызы²,
Екатерина Григорьевна Сягайло³*

^{1,2,3}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассмотрена теоретическая основа процессов адаптации и социализации иностранных студентов в новой социокультурной и образовательной среде. Проанализированы вопросы по улучшению социальной адаптации иностранных студентов. Кроме того, рассмотрены взаимоотношения между иностранными студентами в университетах России и местным населением, их взаимная оценка. Сделаны выводы относительно необходимости улучшения качества мер, предпринимаемых для адаптации иностранных студентов, так как это в первую очередь связано с повышением качества российского образования и повышением его престижа за рубежом. Были разработаны рекомендации по улучшению данного процесса.

Ключевые слова: социализация, иностранные студенты, образование, адаптация

Введение

В статье социализация иностранных студентов в новой социокультурной среде рассматривается с позиций иностранных студентов. В статье рассмотрены два главных аспекта социализации иностранных студентов на этапе получения образования в российском вузе: адаптация к образовательным условиям российского вуза и присвоение ценностей, овладение знаниями, умениями, формами поведения, необходимыми для успешного осуществления профессиональной деятельности. На основании теоретического анализа и результатов выделены две группы проблем социализации иностранных студентов в новой среде образования.

Актуальность проблемы социализации иностранных студентов может быть обоснована в двух аспектах: актуальность проблемати-

ки, связанной с социализацией на этапе получения профессионального образования, и актуальность проблем, связанных с социализацией иностранных студентов.

Современный период развития общества характеризуется масштабностью процесса глобализации. В связи с этим растёт роль международного сотрудничества в сфере образования. Международное сотрудничество в сфере образования является одним из важнейших направлений международной политики многих стран мира, в том числе и России. Обучение и воспитание молодого поколения в системе международного образования способствует сближению народов, их взаимопониманию и взаимоуважению.

Процесс подготовки иностранных студентов представляет собой средство усовершенствования и поддержания высокого авторитета России на международной арене её образования, науки и культуры. Подготовка в российских вузах иностранных студентов также стимулирует культурный обмен, привлечение экономической прибыли в бюджет России, а также активное влияние на формирование политической элиты в странах, отправляющих своих граждан на обучение. К тому же иностранные студенты, остающиеся в России после окончания обучения, могут рассматриваться как ценный человеческий капитал для российской экономики. Такие студенты хорошо владеют языком, понимают местную культуру и адаптированы к национальному рынку труда в целом [1].

Все это актуализирует вопрос социализации иностранных студентов в новой социокультурной и образовательной среде российского вуза, от успешности которых зависит результат образования и дальнейшая социализация. Особенно на данном этапе развития общества, когда число иностранных студентов в мире активно растёт [1].

Социализация иностранных студентов

Рассматривая адаптацию и социализацию иностранных студентов в российских университетах следует для начала определить особенности факторов адаптации в каком-либо социуме.

Согласно общепринятым словарным определениям, социализация это «процесс освоения индивидом определённых профессиональных знаний, умений и навыков, усвоение опыта, овладение стандартами и ценностями сообщества». Именно обретение дан-

ных навыков для социологов является границей, отделяющей индивидов от личностей. Социализация представляет из себя подстраивание личности индивида при переходе в новое общество под его нормы или же под изменяющиеся условия старого общества.

Иностранные студенты в России

Одной из основных задач университетов по отношению к студентам-иностранцам является интеграция их в российскую систему образования и студенческий социум путём адаптации. Это необходимо для успешного изучения ими языка (в случае если обучение происходит на русском языке) и получения полноценного образования.

Выделяется 3 фазы адаптации иностранных студентов в российских университетах. Первая фаза характеризуется большим приливом оптимизма и высокими ожиданиями от российской системы образования. Вторая фаза адаптации иностранного студента является проверкой на излом – иностранный студент встречается с первыми трудностями в процессе обучения. В случае их успешного преодоления он входит в последнюю фазу – интеграцию студенческую общность.

Под интеграцией иностранных студентов в данном случае мы понимаем успешное взаимодействие иностранных студентов с русскоязычными студентами, преподавателями и студентами из других стран, а также успешное обучение согласно программе, отсутствие конфликтов с местными жителями, ощущение счастья в России и хорошего самочувствия.

Стоит учесть важное значение того, какая группа факторов влияет на успешность адаптации студентов в среде российского образования. Степень адаптации, в первую очередь, зависит от страны происхождения студента, который обучается в российских учреждениях высшего образования. Студенты из Кыргызстана, Узбекистана и Беларуси адаптируются в России наилучшим образом, студенты из стран Африки и юго-восточной Азии – намного хуже.

Вместе с фактором страны происхождения следует фактор этнического происхождения. Граждане славянских стран будут адаптироваться гораздо легче – не только благодаря личным качествам, но и благодаря тому, что российский социум сам успешнее интегрирует их в собственные процессы.

Фактор знания языка также является очень важным. Студенты, не знающие русский язык, и не имеющие стремлений к его изучению, склонны объединяться в малые группы сограждан и весь учебный период ограждать от окружающей российской действительности. В конце концов, значение имеет та культура, к которой принадлежит студент – открытая или закрытая, коллективистская или индивидуалистская [3].

Практика показывает, что студенты, чей опыт социального взаимодействия невозможен для применения в российском социальном контексте, испытывают большие трудности при контактировании с российским студенчеством – бурной, сложной социальной группой, имеющей яркие черты даже в рамках российского общества. При этом контакты с российским студенчеством могут вести даже к негативным последствиям для иностранцев. У этого две причины. Первая причина – восприятие чужой культуры через призму собственной, для которой чужая, разумеется, неправильна. Вторая причина – это неверная подготовка учебного процесса для иностранных студентов, не предполагающая неких путей для преодоления культурного шока иностранцев перед Россией.

Россия, с учётом ее размеров и многообразием национальностей и конфессий, крайне разнообразна, а потому разные среды могут по-разному реагировать на студентов из разных стран. По данным исследования, приведённого Т. Р. Рахимовым, наиболее важным фактором для иностранных студентов зачастую может являться климатический фактор – 82,9 % студентов считают, что это фактор приобретает для них решающее значение в ходе обучения в российском университете. Разумеется, иностранные выделяют и фактор личностно-психологический – порядка 75,3 % считают его важным в процессе адаптации к российской среде 71,9 % респондентов считают одним из наиболее важных факторов адаптацию к новой педагогической системе.

Социально-бытовые факторы, межличностные общение и жизнь в интернациональном общежитии – на последних местах, что говорит о сравнительно меньшей значимости данных факторов для иностранных студентов России [2].

Стоит отметить, что большей частью иностранные студенты не удовлетворены условиям проживания в российских общежи-

тиях. Около 30,2 % респондентов выбрали это вариант. На втором месте по неудовлетворённости студентов находится организация их досуга. 28,5 % иностранных студентов считают досуг плохо организованным. 26,6 % отметили плохое медицинское обслуживание, 25,1 % – отсутствие условий для занятий спортом. Это говорит о том, что основными факторами отрицательной интеграции студентов являются даже не контакты с местным студенчеством и населением, а прежде всего отсутствие организации или некачественная организация самими университетами каких-либо каналов для интеграции иностранных студентов.

Заключение

Процесс адаптации – сложный процесс, формирующий способности иностранного студента развиваться не только в области коммуникативного общения, изучения методики познания иностранного языка, но и успешно взаимодействовать в формировании новых качеств личности, приобретение новых ценностей, осмысление значимости будущей профессии. Важность проблемы адаптации иностранных учащихся в российских вузах определяется задачами их дальнейшего эффективного обучения как будущих специалистов. Успешная и быстрая адаптация помогает быстро включиться в учебный процесс и способствует повышению качества подготовки студентов в вузе. Из этого следует, что для повышения конкурентоспособности российских вузов в сфере международного процесса обучения иностранных граждан необходима положительная динамика в социальной адаптации иностранных студентов, как в процессе обучения, как и в процессе жизнедеятельности.

Список литературы

1. Дашкина А. А. Педагогические условия социализации иностранных студентов в поликультурной среде вуза. URL: <https://elib.pnzgu.ru/files/eb/doc/TjCeJOy9URfa.pdf>
2. Дрожжина Д. С. Изучение адаптации иностранных студентов: дискуссия о методологии // Эмпирические исследования. Universitas. 2013. Т. 1, № 3. С. 33–47.
3. Иванова Г. П., Ширкова Н. Н., Логвинова О. Г. Иностраннный студент в российском вузе : монография. М. : РУСАЙНС, 2022. 138 с.

ИЗУЧЕНИЕ «ОСНОВ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ» ИНДИЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ КАК УСЛОВИЕ ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ

*Даршил Маноджбхай Пател¹,
Антонина Анатольевна Леонова²,
Лана Викторовна Лазарева³*

^{1,2,3}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассматривается влияние новой учебной дисциплины «Основы российской государственности» на социокультурную адаптацию иностранных студентов в российском вузе. Анализируются предварительные результаты обучения; определены темы, наиболее интересные для индийских студентов. Сделана попытка оценить влияние новой учебной дисциплины на социокультурную адаптацию индийских студентов.

Ключевые слова: учебная дисциплина, государственные основы России, культура страны пребывания, внеаудиторные музейные учебные занятия, социокультурная адаптация

Система российского высшего образования привлекательна для иностранных студентов в силу высокого качества и относительно невысокой стоимости обучения. Новая волна иностранных студентов подтверждает это. Однако культурный шок, языковой барьер могут стать препятствием для успешного обучения. Необходимо создать систему поддержки иностранных студентов для их успешной социокультурной адаптации в стране и вузе.

Привлекательность ПГУ для иностранных граждан естественно ведет к повышению его международного статуса, расширению международных связей. Ежегодный фестиваль «Диалог культур» превратился в молодёжный форум, который объединяет студентов-представителей 65 государств мира. Землячества, группы поддержки, специально подготовленные структуры вуза – многое делается для комфортной организации проживания, обучения и досуга иностранных студентов. Индийская студенческая диаспора является самой многочисленной в ПГУ.

Проведённые среди индийских студентов за последние 5 лет наблюдения продемонстрировали, что существуют объективные и субъективные факторы, способствующие либо препятствующие благополучной их быстрой социокультурной адаптации в вузе.

К субъективным факторам, положительно влияющих на процесс социально-психологической адаптации студентов из Индии, мы отнесли:

– высокий уровень коммуникативных умений, включающий уровень владения русским языком и его стилями средний либо выше среднего;

– наличие интереса к истории и культуре нашей страны, а также населяющих ее народностей, что формируется в ходе воспитательных мероприятий [2, с. 59–60].

Рис. 1. Индийские студенты – лауреатами всероссийского конкурса «Студвесна-2023»

Среди объективных негативных факторов выделим:

– наличие постоянной некомфортной языковой среды;
– не всегда понятная индийским обучающимся организация учебной деятельности, отличная от той, которая существует у них на родине;

– проживание в новых бытовых условиях, отличающихся от привычных;

– недостаточное знакомство с культурой России, её обычаями, традициями, национальными праздниками и проч.

Индийские студенты всегда проявляли устойчивый интерес к стране пребывания, её культуре и ментальности. Однако набор учебных дисциплин не позволял удовлетворить этот интерес в полном объёме. С сентября 2023 года такую функцию сможет выполнять новый предмет «Основы российской государственности» [4, с. 196–199].

Мы видим в индийских студентах устойчивую общность, объединенную совокупностью внутренних связей и отношений на основе национального сознания, национальных интересов, культуры и языка, связанную системой налаженных отношений, общих интересов, ценностей и норм [1, с. 196-199].

В этой связи актуализируется проблема социокультурной адаптации индийских студентов, обучающихся в ПГУ, использование для этого адекватных методов и средств, новых воспитательных технологий, с целью максимально облегчить вхождение таких обучающихся в новую для них социокультурную и образовательную среду при поддержке принимающей стороны [7].

В основу исследования была положена следующая цель: выявить влияние изучения дисциплины «Основы российской государственности» с индийскими студентами в ПГУ на их социокультурную адаптацию.

Для реализации целей исследования на базе Пензенского госуниверситета была сформирована выборка из индийских студентов-первокурсников, всего 30 человек в возрасте 18 лет, из них 20 юношей и 10 девушек. В качестве методов исследования применялись образно-ассоциативный тест (ОАТ) С. В. Фроловой [5], методика «Интегративный опросник межкультурной компетентности» О.Е. Хухлаева и др. [6] и Фрайбургский личностный опросник (FPI).

Результаты образно-ассоциативного теста (ОАТ) С. В. Фроловой показали, что принимающая страна – Россия – воспринимается индийскими студентами положительно, им интересны национальные традиции и праздники. Лекционные и семинарские занятия по дисциплине «Основы российской государственности» помогают им понять базовые идеи российской ментальности.

Данные ОАТ подтверждаются методикой «Интегративный опросник межкультурной компетентности» О. Е. Хухлаева. Успешно адаптировавшиеся индийские студенты показали способность эффективно функционировать при общении с представи-

телями различных культур и в разных культурных средах (высокие баллы по всем четырём субшкалам теста).

Личностный опросник FPI-B (Фрейбургский личностный опросник) использовался для диагностики состояний и свойств личности, которые имеют первостепенное значение для процесса социальной адаптации и регуляции поведения. По результатам тестирования индийские студенты показали высокие баллы по шкалам невротичность – 68 % исследуемых, спонтанную агрессивность – 36,15 %, депрессивность – 33,99 %, раздражительность – 37,5 %, застенчивость – 29,09 %. Это можно объяснить особенностями характера и сложностями адаптации на первом этапе. Однако к концу первого семестра обучения индийские студенты-первокурсники, активно проявившие интерес к фундаментальным принципам устройства российского общества, его многонациональной структуре, изучившие на занятиях по дисциплине «Основы российской государственности» базовые идеи российской цивилизации, особенности региональных культур, показали снижение уровня невротичности до 34 %, агрессивности – до 18,2 %, застенчивости – до 16,9 %. Это говорит об эффективности данного курса для понимания страны пребывания и социокультурной адаптации.

Основываясь на результатах исследования, можно сделать заключение, что принимающая среда для индийских студентов в ПГУ является достаточно благоприятной. Для дальнейшего совершенствования принимающей индийских студентов социокультурной среды можно предложить расширить формы работы в рамках курса «Основы российской государственности», например, проводить внеаудиторные музейные занятия. Это должно помочь в психолого-педагогической поддержке иностранных студентов для предотвращения стрессовых расстройств как результата культурного шока [3, с. 114–115].

Все эти действия в совокупности должны послужить благополучному преодолению последствий культурного шока, благоприятной социокультурной адаптации и дальнейшему росту численности индийских студентов в Пензе.

Список литературы

1. Корнеева Т. В. Социально-психологические детерминанты этнической идентичности молодежи // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4, № 3 (15). С. 193–221.

2. Лазарева Л. В. Стратегия психологической помощи иностранным студентам в процессе их социокультурной адаптации в иноязычной образовательной среде (на примере индийских студентов, обучающихся в Пензенском государственном университете) // Вестник Саратовского областного института развития образования. 2016. № 4 (8). С. 58–61.

3. Смолина Т. Л. Особенности психологического консультирования по преодолению культурного шока // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 2-2. С. 113–116.

4. С 1 сентября запущен курс «Основы российской государственности». URL: minobrnauki.gov.ru (дата обращения: 13.11.2023).

5. Фролова С. В. Социокультурная интегрированность образной сферы и приверженность своей стране российских и иностранных студентов вузов // Известия СГУ. Новая серия: Акмеология образования. Психология развития. 2017. Т. 6, № 4. С. 349–355.

6. Хухлаев О. Е., Грищенко В. В., Макарчук А. В. [и др.]. Разработка и адаптация методики «Интегративный опросник межкультурной компетентности» // Психология. Журнал ВШЭ. 2021. Т. 18, № 1. С. 71–91.

7. Bethel A., Ward C., Fetvajiev V. Cross-Cultural Transition and Psychological Adaptation of International Students: The Mediating Role of Host National Connectedness // *Frontiers in Education*. 2020. Vol. 5.

РАЗДЕЛ 4. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XXI ВЕКЕ: ОРИЕНТИРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА

*Тахмина Илхомовна АскарOVA¹,
Инна Анатольевна Питайкина²*

^{1,2}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Аннотация. Анализируются исторические события, которые позволяют лучше понять формирование враждебности и конфликта между арабскими и еврейскими сообществами в Палестине и таким образом раскрыть ключевые истоки арабо-израильского конфликта.

Ключевые слова: конфликт, арабо-израильский конфликт, Израиль, Палестина

Арабо-израильский конфликт остается одним из самых долгосрочных и острых конфликтов в мировой истории, оказывая значительное влияние на политическую стабильность в регионе Ближнего Востока. Истоки арабо-израильского конфликта берут свое начало с 80-х годов XIX века. Сложность ситуации и глубина противоречий предопределяют необходимость анализа исторического контекста данной проблемы.

Для более полного понимания истоков арабо-израильского конфликта необходимо обратить внимание на формирование национальных идентичностей в контексте разделенной истории региона. В начале XX века, в условиях Османской империи, национальные группы, включая арабов и евреев, начали активно развивать свое самосознание. Арабское национальное движение стремилось к созданию единого арабского государства, в то время как сионистское движение преследовало цель установления еврейского государства в Палестине. После Первой мировой войны и разгрома Османской империи, Лига наций поручила мандат над Палестиной Великобритании. Следует отметить, что этот период сопровождался усилением национальных амбиций и конфликтов

между арабскими жителями и новообразовавшимся еврейским населением.

Влияние Второй мировой войны и Холокоста подняли на новый уровень обострение конфликта в истории арабо-израильской борьбы. Жестокости нацистского режима и гибель миллионов евреев стали мощным катализатором для поддержки создания еврейского государства. Это вызвало обострение арабско-еврейских отношений и усиление борьбы за контроль над территорией.

Ключевым моментом в истории арабо-израильского конфликта можно считать решение Организации Объединенных Наций (ООН) в 1947 году о разделении Палестины. 29 ноября ГА ООН проголосовала за создание на Ближнем Востоке двух самостоятельных государств: еврейского и палестинского (резолюция № 181) [2, с. 66]. Предполагалось, что в соответствии с этим решением, создание еврейского и арабского государств предоставляло историческую возможность урегулирования национальных амбиций обеих сторон. Однако, несмотря на поддержку ООН, арабские лидеры отвергли этот план, что привело к началу арабо-израильской войны в 1948 году. В результате этого военного конфликта, после объявления независимости Израиля в мае 1948 года, страна оказалась в состоянии войны с соседними арабскими нациями. Война за независимость Израиля закончилась в 1949 году подписанием многих арабо-израильских соглашений, но урегулирование территориальных вопросов оставалось нерешенной задачей. Таким образом, создание Израиля и признание его государственности арабскими странами вызвали несогласие и привели к долгосрочной вражде между сторонами.

Восприятие конфликта арабской стороной тесно связано с формированием палестинского национализма. Для палестинских арабов конфликт представляет собой не только территориальную борьбу, но и борьбу за национальную идентичность и права на землю, утраченные в результате создания Израиля. Это восприятие основывается на идеологии самоопределения и стремлении к установлению независимого государства Палестина. Для арабских государств, соседствующих с Израилем, арабо-израильский конфликт является частью более широкой борьбы за влияние и геополитическую стабильность в регионе. Вмешательство соседних стран в различные этапы конфликта оказывало существенное воздей-

ствие на его динамику, служа как средством поддержки палестинского национализма, так и средством сдерживания влияния Израиля.

Израильское видение конфликта формировалась под воздействием идеи сионизма. Сионизм представляет собой политическое движение, целью которого является объединение и возрождение еврейского народа на его исторической родине, создание национального государства. Израиль воспринимает свое существование как ответ на историческую потребность в безопасности для еврейского народа, особенно учитывая страшные события Холокоста. В этом смысле конфликт с арабскими соседями воспринимается как защита национальных интересов и безопасности государства. Для Израиля арабо-израильский конфликт представляет не только территориальные претензии, но и борьбу за признание еврейского права на национальную автономию. Роль сионистского движения в становлении Израиля существенна для понимания мотивации и позиции этой стороны в конфликте.

К сожалению, после завершения войны за независимость в 1949 году, данный регион прошел через серию военных конфликтов: Суэцкий кризис (1956 год), Шестидневная война (1967 год) и Йом-Кипур (1973 год). Только после кризисов 1967 и 1973 годов начался процесс поиска дипломатических решений. Основные переговоры включали Осло (1993 год), Камп Дэвид (2000 год), и Анаполь (2010 год), однако эти усилия в основном не привели к окончательному урегулированию конфликта. Самым значимым успехом в истории переговорных отношений Палестины и Израиля можно считать переговоры в Осло при участии Ясира Арафата и Ицхака Рабина. По итогам этих переговоров стороны взаимно признали право на существование обеих стран, что послужило базисом для дальнейших переговорных процессов [1, с. 111]. На фоне постоянных споров о границах, статусе Иерусалима и правах беженцев, переговоры оставались сложными и часто прерывались новыми волнениями.

Факторы религиозной и этнической принадлежности оказывают серьезное воздействие на динамику конфликта. Священные для многих религиозные места в Иерусалиме создают не только территориальные, но и религиозные напряжения. Присутствие еврейского, христианского и исламского наследия в регионе делает конфликт многогранным, и вопросы веры остаются источником противостояния.

Одним из ключевых факторов, поддерживающих арабо-израильский конфликт, являются территориальные споры. Вопрос о границах, контроле над стратегическими территориями, включая Западный берег реки Иордан и Восточный Иерусалим, остается крайне спорным. Стороны продолжают оспаривать права на землю, что создает преграды для окончательного урегулирования конфликта.

Таким образом, анализ вышеизложенных факторов в исторической ретроспективе позволяет осознать многоуровневую природу арабо-израильского конфликта и выделить разнообразие элементов, способствующих его продолжению. Учет этих факторов является ключевым для понимания сложившейся ситуации и при разработке стратегий для разрешения конфликта и обеспечения стабильности в регионе. Однако следует отметить, что в поиске долгосрочного разрешения арабо-израильского конфликта решающую роль будет играть международное посредничество. В урегулировании ближневосточного конфликта нельзя обойти стороной позиции окружающих Израиль и Палестину стран [3, с. 334]. Многие страны и международные организации предпринимают усилия для поддержки переговорного процесса и поиска компромисса. Решение конфликта требует не только активного участия ключевых государств, но и согласия на сотрудничество со стороны всех заинтересованных сторон.

Список литературы

1. Звягинцев Н. В., Мингазова А. Р. Современные тенденции урегулирования арабо-израильского конфликта // Арабистика Евразии. 2022. Т. 5, № 4. С. 105–115.
2. Локтионова Е. О. Перспективы урегулирования арабо-израильского конфликта // Актуальные проблемы современных международных отношений: вестник ИИиМО СГУ. Саратов : Саратовский источник, 2013. Вып. 1. С. 65–73.
3. Рыжов И. В., Бородина М. Ю. Арабо-израильский конфликт: историческая ретроспектива, современное состояние и тенденции // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6. С. 332–339.

ИНОСТРАННОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: СОСТОЯНИЕ И ТРЕНДЫ

*Басгул Рустамхоновна Бадалова¹,
Наталья Валерьевна Рассказова²*

^{1,2}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Аннотация. Иностранные инвестиции являются неотъемлемым элементом развития мировой экономики в современных условиях. Предпринята попытка рассмотреть динамику иностранного инвестирования, выявить лидеров данного процесса и определить тренды.

Ключевые слова: иностранное инвестирование, мировая экономика, прямые иностранные инвестиции, тренды

Иностранные инвестиции являются одним из важнейших элементов развития национальных экономик. В условиях глобализации, значительно упростившей перемещение капитала из страны в страну, влияние иностранных инвестиций существенно возрастает в силу их увеличивающейся мобильности.

Процесс иностранного инвестирования получил наибольшее распространение с первой трети XIX в. К 1914 г. на долю США, Германии, Великобритании и Франции приходилось более 85 % прямых иностранных инвестиций (ПИИ), причем доминирующие позиции занимала Великобритания. Для XXI в. наибольшее количество прямых инвестиций поступали в США, Китай и Гонконг. Это связано с устойчивостью национальной валюты данных государств и сосредоточением в данных регионах крупного объема производства и потребления благ и услуг. Так, инвестиционная привлекательность США обусловлена развитостью внутреннего рынка, ростом экономических показателей, наличием благоприятных условия для ведения бизнеса [2]. В целом можно констатировать, что в период 2000–2020 гг. наиболее привлекательными странами для инвестирования являлись развитые страны, именно туда устремлялся наибольший объем иностранных инвестиций. Наименьший поток инвестиций поступал в слаборазвитые страны. Вместе с этим мировой экономической и финансовый кризис 2008 г. значительно повлияли на потоки прямых иностранных инвестиций во всем мире. Кризис изменил ландшафт ПИИ: инвестиции в развивающиеся страны и наименее развитые страны значительно увеличились до 43 % в 2008 г. (рис. 1).

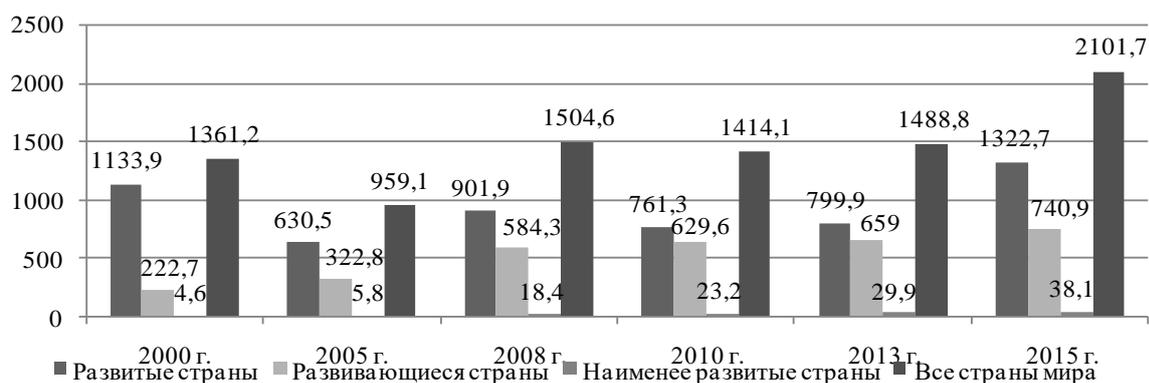

Рис. 1. Динамика ПИИ в мировой экономике по группам стран в 2000–2015 гг., млрд долл. [4]

Как показано на рисунке 1а к 2015 г. мировые потоки прямых иностранных инвестиций выросли примерно на 40 %. Однако этот рост не привел к соответствующему росту промышленного производства во всех странах. В отраслевом разрезе увеличение объема ПИИ наблюдалось в сфере услуг, что связано с дальнейшей либерализацией данного сектора, продолжением процесса превращения услуг в рыночный товар и расширением глобальных производственно-сбытовых цепочек, в которых услуги играют важную роль. Например, в 2012 г. на долю сферы услуг приходилось 63 % общего объема накопленных ПИИ в мире, что более чем в два раза выше доли обрабатывающей промышленности (26 %) и шесть раз выше доли сырьевого сектора (10 %) [1].

С 2017 г. наблюдалась отрицательная динамика мировых ПИИ, с резким сокращением их объема в 2020 г. (по сравнению с 2019 г. сокращение составило 34 %). Вместе с этим, можно констатировать появление тенденции к сокращению значительного разрыва в объемах ПИИ развитых и развивающихся стран. А в 2020 г. наблюдалось изменение тренда мировых ПИИ: наиболее привлекательными стали развивающиеся страны. Например, в 2020 г. разница составила два раза (рис. 2).

К концу 2021 г. мировые объемы прямых иностранных инвестиций восстановились до предпандемийного уровня, превысив 1,6 трлн долл. такие результаты стали возможны во многом благодаря осуществившимся трансграничным сделкам и финансированием международных проектов. Вместе с этим поступление инвестиций в новые отрасли промышленности оказалось неустойчивым, осо-

бенно в развивающихся странах. Нестабильная политическая ситуация, пандемия *COVID-19*, стихийные бедствия не способствовали мобилизации ресурсов в развивающихся странах [7].

Рис. 2. Динамика ПИИ в мировой экономике, 2016–2021 гг., млрд долл. [4]

Для более всестороннего анализа процесса иностранного инвестирования рассмотрим рейтинг крупнейших стран-реципиентов и стран-доноров в 2020–2021 гг. (рис. 3 и 4).

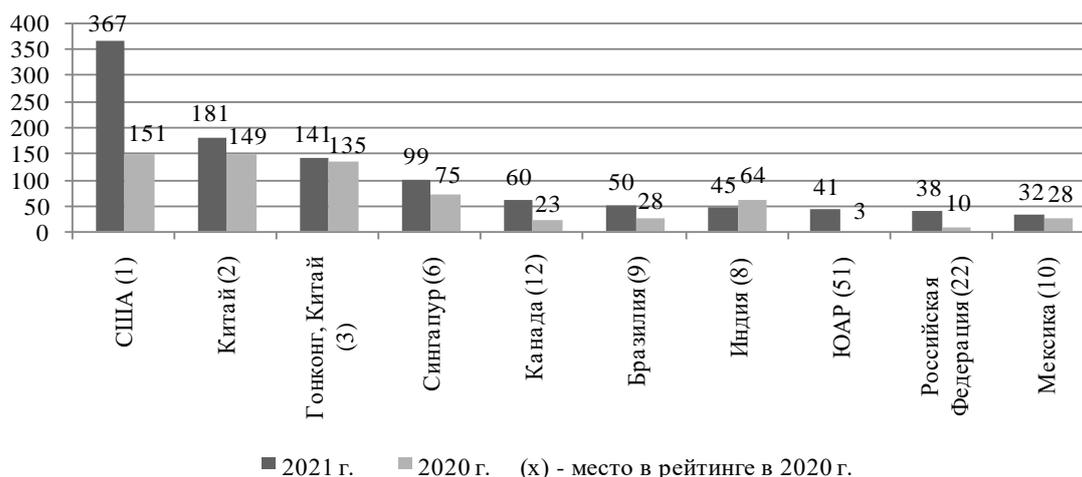

Рис. 3. Страны-реципиенты ПИИ в 2020–2021 гг., млрд долл. [7]

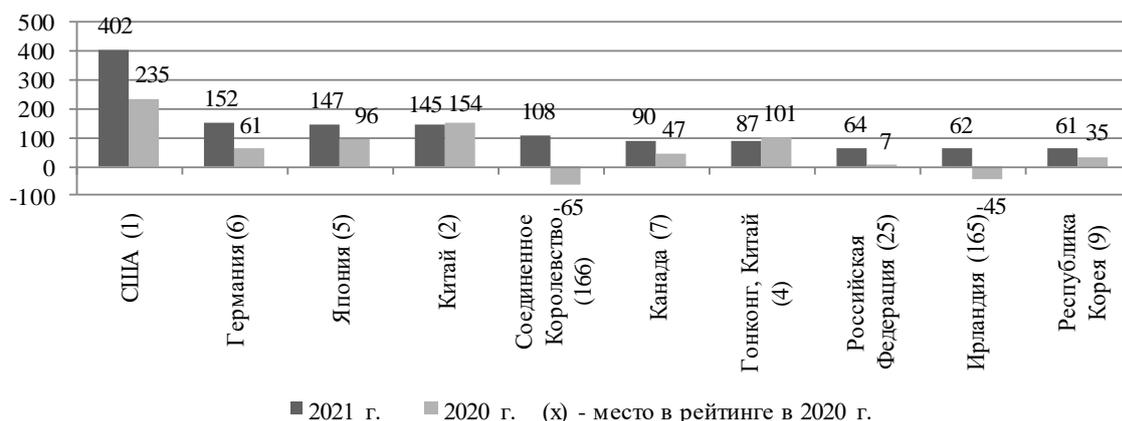

Рис. 4. Страны-доноры ПИИ в 2020–2021 гг., млрд долл. [7]

На основании рис. 3 и 4 можно сделать вывод, что среди крупнейших стран-реципиентов в 2021 г. лидировали две экономически развитые страны (США, Канада) и семь развивающихся (Китай, Гонконг (Китай), Сингапур, Бразилия, Индия, Россия, Мексика). Крупнейшими донорами ПИИ являлись шесть развитых стран (США, Германия, Япония, Соединенное Королевство, Канада, Ирландия) и четыре развивающиеся страны (Китай, Гонконг (Китай), Россия, Республика Корея).

Одним из трендов современного иностранного инвестирования является совершенствование регулирования процесса ПИИ. Особенно данный тренд актуален для стран Европы. Например, в 2021–2022 гг. Чешская Республика, Дания, Нидерланды и Словакия внедрили новые механизмы регулирования ПИИ, а в 2023 г. Швеция и Бельгия предпримут шаги по проверке ПИИ.

К современным трендам современного иностранного инвестирования также можно отнести появление на рынке новых значимых субъектов. Так, Индия в настоящее время является крупнейшим в мире получателем ПИИ, которые направляются в научно-исследовательскую и опытно-конструкторскую деятельность (НИОКР). В 2022 г. иностранные инвесторы вложили в эту сферу деятельности 11,7 млрд долл. в 188 проектов, что значительно превосходит другие страны. Для сравнения, в США в 2022 г. в 90 проектов в сфере НИОКР поступило 2,5 млрд долл. Кроме того, в Индию осуществляется значительный приток ПИИ в высокотехнологичный бизнес и сферу услуг [5].

Значимых успехов по привлечению ПИИ добилась Марокко благодаря устойчивости социально-экономических процессов. Например, привлекательными для иностранных инвесторов являются вложения в экологические технологии, например, производство экологически чистого водорода на основе солнечной энергии и ветра. Также страна является крупнейшим получателем ПИИ в обрабатывающую промышленность [5].

В 2020–2022 гг. для иностранных инвесторов наиболее привлекательными отраслями являлись электроника и электротехническое оборудование, информация и коммуникация, строительство, автомобильная промышленность, транспортировка, электричество и газ, химическая промышленность, торговля.

По оценке ЮНКТАД, отрицательный или медленный темп роста в 2023 г. в национальных экономиках некоторых стран приведет к ухудшению условий в сфере финансирования, что скажется и на процессе ПИИ [3]. Также к отрицательным факторам процесса ПИИ можно отнести неопределенность инвесторов в условиях высокой степени вероятности экономических кризисов, особенно в развивающихся странах, и растущие риски, связанные с уровнем задолженности [6].

В целом, геополитические риски, высокие процентные ставки и экономическая неопределенность являются главными препятствиями развития процесса иностранного инвестирования. Задачей любого государства, заинтересованного в привлечении иностранных инвестиций является создание благоприятной предпринимательской среды, формирование системы регулирования иностранного инвестирования в интересах всех участников данного процесса.

Список литературы

1. Доклад о мировых инвестициях за 2016 год. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2016_Overview_ru.pdf
2. Шемякина Н. В., Похилько В. И. Мировой опыт привлечения прямых иностранных инвестиций // Вестник института экономических исследований. 2018. № 4. С. 153–158.
3. Global Investment Trends Monitor. URL: <https://unctad.org/publication/global-investment-trends-monitor-no-44>
4. Investment statistics and trends. URL: www.unctad.org/fdistatistics
5. 70 MENA countries to carry the strongest investment momentum into the new year. URL: <https://www.fdiintelligence.com/content/data-trends/>

mena-countries-to-carry-the-strongest-investment-momentum-into-the-new-year-81805

6. UNCTAD forecasts «weak» global outlook for foreign investment in 2023. URL: <https://blog.investchile.gob.cl/unctad-forecasts-weak-global-outlook-for-foreign-investment-in-2023>

7. World Investment Report 2022: International tax reforms and sustainable investment. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2022_en.pdf

PREDICTION OF FUTURE TRENDS IN SINO-RUSSIAN TRADE

*Albina Shagidullova¹,
Liangxian He²*

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

Abstract. This article assesses the future trends of Sino-Russian trade, the influence of policy changes, and prospective areas of cooperation.

The basis for Sino-Russian trade is identified as the complementarity of their economies, with Russia being an abundant resource provider and China a large-scale market offering quality industrial products and technological innovation. Future trajectories suggest a surge of bilateral trade, diversification beyond oil and gas, and regional economic collaboration under China's Belt and Road Initiative and Russia's Eurasian Economic Union.

Keywords: Russia, China, economic cooperation, trade cooperation

The trade relationship between China and Russia is a typical cooperative model affected by political, economic, and territorial factors. Over the years, this synergy has grown stronger, helping the two countries build economic resilience in constantly changing global trends.

The trading relationship between China and Russia is expected to grow further in the future, driven by factors such as common political ideologies, complementary economic needs, and strategic regional interests.

The future trend of Sino-Russian trade is based on the «complementarity» of the economies of the two countries, each with its own unique characteristics. China is known worldwide for its manufacturing

proWess, while Russia has huge reserves of natural resources and great potential. The basis of trade complementarity between China and Russia is mainly reflected in the following aspects [1].

Raw materials and energy supply: Russia is an important global producer of raw materials and energy, with large untapped mineral resources and energy reserves, such as oil, natural gas, iron ore and timber. These materials are an important input for China's economic development and meet China's needs.

Demand for industrial products: In contrast, China's manufacturing industry has a relatively high degree of development, and can produce a variety of high-quality and competitively priced industrial products and consumer goods such as machinery and equipment, general products, electronic products, etc. These products meet the needs of the Russian consumer market and industrial production.

Technology exchanges: In addition, China has gained certain advantages in the development of some fields such as high technology, new energy, advanced manufacturing and other fields, which can help Russia upgrade its technology. At the same time, Russia's technological accumulation in military industry, aerospace and nuclear energy will also help China's development in related fields [3].

Services and investment: China's services sector and overseas investment in the process of globalization are also growing, which can provide additional capital and services support for Russia. Russia's improved investment environment and resource advantages provide rich investment opportunities for Chinese enterprises and investors.

In summary, these complementary points form the basis of Sino-Russian trade complementarity, and Russia's abundant resources and China's large-scale market have brought trade relations between the two countries closer. This complementarity is not limited to the exchange of goods, but also includes other forms of economic interaction such as technology, capital, and services [2].

In the 21st century, the Arctic climate warming, the continuous expansion of navigable seas and economic globalization are moving in the opposite direction, and the development and governance of the Arctic have entered a new stage of evolution, among which the commercial navigation of Arctic shipping routes has become the most significant change in the geo-economic environment of the Arctic. Actively striving for the interests of the Arctic has become an important strategic demand of Arctic countries and «near-Arctic countries» [4].

Strategic interests in the Arctic are far more important to Russia's national security than other Arctic states. While Russia's long-term efforts to integrate into the West have failed and it has embarked on a «turn to the East» strategy, the global significance and international influence of Arctic energy resources and shipping lanes have become increasingly prominent. Russia has accelerated the adjustment of its Arctic development strategy and issued a series of new Arctic policy documents, which will make Arctic development a regional issue. Rising has become an important direction of national security strategy. The implementation of the new Arctic policy faces long-term challenges due to major impacts such as geography, domestic reform momentum, geopolitical risks, and the shock of Arctic governance caused by the escalation of the crisis in Ukraine. Considering the complementary nature of Sino-Russian relations and Arctic interests, the joint construction of the «Ice Silk Road» provides a major strategic opportunity to promote Sino-Russian trade [5].

The policies of the two countries appear increasingly convergent and supportive of this unique cooperative model. Russia's 'turning East' policy, the concept of the 'Ice Silk Road,' China's Belt and Road Initiative, and the 'One Belt One Alliance' under the Eurasian Economic Union are prominent indicators of the regional dynamism expected to boost Sino-Russian relations. Furthermore, cooperative endeavors in sustainable infrastructure development, digital innovation, and traditional energy sectors underpin the breadth and depth of this partnership.

These trade and economic cooperations, built on a foundation of extensive policy design, bilateral commitments, and strategic dovetailing of interests, are instrumental in shaping the future of China and Russia's relationship. With the global shift towards green energy and sustainability, the Sino-Russian trade relationship is predictably on the path of convergence with these global trends, prioritizing decarbonization and sustainable development.

In summary, the Sino-Russian trade relationship may well serve as a benchmark for comprehensive international cooperation. The upward trajectory of their economic engagement underscores a compelling case for the potential of mutually reinforcing strategies, cementing the Sino-Russian trade relationship's role as a key driver in the emerging global economic order. The future of Sino-Russian trade shows a promising trajectory based on complementarity, diversification, regional integration and policy shifts. Its progress in various potential areas

will undoubtedly make a significant contribution to the Asian economy and global trade.

References

1. Artyom Lukin, Rens Lee. The Russian Far East and the Future of Asian Security // *Orbis*. 2015. Vol. 59, Is. 2. P. 167–180. (accessed: 11.09.2023).
2. Ministry of Commerce of China. URL: <http://date.mofcom.gov.cn/fwmy/overtheyears.shtml> (accessed:10.09.2023).
3. Zhi-An Hu, Jinghong Li, Zhuo Nie, Long Live friendship? The long-term impact of Soviet aid on Sino-Russian trade // *Journal of Development Economics*. 2023. Vol. 164. P. 103–117.
4. China Bureau of Statistics. URL: [http://www.stats.gov.cn/Russian balance of trade/index.html](http://www.stats.gov.cn/Russian%20balance%20of%20trade/index.html) (accessed: 10.08.2023).
5. Yang Jing. China-Russia Agriculture Ministry signs China-Russia Agricultural Cooperation Memorandum [EB/OL]. URL: <http://www.china-news.com/gn/2020/12-30/6339855.shtml> (accessed: 30.08.2023).

RESEARCH ON THE INTERNATIONAL COMPETITIVENESS OF CHINA'S TOURISM SERVICES TRADE

*Albina Shagidullova Dubina¹,
Xin Li²*

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

Abstract. Trade in tourism services has always occupied an important place in China's trade in services, so studying the international competitiveness of China's trade in tourism services is of great practical importance. Based on the current situation in China's tourism services trade, this document quantifies the international competitiveness of China's tourism services trade using appropriate indicators and suggests appropriate targeted countermeasures.

Keywords: China, Russia, service trade, tourism service

Although China is already the world's largest source of tourists and the world's largest tourism consumer, in terms of international tourism revenue, China's international tourism revenue is only equivalent to 1/3 of the United States, which ranks first. China has shown a situation of hot and cold exits, and has run a deficit in tourism service trade for

many years. Therefore, a systematic analysis of the status of China's tourism service trade in global tourism service trade is of practical significance for enhancing the international competitiveness of China's tourism service trade [3].

In the composition of China's tourism foreign exchange income, there is a problem of unreasonable consumption structure. First of all, 57.64 % of the tourism expenditure funds were spent on long-distance transportation, civil aviation, railways, automobiles and ships, and foreign exchange income from catering and shopping accounted for 37 % of the total income value, while other income accounted for 9.01 % [4]. This shows that most of the expenses of inbound tourists are concentrated in transportation and accommodation, but when Chinese residents travel abroad, the purpose of travel is obviously partly because of going abroad to bring goods, such as the «Australian milk powder» that was very popular in previous years, Japanese cosmetics, etc., this phenomenon appears, partly because of the improvement of the living standards of our residents, on the other hand, it also shows the problem of mismatch of domestic demand in China. However, on the contrary, among China's inbound tourists, there are few inbound shopping phenomena, which also shows the weak competitiveness of China's tourism peripheral industries. As the mainstay of tourism consumption expenditure, the consumption of tourist attractions and the consumption of tourism peripheral products play an important role in driving the development of tourism, and through the data in the figure, we can see that China has a big shortcoming in this regard, and it is still far from the standard of international tourism [2].

Guangdong Province and Shanghai City, located in the southeast region of China, are the core tourism areas of China, while the tourism service trade located in the northwest region and inland areas of China is relatively backward. China's tourism industry has different degrees of development due to different regionalization, especially in the economically developed southeast region. The utilization rate of tourism resources in the southeast region is high, although other regions are rich in resources, but the tourism resources are idle, the degree of development is low, and the participation of the government and various tourism departments is not high. This status quo also reflects that due to the different degrees of economic development in various regions of China, it has also led to the different status quo of tourism development in various places. Regions with better economic development attach more

importance to tourism development and therefore invest more human capital. The transportation in backward areas is not developed, and the interconnection between attractions has not been formed, so it is difficult to attract inbound tourists, and its tourism potential has not yet been tapped [1]. It can be seen that the overall development of China's tourism industry is uncoordinated and lacks an overall and systematic development concept. Therefore, it is necessary to jointly develop from the perspective of globalization and regional tourism cooperation, integrate the uniqueness and particularity of tourism resources of various provinces, and form the image of tourist attractions with different characteristics.

Talent in the tourism sector and industry is one of the factors for the sustainable development of inbound tourism. In order to achieve the steady development of inbound tourism, China needs a large number of professionals to assist, especially those who can communicate with foreign tourists. However, the quality of employees in China's tourism industry has always been unsatisfactory. The reason is that, on the one hand, due to China's lack of attention to the training of tourism students, and most of them are based on the book, they cannot be connected with the standards of international tourism, so they cannot directly enhance the competitiveness of China's tourism trade. On the other hand, China lacks a reward and punishment system for tourism workers, and the quality of their services is uneven, resulting in the overall quality of China's tourism industry being not high, and indirectly leading to weak export competitiveness of tourism trade. Due to the uneven quality of China's tourism industry employees, the starting point of inbound tourism is low and the development is lagging behind, so there is a lack of practitioners with strong professional ability. Therefore, the cultivation of tourism personnel and foreign language personnel is particularly important, which is of great significance to promoting the development of China's inbound tourism undertaking.

In March 2018, in accordance with the State Council's institutional reform plan, the Ministry of Culture and the National Tourism Administration carried out the consolidation of responsibilities. The establishment of the Ministry of Culture and Tourism more closely combines cultural work with tourism work, which not only conforms to the relationship between its intrinsic attributes, but also grasps the internal needs of current consumption upgrading; It can solve the pain points in tourism develop-

ment, and is of great significance for the development of high-quality tourism, global tourism, and the construction of super tourism IP. This integration also reflects the government's emphasis on the cultural tourism market in recent years, and «culture + tourism» will become an important driving force for domestic economic development [6]. This also means that cultural tourism enterprises must increase the excavation of the cultural industry, create tourism hardware projects, and inject more cultural connotations. They can try to create super tourism IP to rebuild the entire tourism industry system, thereby promoting the overall upgrading of the cultural tourism industry, leading to the development of the tourism economy into a virtuous circle, at the same time, the new format of «culture + tourism» has also brought more opportunities for regional tourism. Therefore, we should combine the concept of smart tourism to develop more novel forms of tourism, and launch different tourism packages for international tourists with different needs, which not only innovates the way of tourism, but also highlights the central idea of «people-oriented» in China's tourism industry [5].

In order to realize the rapid development of China's tourism service trade, it is necessary to strengthen tourism promotion, invest more funds in related tourism industries, and strive to establish China's unique international tourism image. China is a big country rich in tourism and cultural resources, and in order to carry out effective promotion of tourism, it can adopt advertising and social networks. The best advertising is the personal experience of people around you or travel bloggers, for international tourists do not know much about the current situation of China's tourism environment, we can cooperate with foreign TV stations, invite well-known people or travel experts at home and abroad to China for experiential tourism, make reality shows, and put them on major foreign TV stations. And can also use foreign social networks, China's tourism resources advertising, through the promotion of China's domestic tourism, not only can improve the popularity of various tourist attractions, but also can shorten the distance with international tourists, for our country to create a good tourism power image. At the same time, China can also carry out some public welfare projects abroad, such as «Confucius Institutes», to promote Chinese culture, such as Peking Opera, Mahjong, hot pot and other entertainment, which can be used as a powerful medium to attract international tourists.

References

1. Xu Xiao. Analysis of factors affecting the international competitiveness of China's tourism service trade / Capital University of Economics and Business. Beijing, 2021.
2. Song Fangxiu. China's inbound and outbound tourism: characteristics, problems and countermeasures // International Trade. 2020. № 11.
3. Wu Qiqi, Ma Guohua. Discussion on the competitiveness of China's international trade in services-taking tourism as an example // Modern Marketing (late issue). 2021. № 1.
4. Xuan Shanwen Research on the international competitiveness of China's tourism service trade // Modern Industrial Economy and Informatization. 2020. № 10 (06).
5. Khan H., Chou F. S., Wong K. C. Tourism multiplier effects on Singapore // Annals of Tourism Research. 1990. № 1.
6. Mcguire. Trade in service: market access opportunities and the benefits of liberalization for developing // United Nations Publications. 2002.

DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL ECONOMY AND TRADE UNDER THE BACKGROUND OF CROSS-BORDER E-COMMERCE

*Albina Shagidullovna Dubina*¹,
*Pei Wang*²

^{1,2}*Penza State University, Penza, Russia*

Abstract. With the rapid rise of cross-border electronic international economic and commercial industry, cross-border business activities have gradually become an important part of international economy and trade. In order to adapt to this trend and further standardize the cross-border electronic commerce market, the relevant governments have accordingly introduced many policies and measures, which have played a positive macro-control role. However, although China's cross-border e-commerce international economic and trade development has many advantages, overall, cross-border electronic commerce's development is not ideal, especially in the fields of cross-border logistics, cross-border payment, cross-border transportation and so on, there are still many problems and contradictions to be solved urgently. In this regard, the article deeply and carefully analyzes the development status of cross-border electronic commerce and international economy and

trade, and puts forward corresponding countermeasures from the aspects of policy, industry, payment, logistics and personnel training.

Keywords: cross-border e-commerce, e-commerce, development status, cross-border logistics

Cross-border electronic commerce, which can also be called cross-border e-commerce, is a brand-new trade form under the premise of the popularization of the Internet, in which information and communication technology and traditional international trade interact and combine with each other. Cross-border e-commerce has broad and narrow concepts. The first is a broad concept. Cross-border e-commerce is a form of international trade and business activities, in which the trading subjects belonging to different customs areas display traditional foreign trade commodities on the Internet, make inquiries and bid, sign contracts and pay money, and perform contracts well offline. Cross-border e-commerce mainly refers to the application of information technology such as e-commerce to international trade business, thus making international trade business procedures virtual, online and digital. It includes commodity information display, online discussion, data conversion, online fund transaction and freight tracking. The second is the narrow concept. Cross-border e-commerce is a network retail business model, and cross-border business buyers and sellers on the network also belong to different fields. In this commercial form, the buyer only needs to complete the online payment, and the seller uses various cross-border logistics to transport the goods to the buyer. Cross-border e-commerce mainly refers to the online cross-border purchase of foreign goods or services by consumers.

Up to now, China has set up cross-border e-commerce comprehensive experimental zones in large and medium-sized cities such as Beijing, Shanghai, Shenzhen, Chongqing, Hangzhou, Guangzhou, Harbin, Changchun and Ningbo, and cross-border e-commerce has been widely recognized and welcomed nationwide, and various attempts and explorations have been made. In particular, Hangzhou has established a network free trade zone for cross-border e-commerce, and Shanghai has gradually formed a free trade zone and a China e-commerce model. At present, there are more than 20,000 cross-border e-commerce platforms in China, and as many as 400,000 enterprises are developing cross-border business activities in various business platforms. At the same time, the relevant state departments have issued a large number of en-

couraging policies and regulations for the development of cross-border e-commerce, which has promoted the rapid development of cross-border e-commerce.

Sound laws and regulations are prerequisites for the sustainable development of cross-border e-commerce platforms. Because international economy and trade have always held a fundamental attitude of supporting cross-border commerce, many countries have successively issued laws and policies related to cross-border commerce. For example, the establishment of laws and regulations such as regulatory system, cross-border identity permit, urban pilot service, tax incentives and customs' efficiency in handling business issues can play a good role in promoting the development of cross-border e-commerce industry. However, there are some shortcomings in the current laws and regulations, such as multiple policies, different policies, weak implementation, relatively lagging policies and weak consistency of policies and regulations. In addition, the transformation of policy effect needs to be considered in the process of implementing the corresponding policies, which requires governments and enterprises at all levels to study and analyze the corresponding policies in depth. And all kinds of policies and regulations need the government's full guidance, monitoring and tracking in the implementation process.

In the process of cross-border e-commerce transactions, if contradictions and difficulties are not reasonably resolved, it will reduce customer satisfaction in international trade, and then affect the formation of cross-border e-commerce brands and the establishment of brand image. Cross-border e-commerce platforms should play an important role in resolving disputes in transactions by contacting buyers and sellers. The platform should follow the independent wishes of the buyers and sellers, adopt the mode of negotiation as the main method, and then submit it to the platform for handling on the premise of fruitless negotiation, which can reduce the work pressure and burden of the platform in handling disputes. However, in dealing with cross-border disputes, due to the inconsistent policies and regulations of the countries and regions where the two parties are located, and the imperfect dispute settlement system, it is easy to fall into a passive situation that cannot be relied upon. At this time, it is even more necessary for cross-border e-commerce platforms to come forward, take the initiative to assume relevant responsibilities and obligations, take care of both buyers and sellers, and properly handle disputes.

Cross-border logistics is the most important link in the international economy and trade of cross-border e-commerce. If there are problems in cross-border logistics, the commercial operation of international economy and trade will not be realized. In recent years, there are many problems in the field of cross-border logistics, which is the most frequent link in cross-border trade disputes, which has caused extremely serious adverse effects on cross-border consumers. Judging from the current development situation, the problems existing in cross-border logistics mainly include: high freight rate of single goods, overtime and lag of logistics distribution time, inability of packages to meet the standards of whole-process monitoring, failure to support return and exchange, and high rate of package damage and loss. Cross-border e-commerce companies and cross-border consumers are eager to further improve the operational efficiency of cross-border logistics and establish corresponding transparent mechanisms and accountability systems.

Due to the cross-border e-commerce background, international economy and trade use a brand-new e-commerce model, which has the characteristics of comprehensiveness, complexity and difference, so the requirements for employees are relatively high. At present, the cross-border e-commerce industry is developing rapidly, but the talent market is relatively lagging behind. In addition, cross-border e-commerce requires higher talent quality than other industries, such as good language skills and logistics operation ability, rich knowledge of network information technology and financial foreign exchange, and understanding relevant laws and policies. The entry threshold is relatively high, which increases the difficulty of cross-border e-commerce talent training, and over time, it has formed a situation and trend of relatively lacking cross-border e-commerce talents.

At present, China has established several international cross-border e-commerce industry associations in various regions. These cross-border e-commerce industry associations should give full play to the role of bridges and ties between the government and enterprises, guide enterprises to participate in government trade projects, and achieve fair competition and steady development. With the continuous development of cross-border e-commerce industry, it is difficult for the government's monitoring mechanism to follow up in time, and there will be contradictions and problems with lagging supervision. There-

fore, trade organizations in cross-border electronic commerce should give full play to the supervisory role of the industry to make up for the deficiencies in internal supervision and government monitoring.

In order to completely solve the transportation problems in international economy and trade of cross-border e-commerce, it is a good choice to set up overseas warehouses and border transshipment warehouses. Judging from the current situation of China's international economic and trade development, the gradual expansion of high-speed rail pavement, the proposal of the «the belt and road initiative» policy, the establishment and development of the AIIB and the formation of the economic belt with Russia have all provided more favorable conditions for the establishment of overseas warehouses and border warehouses. In addition, China's high-speed rail has developed rapidly and gradually spread to western countries, which greatly shortens the transportation time of international trade compared with sea transportation, while the railway transportation cost is lower than air transportation.

How to effectively solve the problems in cross-border logistics, cross-border payment and dispute settlement is a problem that the government and enterprises need to study and think together. Actively seeking solutions and trying to avoid problems such as unbalanced regional development, lagging policies and regulations and lack of talents in cross-border e-commerce international economy and trade are also issues that need to be focused on and studied in the development of international economy and trade under the background of cross-border e-commerce. As the cross-border e-commerce industry enters a stable development period, these problems will be gradually and effectively solved with the formulation of policies and the application of measures.

References

1. Zhu Nina. Wu Li's «the belt and road initiative» strategic background of China's cross-border e-commerce development. Potential and trend analysis // Reform and Strategy. 2015. № 31 (12). P. 134–137. URL: <http://date.mofcom.gov.cn/fwmy/overtheyears.shtml> (accessed: 12.09.2023).
2. Zhao Guanghua. A new way to solve the logistics difficulties in cross-border electronic commerce: the fourth party logistics // China Economic and Trade Guide. 2014. № 26. P. 16–20.
3. China Bureau of Statistics. URL: [http://www.stats.gov.cn/Russian balance of trade/index.html](http://www.stats.gov.cn/Russian%20balance%20of%20trade/index.html) (access date:10.09.2023).

4. Yang Jing. China-Russia Agriculture Ministry signs China-Russia Agricultural Cooperation Memorandum. URL: <http://www.chinanews.com/gn/2020/12-30/6339855.shtml> (accessed: 30.08.2023).

5. Wang Wei. The impact of e-commerce on international tax rules and countermeasures // Reform and Strategy. 2009. № 25 (8). P. 69–71, 88.

ANALYZING THE PROBLEMS IN THE DEVELOPMENT OF JOINT VENTURES BASED ON GLOBAL EXPERIENCE AND CHINESE PRACTICE

*Albina Shagidullova Dubina*¹,
*Nana Yan*²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

Abstract. This article is based on global experience and Chinese practice, and provides an in-depth analysis of the problems that exist in the development of joint ventures. This article will analyze the problems in the development of joint ventures from the perspectives of global experience and Chinese practice, identify the problems, and explore solutions. This study aims to provide reference for the sustainable development of joint ventures.

Keywords: joint ventures, China, economic cooperation, operating costs, trade cooperation

Joint venture is a common form of business organization that combines the resources, technology, and market advantages of different countries to achieve mutual benefit and win-win goals. In the context of globalization, joint ventures have become an important means of international cooperation and competition. However, joint ventures also face many problems in their development process, such as cultural conflicts, management difficulties, and market expansion. The purpose of different countries and regions have different cultural backgrounds and values, which may lead to cultural conflicts within joint ventures. Cultural conflicts may affect employee communication and cooperation, and even lead to errors in corporate decision-making. Therefore, joint ventures need to strengthen cultural communication and understanding, and promote the integration of different cultures [1].

The management team of a joint venture is usually composed of professionals from different countries, which may bring difficulties in management coordination and communication. In addition, due to the different laws, regulations, and regulatory requirements in different countries and regions, it may also lead to the complexity of enterprise decision-making and management. To address these issues, joint ventures need to establish sound management coordination and communication mechanisms to ensure smooth information flow and effective execution of corporate decisions [2].

Joint ventures often involve issues of technology transfer and intellectual property protection. In the process of technology transfer, there is often a risk of technology leakage and intellectual property disputes. Therefore, joint ventures need to establish a sound mechanism for technology transfer and intellectual property protection to ensure the safety and legitimate use of technology.

According to the «China Foreign Investment Report (2022 Edition)» (hereinafter referred to as the «Report 2022») issued by the Ministry of Commerce, «In recent years, due to factors such as the upgrading of China's industrial structure and the accelerated development of manufacturing services, more foreign investment in China has flowed into the service industry». Among them, the leasing and business services industry, the real estate industry, scientific research and technology services industry, information transmission, software and information technology services industry. The wholesale and retail industries are the five industries with the largest actual use of foreign capital in the service industry. According to foreign investment statistics from the Ministry of Commerce from January to October 2022, the actual amount of foreign investment used in the service industry was 798.84 billion yuan, an increase of 4.8 %. The actual use of foreign investment in high-tech industries increased by 31.7 %, with high-tech manufacturing industry increasing by 57.2 % and high-tech service industry increasing by 25 % [3].

According to Table 1, foreign direct investment in 2021 will mainly focus on manufacturing, leasing and business services, real estate, scientific research and technology services, information transmission, software and information technology services, wholesale and retail, and finance; The proportion of newly established enterprises in the above seven industries is 86 %, and the actual amount of foreign investment used accounts for 89.5 %.

Although the Chinese government has formulated a series of laws, regulations, and policies that are conducive to joint ventures since the reform and opening up, there are still some regulations and policies that are not conducive to joint ventures. For example, restrictions on foreign investment access and cumbersome approval processes. These issues may lead to a decrease in the enthusiasm for foreign investment and a decrease in the operational efficiency of enterprises.

Despite the enormous market potential in China, the technological innovation capabilities of Chinese joint ventures are generally insufficient. Many joint ventures lack independent core technology and innovation capabilities, making it difficult to form a competitive advantage in the international market. Therefore, improving technological innovation capabilities is an important issue faced by Chinese joint ventures.

With the continuous development of China's economy and technology, the demand for high-quality talents in Chinese joint ventures is also increasing. However, there is currently a widespread problem of talent shortage and turnover in Chinese joint ventures. Therefore, how to strengthen talent cultivation and introduction is an important issue that current Chinese joint ventures need to pay attention to.

Based on global experience and Chinese practice, the problems in the development of joint ventures mainly include the following aspects:

Management mode: The management mode of joint ventures is often not perfect enough, lacking a unified management system and process. This may lead to opacity and unfairness in corporate decision-making, as well as low management efficiency.

Equity structure: Unreasonable equity structure is a common problem in joint ventures. Due to the different interests and business philosophies of different shareholders, it is often difficult for enterprises to reach consensus on decision-making, which affects the development speed and market competitiveness of the enterprise.

Management team: The quality and ability of the management team are crucial for the development of the enterprise. However, the management team of joint ventures often faces issues such as insufficient capabilities and lack of experience, which may affect the operational effectiveness and long-term development of the enterprise.

References

1. Xi Xiu Hua. Progress of Economic Cooperation between Russia and Northeast Asia – Analysis from the perspective of Energy Cooperation

and Sino-Russian regional Cooperation. Dalian : Northeast Business and Economics Classba Press, 2023.

2. Chen Shouwen. Accounting for Foreign Trade Enterprises. First ed. Tianjin University Press, 2022.

3. Liu Meilin. Introduction to Market Economy Law. Second ed. Science and Technology Literature Press, 2019.

CHINA-RUSSIA BORDER TRADE COOPERATION UNDER THE BELT AND ROAD INITIATIVE

*Jialong Li¹,
Valentina Alekseevna Skvortsova²*

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

Abstract. China and Russia have cooperated in economic, political, cultural, military and other fields, laying a solid foundation for cooperation in the border areas between China and Russia. China and Russia are promoting regional cooperation to satisfy the two peoples' yearning for a better life. Today, the world is facing major changes unprecedented in a century, and cooperation in China-Russia border areas is of practical significance for maintaining regional peace and realizing the strategy of enriching the people and securing the border.

Keywords: border trade, economic cooperation, trade cooperation, belt and road initiative, infrastructure

1. Motivation for Sino-Russian Border Cooperation

(1) Sino-Russian Border Cooperation and Development in Border Areas

Border cooperation between China and Russia mainly involves trade, investment, transportation, education, culture, infrastructure construction, ecology and other important fields 1.a.i.1.

Sino-Russian border economic and trade cooperation is an important part of Sino-Russian border cooperation. In recent years, China and Russia have continuously discussed border issues, and the friendship and cooperation between the two border countries have been revitalized. In order to strengthen mutual understanding between China and Russia, the leaders of the two countries agreed to establish a China-Russia Friendship Committee in 1997 2. It can be seen that the cross-

border relations between China and Russia have a historical foundation and are related to the historical situation.

At the same time, the border areas of China and Russia have common development interests and needs. China and Russia are each other's largest neighbors, China's Heilongjiang province is adjacent to Russia's Amur region, and China vigorously advocates the revitalization of the old industrial base in the northeast and the development of the economy of the northeast region; Russia has introduced a series of new policies for the development of the Far East to solve problems such as economic backwardness and population loss. The Chinese and Russian governments have launched medium- and long-term development plans for Northeast Asia, promoting cross-border cooperation between China and Russia and serving local development is of great significance to the stability of border areas and national economic development, and is also in line with the development needs of both countries. In addition, strong cooperation in the border areas between China and Russia is also very important for the political security and economic stability of Northeast Asia.

(2) The Friendly China-Russia Relations in Border Cooperation

The development of cross-border cooperation directly limits the relationship between countries. The new China-Russia relationship has become a model for new major-country relations in international diplomacy. China-Russia friendly cooperative relations have a long history. At the end of the 20th century, China-Russia relations continued to advance steadily, and the two sides longed for long-term and stable bilateral relations. In 2001, the Chinese and Russian heads of state formally signed the Sino-Russian Treaty of Good-Neighborliness, Friendship and Cooperation in Moscow.

In 2013, China proposed the launch of the Belt and Road, which Russia welcomed and fully supported. Under the Belt and Road Initiative, the Chinese and Russian governments have reached a high degree of consensus on cooperation in border areas and issued a series of strategic development plans.

According to the «Belt and Road» initiative, China and Russia have further strengthened cooperation in various fields such as commerce and infrastructure construction in border areas. On May 8, 2015, the Chinese and Russian governments signed a cooperation agreement on the development cooperation of China, Russia and the Eurasian

Economic Union 3. On June 23, 2016, the leaders of China, Mongolia and Russia signed the conditions for the construction of the China-Mongolia-Russia Economic Corridor. In 2019, Sino-Russian relations moved towards cooperation. China's border cooperation further deepened. Russia's good-neighborly and friendly cooperative relations were further strengthened to promote the development of cross-border trade and relations between the two countries. In recent years, China-Russia relations have steadily improved and reached the best level in history.

2. Prospects for Sino-Russian Border Cooperation

(1) China-Russia Border Trade Cooperation

In recent years, China-Russia «Belt and Road» cross-border trade cooperation has continued to develop at a good pace and has become a successful example of equality, mutual benefit, and mutually beneficial cooperation in eastern Africa. A corner of the vast Eurasian continent. In the context of the wave of «Eurasian integration», China-Russia border trade cooperation has great potential 4.

The infrastructure construction of the «Belt and Road» has made more and more contributions to China's economic development, especially in border areas. Infrastructure connectivity is a priority area for the Belt and Road Initiative, and the China-Russia border regions take this as an opportunity to strengthen cross-border and intraregional infrastructure construction in the border areas. On June 10, 2022, the 1.2-kilometer-long «Heilongjiang Bridge» between the two cities of Heihe, China and Blagoveshchensk, Russia was officially opened, injecting new vitality into China-Russia border trade cooperation⁵. The China-Russia Heilongjiang Bridge is an important infrastructure construction cooperation project between the two countries under the «Belt and Road» initiative. Under the changing international situation, the completion of the China-Russia Heilongjiang Bridge is of great significance to the development of trade in the Sino-Russian border areas. After the completion of the Heilongjiang Bridge, the annual cargo volume is expected to exceed 6 million tons, which is about 10 times that of the current one, and will also add important cross-border infrastructure to the construction of the «Belt and Road» and «China-Mongolia-Russia Economic Corridor». In addition, after the completion and opening of the Heilongjiang Bridge, a new international highway channel will be formed to realize the interconnection between local cities in China and Russia. China and Russia will establish a bridgehead cross-border economic cooperation zone, accelerate the formation of a new pattern of all-round opening up of China-Russia coopera-

tion, and provide a series of preferential policies for enterprises and investments settled by both sides to promote the cooperation and development of regional economy.

In the post-pandemic era, the digital economy has become a new driver of global economic and trade growth. China and Russia rely on digital technology to achieve cross-regional long-distance economic cooperation. The two countries have close trade exchanges. Even under the influence of the epidemic, the trade volume in the Sino-Russian border areas is still increasing. Data show that in the first five months of 2022, Heilongjiang Province's total import and export volume to Russia reached 69.44 billion yuan, a year-on-year increase of 44.3 %. Among them, exports to Russia were 4.81 billion yuan, an increase of 37.9 %; imports from Russia were 64.63 billion yuan, an increase of 44.8 %. The Sino-Russian border area shows great potential for joint and comprehensive cooperation between Chinese and Russian enterprises in the field of cross-border e-commerce. In the next few years, the Sino-Russian border areas should follow the overall trend of world economic innovation and growth and fully rely on the support of the Silk Road Fund, the Asian Infrastructure Investment Bank, and the BRICS Development Bank to develop digital infrastructure. The Internet of Things system reduces equipment costs, develops digital service businesses, and promotes business collaboration to a greater extent.

(2) People-to-people Exchanges on the Border between China and Russia

«Connecting the hearts of the people» is the foundation and support for the «five links», so we must first do a good job in the work of «connecting the hearts and minds of the people». «People-to-people connectivity» will boost Sino-Russian cooperation, promote economic cooperation through cultural expression, and connect Sino-Russian border countries, and the «Belt and Road» initiative will strengthen the strategies implemented by the author. The first is primary trade commodities. As a national-level cultural exchange project, the «Sino-Russian Cultural Collection» is a model of all-round cooperation. The Sino-Russian Cultural Fair has continuously promoted cultural trade through «culture + tourism», «culture + science and technology» and «culture + education» 6. The Chinese and Russian governments should fully tap the potential of people-to-people exchanges in border areas, regard people-to-people exchanges and cooperation as an important part

of «people-to-people bonds», and promote all-round cooperation in China-Russia border areas.

References

1. Ibrayeva A. [et al.]. Cross-border geopolitics: Ambivalent aspect of the border issue in relationship between Kazakhstan and Russia // Comparative Strategy. 2023. № 42.4. P. 587–601.
2. Guan G. Thirty years of China–Russia strategic relations: achievements, characteristics and prospects // China International Strategy Review. 2022. № 4.1. P. 21–38.
3. Mateykovich M., Skorobogatko A. Bilateral relations between the Russian Federation and the People’s Republic of China: Their legal evolution from the Second World War to the Special Military Operation // BRICS Law Journal. 2023. № 10.3. P. 49–64.
4. Tian R. G., Liu Y., and Tao Y. From strategic planning to strategy implementation: the cultural environment construction and development for China’s cross-border e-commerce along the Belt and Road // Electronic Commerce Research. 2023. № 1-21.
5. Mikhailova E., Chung-Tong W. Urban shrinkage in the double periphery: Insights from the Sino-Russian borderland // Postsocialist Shrinking Cities. Routledge, 2022. P. 115–134.
6. Lin Zh. Disparate influences of the Sino-russian Political Border on Sociocultural and economic borders // Russia in Global Affairs. 2023. № 21.2 (82). P. 106–130.

PROBLEMS AND COUNTERMEASURES OF SINO-RUSSIAN TRADE DEVELOPMENT UNDER THE BACKGROUND OF «THE BELT AND ROAD INITIATIVE»

*Xiaolong Li¹,
Valentina Alekseevna Skvortsova²*

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

Abstract. The goal of «the belt and road initiative» is to deepen regional economic integration, eliminate trade and investment barriers, establish unified transportation infrastructure, strengthen the importance of national currency, and improve the level of cooperation. But the implementation of this project is accompanied by a number of problems in the trade and production spheres. The charac-

teristics of modern Russian-China foreign trade relations are still asymmetrical and narrow.

Keywords: trade development, regional economic development, belt and road initiative, economic policy, cooperation

Introduction

In 2013, Chinese President Xi Jinping put forward the strategic initiative of «the belt and road initiative», which provided a sustainable policy driving force for China's domestic economic growth, and played a positive role in promoting the adjustment, transformation and upgrading of trade structure, trade and economic development, which was of great significance for China to further expand its trade scale. The world today is experiencing a great change that has never happened in a century. The international political and economic situation is complicated and changeable. After the COVID-19 epidemic in some countries and regions, trade protectionism rises intermittently, and the process of international trade reform is blocked; When the United States started printing money to issue more money, global inflation was inevitable, and the financial crisis was imminent.

1. «The Belt and Road Initiative» and its Strategic Significance

The concept of the Silk Road Economic Belt will become one of the most important strategies for Beijing to optimize the spatial structure of economic development in the whole Eurasian region [1].

The «the belt and road initiative» strategic initiative will be regarded as a new type of strategic partnership and cooperation scheme among China, Russian Federation and Central Asia, which will benefit all parties. The «the belt and road initiative» project includes six international economic corridors:

- 1) Economic corridor «China-Mongolia-Russia»;
- 2) New Eurasian Continental Bridge;
- 3) Economic corridor «China-Central Asia-West Asia»;
- 4) Economic corridor «China-Indian zhina Peninsula»;
- 5) Economic corridor «China-Pakistan»;
- 6) Economic Corridor «Bangladesh-China-India-Myanmar».

Russia is located in the China-Mongolia-Russia Economic Corridor and has a long history of political and economic friendly interaction

with China. Sino-Russian economic and trade cooperation is not only inevitable but also necessary.

China and some other countries along the «the belt and road initiative» hope to have more opportunities to work together to create the «the belt and road initiative» [2]. Through equal dialogue and consultation between the two sides, taking into account the common interests of many parties along the route, we can achieve effective coordination of regional economic development policies, and carried out larger multi-scale, higher multi-level and deeper strategic cooperation. The construction of «the belt and road initiative» is really in line with all the foundations and fundamental interests of today's international economy and society, is a positive exploration of new international economic cooperation and a new development model for new global economic governance, and will add vitality to promoting global peace, prosperity and sustainable development in today's world.

In the future, the joint construction of «the belt and road initiative» will move forward and develop in the strategic direction of economic globalization and high-quality development. In this field, we will be conducive to stimulating the promotion and development of economy and globalization in various fields such as openness and tolerance [3]. Common interests, balance and mutual benefit of «the belt and road initiative» strategy has shown its strong resilience and vitality.

2. Problems and risks of Sino-Russian trade development under the background of «the belt and road initiative»

The unreasonable trade structure between China and Russia has always been one of the important factors restricting the continuous expansion of Sino-Russian trade. Both sides must seriously realize that the import and export volume of industrial products in China is small and the commodity structure is uneven. According to the standards of international trade, the commodities traded can be roughly divided into ten categories (see Table 1): SITC0-SITC9. In order to facilitate the research, ten categories of commodities are further classified: primary commodities include SITC0-SITC4, and industrial commodities include SITC5-SITC8. In addition, the internal SITC5-SITC7 of industrial products are classified as state-owned enterprise capital and technology-intensive products respectively. SITC6-SITC 8 is a kind of labor-intensive production.

In 2016, energy, textiles and mechanical and electrical products accounted for a relatively large share of the total economic and trade volume between China and Russia. The share of the two major products was as high as 78 %, while the share of other major industrial products was very small. If the trade structure is not optimized and adjusted, the energy cooperation, especially the oil and gas trade, will be seriously affected by the changes in the global economy and market environment for a long time. Therefore, the rising prices of oil and natural gas and the energy demand between various regions of the world and European countries will directly affect the trade cooperation between China and Russia. Therefore, it can be seen that the unreasonable product structure in Sino-Russian trade cooperation has had a serious impact on Sino-Russian trade.

Table 1

Composition of China's Export Commodities to Russia from 2010 to 2018

YEARS	2010	2012	2015	2018
SITC 0	6.3 %	4.51 %	3.92 %	5.42 %
SITC 1	0.10 %	0.07 %	0.03 %	0.50 %
SITC 2	0.47 %	0.64 %	0.38 %	0.48 %
SITC 3	0.51 %	0.90 %	0.34 %	0.52 %
SITC 4	0.01 %	0.02 %	0.01 %	0.10 %
SITC 5	5.82 %	5.33 %	5.29 %	6.50 %
SITC 6	18.58 %	19.28 %	18.42 %	20.01 %
SITC 7	31.07 %	38.12 %	33.85 %	36.04 %
SITC 8	33.36 %	31.09 %	37.76 %	38.54 %
SITC 9	0.05 %	0.04 %	0.00 %	0.00 %

(SITC – Standard International Trade Classification)

Source of data: China Ministry of Commerce and China Customs Information Database (<http://www.mofcom.gov.cn>)

From the above chart, we can clearly see that in Sino-Russian trade, the types of goods exported from Russia are often other raw materials (natural resources) goods, while China has not actively introduced advanced technology from Russia and China, so as to fundamentally adjust the trade structure. Because the prices of raw materials brought by its crude oil and mineral products mainly depend on the changes in the international market, the changes in the international market prices have directly led to sharp fluctuations in the prices of major trade commodities between China and Russia, which has seriously threatened the trade scale between China and Russia. The reduction of commodity prices in the international market has brought many negative effects to the trade between China and Russia. With the continuous decline of international oil prices in 2014, the impact of Russian crude oil exports on the Russian economy is becoming more and more serious. Although China bought crude oil from Russia at a relatively stable price, they can only weaken this negative effect to a certain extent, and cannot change the downward trend of trade between China and Russia.

The total contractual import and export volume of four Russian export products accounts for more than 80% of the total annual import and export contractual trade products in China. It is worth mentioning that it has been proved by facts that in recent years, electronic products closely related to China's Russian government's export to China have gradually occupied an important market position. From the overall structure of exports, the overall structure of Russian exports to the United States and Chinese mainland is relatively simple, and its leading export products are mainly concentrated in natural mineral resources, clean energy and other major raw materials.

Conclusion

First of all, the most important thing is to actively use China's innovation potential to organize joint business and continuous trade.

Secondly, Russia should first pay attention to those markets that are still ahead of China in terms of competitiveness, and make the best use of them when making decisions on the direction of strengthening Russian-Chinese cooperation. It is necessary to take advantage of the «great opportunity of peace» and interact with China and Russia in order to realize the modernization of the national economy through mutually beneficial measures and economic and technological transfor-

mation. Develop Sino-Russian economic and trade relations in more sectors. It is necessary to take advantage of the «great opportunity of peace» and interact with China and Russia in order to realize the modernization of the national economy through mutually beneficial measures and economic and technological transformation.

According to the current trend of world economic development, the share of cooperative activities has increased in the process of international division of labor, and the role of foreign investment in national economic development has increased (mainly the role of international cooperation). We believe that Russia should be allowed to enter the established organizations more deeply, and in the future, we will try to establish new regional economic cooperation organizations on the same basis: Russia is science and infrastructure, and China is investment, labor and technology.

The characteristics of modern Russian-China foreign trade relations are that the scope and naming of goods and services provided for mutual exchange are obviously asymmetrical and narrow. At the same time, China and Russia are in the same stage of economic development and belong to the same group of developing countries. The products provided by Russia and China are not comparable in added value, so they have completely different influences on national economic development.

References

1. Roswitha M. King. Regional business development policy in Central and Eastern Europea mechanism design perspective // *Review of Economic Design*. 2009. № 8. P. 221–242.
2. Lazonick W. The theory of the market economy and the social foundations of innovative enterprise // *Economic and Industrial Democracy*. 2003. № 24 (1). P. 9–44.
3. Lazonick W. The US stock market and the governance of innovative enterprise // *Industiral and Corporate Change*. 2007. № 16 (6). P. 983–1035.
4. Liu H. Y. Empirical Study on financing order of the listed firms on small and medium enterprise board in China: 4th International Conference on Wireless Communications Networking and Mobile Computing. Crete, 2008. P. 10254–10257.

AGRI-FOOD TRADE BETWEEN CHINA AND RUSSIA

*Ruiqi Ma¹,
Svetlana Alekseevna Vlazneva²*

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

Abstract. China and Russia have made full use of their geographical advantages and the complementarity of agricultural production and resource allocation at both ends of the market supply and demand, and actively cooperated in many fields, such as agricultural trade, agricultural science and technology, agricultural production and investment, and achieved rapid development. In particular, the agricultural trade and investment cooperation between the two countries has developed rapidly, laying a good foundation for future cooperation. Although trade between Russia and China demonstrates record volumes, it is impossible to ignore barriers that hinder the effective development of bilateral cooperation in the long term including non-tariff regulation measures, investment risks, logistical difficulties and environmental risks. The article reveals some measures to solve the above mentioned problems.

Keywords: China, Russia, export, import, agricultural trade

China is the country with the highest population in the world, and food security is a key element of its national security.

Russia has rich resources land and soil resources per capita. Thanks to the import substitution policy implemented since 2014, Russia has achieved self-sufficiency in food, and the agricultural sector is developing rapidly. The indicators of productivity of the Russian Federation's production and export of food products are among the highest in the world. Russia needs to develop its international markets in order to create conditions for further development of exports of agricultural products. There remains a significant potential for cooperation between Moscow and Beijing in the use and development of agricultural resources. In Russia, there is a low population density, a large area of agricultural land; in the field of agricultural production and transportation costs, the state has advantages that contribute to sustainable development. At the same time, the Russian Federation faces such problems as a shortage of personnel in the agricultural sector, a lack of investment and technological innovation, as well as a monotonous structure of agricultural products. Strengthening Sino-Russian cooperation will make it possible to combine Russia's natural resources with

agricultural production technologies, financial resources and management experience of China, which will contribute to the development of agriculture and modernization of production. This approach also corresponds to China's general policy of external openness in the agricultural sector, makes it possible to effectively meet the demand in the domestic market and promote structural reform of the domestic supply of agricultural products.

Russian food exports increased by 18 %, reaching 29,1 billion dollars, while imports reached 29,4 billion dollars, with a difference of only 400 million dollars [1].

The trend of dedollarization has strengthened. According to Customs of PRC data, in the first half of 2023, the proportion of US dollars in Russian export settlement fell to 60,2 %. The proportion of US dollars in Russian import settlement has also dropped from 35,4 % to 35,1 % [1].

Russia's exports of raw materials declined, while exports of non-raw materials and non-energy products increased. According to the data of Customs of PRC, the export value of such products reached US 161.3 billion dollars in 2023, setting a new record for three consecutive years [1].

Russia's export direction has obviously shifted to Asia. China is Russia's main trading partner, and it has liberalized new product access to Russia year by year. Last year, Russia exported frozen beef, soybean meal and bean cake to China for the first time. The main reason for the increase of China's imports of Russian products is the high cost performance of Russian agricultural products. However, Russian laws prohibit the production of genetically modified foods, so Russian consumers regard Russian agricultural products as environmentally friendly and safe products [2].

Geographically, China and Russia are neighboring countries with a long border of 4,374 kilometers. China has a large border port city near the border between the two countries, which is connected with Russian territory. On the other hand, the railway transportation between China and Russia is very convenient, which provides freight support for the export of Chinese agricultural products to Russian agricultural products market.

The structure of China's export agricultural products, which is brought about by the advantage of labor force, is almost perfectly matched with Russia's demand for imported agricultural products that

need to fill the market gap in bilateral trade, including inter-industry trade and intra-industry trade. The two markets are highly complementary and have large trade space.

Although trade between Russia and China demonstrates record volumes, it is impossible to ignore the «bottlenecks» and barriers that hinder the effective development of bilateral cooperation in the long term. Non-tariff regulation measures have the greatest negative impact on mutual trade in agricultural products. Investment risks associated with the peculiarities of agricultural production. These include significant initial financial investments, low return on invested capital, seasonality of agricultural production, which leads to significant problems with cash flows and a gap between investment needs and expected returns. There are concerns about the negative consequences of intensive farming by Chinese partners on the territory of the Russian Federation, which increases the risk of loss of soil fertility of land resources. The reorientation of supply chains has exposed logistical difficulties [2].

For China, there are few kinds of export agricultural products, and there are problems in the export structure. Low added value of export agricultural products. For Russia, trade barriers are serious. Russia's trade barriers can be divided into two aspects. On the one hand, they are deliberately set by Russia to support its own economic development, and on the other hand, they are Russia's own inspection and quarantine, with high import standards and differences with domestic quality inspection standards. Russia's entry into WTO has brought challenges to China's agricultural products export [2].

Otherwise, other agricultural powers seize Russian agricultural products market. Settlement in currencies other than RMB will be affected by exchange rate fluctuations, which will bring exchange rate risks [3].

There are some measures to solve the mentioned above problems. Government should accelerate the construction of infrastructure and increase the investment in logistics; provide financial support and promote local currency settlement; increase support for the agricultural industry and inject sufficient capital into the development of agricultural enterprises; accelerate the construction of common quality standards.

While maintaining and stabilizing the export of superior products, enterprises should actively collect the information of Russian domestic farm market, and strive to find products with gaps in its market. Relying on this information, they can enrich the types of agricultural prod-

ucts that meet the demand and improve the diversity of China's agricultural products export. On the one hand, they can optimize and upgrade the export structure of China's agricultural products, on the other hand, they can reduce the export risks brought by enterprises relying on only a few agricultural products.

Also it is necessary to improve the quality of agricultural products and build brand strength. Enterprises should strengthen quality management, improve the export quality standards of agricultural products as soon as possible. It is necessary to increase investment in agricultural science and technology and increase the added value of agricultural products.

China's agricultural enterprises can use Russian technology and resources to plant and process agricultural products within the territory of Russia by establishing cooperative farms with Russian related enterprises, directly establishing production bases in Russia or purchasing Russian agricultural enterprises, and finally directly transporting the products to its market [3].

As a traditional agricultural country, China has been exporting agricultural products to the outside world on the premise that its agricultural products market is basically self-sufficient. In the development direction of agricultural products economy in China, the export of agricultural products has become a major focus of China's economic development. As an important strategic partner of China in recent years, strengthening cooperation with Russia and further developing China's economy is the top priority.

In recent years, China and Russia have made full use of their geographical advantages and the complementarity of agricultural production and resource allocation at both ends of the market supply and demand, and actively cooperated in many fields, such as agricultural trade, agricultural science and technology, agricultural production and investment, and achieved rapid development. In particular, the agricultural trade and investment cooperation between the two countries has developed rapidly, laying a good foundation for future cooperation.

References

1. Customs Statistics / General Administration of Customs of the PRC. URL: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn>

2. Yulin L. Export competitiveness of agricultural products and agricultural sustainability in China // *Regional Sustainability*. 2021. Vol. 21, № 3. P. 203–210.

3. Lunzheng Zh., Guangji T. Research on the competitiveness and influencing factors of agricultural products trade between China and the countries along the «Belt and Road» // *Alexandria Engineering Journal*. 2022. Vol. 61, № 11. P. 8919–8931.

DEVELOPMENT STATUS, BOTTLENECKS AND COUNTERMEASURES OF SHARING ECONOMY IN CHINA

*Xin Mao*¹,
*Valentina Alekseevna Skvortsova*²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

Abstract. The rapid economic development has led to the emergence of various economic models. The sharing economy is formed on the basis of science and technology and Internet plus. As a new economic development model, it can make good use of idle resources and provide people with convenient and fast services. The sharing economy has now injected new vitality into China's economic development, and its development prospects are broad. However, the development of new things is not smooth sailing. It also faces a series of problems. Therefore, it is necessary to analyze the development status and problems of the sharing economy and then propose effective countermeasures.

Keywords: sharing economy, bottlenecks, countermeasures, transaction costs, collaborative consumption

I. Introduction

In recent years, the international environment for China's economic and social development has become more complex and severe, and the spread of the epidemic at home has brought greater tests and challenges. China has effectively coordinated epidemic prevention and economic development, and ensured effective economic and social stability. China's GDP grew by 3 % year-on-year, and the overall economic scale has reached a new level. In 2022, the scale of China's sharing economy market continued to expand, playing a positive role in enhancing the resilience of economic development and stabilizing jobs and employment, the highlights of the main areas of the sharing economy

were highlighted, the construction of the platform governance system and the implementation of law enforcement achieved new results, and the standard development level was further improved.

II. Theory and literature Review

A. Theory of Transaction Cost

The Transaction Cost Theory was proposed by R. Coase who intuitively explained the phenomena of sharing economic 1.1. Transaction cost is the cost that people voluntarily communicate and cooperate with each other to achieve exchange payment in a certain social relationship, that is, the cost of person-person relationship. It is a corresponding concept to the general production cost (human-nature relationship cost). In essence, there will be transaction costs when there are human exchange activities, which is an inseparable part of human social life.

The reason of transaction cost comes from the market failure caused by the interaction of human factors and transaction environment factors, resulting in transaction difficulties. O. Williamson identifies six sources of transaction costs:

1. Limited rationality: refers to the restrictions and constraints generated by the people involved in the transaction when they pursue the maximization of benefits due to physical and mental, intelligent, emotional and other limitations.

2. Opportunism: refers to the fraudulent practices taken by the parties involved in the transaction to seek self-interest, while increasing mutual distrust and suspicion, resulting in an increase in the cost of supervision of the transaction process and a decrease in economic efficiency.

3. Uncertainty and Complexity: As environmental factors are full of unpredictability and various changes, both parties to the transaction will incorporate future uncertainty and complexity into the contract, which increases a lot of bargaining costs in the process of signing the contract and makes the transaction more difficult.

4. Specific investment: Some trading processes are too Proprietary, or because of Idiosyncratic information and resources cannot circulate, which reduces the trading objects and causes the market to be controlled by a few people, making the market malfunction.

5. Information asymmetry: Because of the uncertainty of the environment and opportunism generated by self-interested behaviors, the two sides of the transaction often hold different degrees of information,

which makes the First Mover of the market benefit from more favorable information and form a few transactions.

6. Atmosphere: If the two parties do not trust each other and are in opposing positions, it is impossible to create a satisfactory transaction relationship, which will make the transaction process attach too much importance to the form and increase unnecessary transaction difficulties and costs.

B. Theory of Collaborative Consumption

Collaborative consumption means that consumers use online and offline communities (groups, salons), training and other tools to «connect» and realize an economic model of cooperation or mutually beneficial consumption, including cooperation in owning, renting, using or exchanging goods and services, centralized procurement, etc.

The term «collaborative consumption» was first used by British marketing consultant R. Algar in an article published in April 2007, titled «Collaborative consumption». He wrote: «Collaborative consumption will become a phenomenon sweeping the world, with consumers bartering and exchanging services on websites... They also concentrate their money on websites and jointly own expensive assets such as luxury cars, homes and planes, which is also called partial ownership».

Another name for this economic model of coordinated consumption is «ZipCar capitalism», a term coined by the journalist B. Nussbaum in 2008. ZipCar is a car club founded in 2000 where its members share ownership and use of cars.

There is no need for ownership transfer. In this process, the relationship between people and things and the relations between people are redefined 1.2. The existence of sharing economy makes occupying ownership cease to be the ultimate expression of consumers' desire and indicates that we may have entered a «post-ownership economy» 1.4, which Rifkin names «zero marginal cost society».

III. Why is China's Sharing Economy Growing So Fast

A. Advances in Technology Carriers

The progress of technology carrier is inseparable from the development of sharing economy. According to the statistics of the International Telecommunication Union, according to the total population of 7.4 billion people in the world in 2016, the mobile phone ownership rate is as high as 99.7 %, and almost everyone owns some mobile phones.

The widespread popularity of mobile phones provides a material carrier for the development of the sharing economy, making global connectivity possible. Secondly, cloud computing services reduce the cost of technology development, make data access more flexible, and save transaction costs for the sharing economy through accurate computing technology, thus weakening the competition of products, so that products can benefit many people at the same time.

B. LBS Technology Improves Information Symmetry

In addition, LBS (location-based service) technology locates the user's geographical location in real time, builds the pattern of all things, and improves the symmetry of information. In addition, the Internet of Things technology solves the incompatibility of information matching, and can quickly transfer the detailed information of idle items to the supplier and the demand side, which greatly improves the channel of obtaining information of items under the traditional economic background.

C. Progress of the Internet

Network platforms are the core support of the sharing economy. By them, idle resources are efficiently configured by both suppliers and requesters to achieve the value goals of «making the best use of things» and «distributing according to need» 1.5.

The progress of the Internet has created conditions for the development of the sharing economy. The development of Internet technology has greatly reduced the time and cost of transactions. The larger the scale of the Internet, the greater the scope of information sharing, and more idle resources will be fully utilized.

The progress of Internet technology has expanded the products and services that consumers are exposed to, enabling them to choose according to their preferences and needs, reducing their dependence on the market by reducing the cost of intermediate links, and prompting the government to actively change public policies to meet the needs of economic development.

D. Progress of the Internet

In addition, through the network background statistics of credit rating and user evaluation, the credibility of the product is enhanced. The use of the network to build an online payment platform, to provide convenience for transactions but also to achieve protection.

The change of the quality of life is the internal driving force for the development of the sharing economy. The development and popularization of network technology is the indirect driving force of sharing economy, and the improvement of urbanization level and the rich needs of users are the direct driving force of sharing economy.

The gradual increase in the proportion of urbanization has greatly enriched people's material life, prompted significant changes in people's consumption concepts, and significantly increased their emphasis on social values. For example, the awareness of environmental protection and strict economy has been enhanced, the behavior of excessive consumption has been abandoned, and the awareness of resource protection has been continuously enhanced.

The pursuit of flexible employment has adapted to the development of the sharing economy. Nowadays, young people's demands for freedom and flexibility in work continue to rise, and many people have been unable to adapt to the tense and mechanical way of working. The pursuit of individuality and sense of value has become an important criterion for young people to choose careers. In the birth of more and more free employment groups in our country, they not only obtain material pursuit through the sharing economy platform, but also realize the pursuit of their own value.

The sharing economy enables the possibility of makers for all. Compared with traditional employment, the sharing economy makes practitioners freer to choose the threshold of social production, the degree of dependence on society is weakened, and people can choose their own production mode according to their own interests, so that it is easier to obtain benefits and realize value.

IV. Sharing Economy Policy Recommendations

If the sharing of many economic products and services is still in the initial phase of development in the field of economic rationality and the characteristics of the technical infrastructure to make the most of their counterparts of collaboration, decentralization, and empowerment of the idealistic colors shows, determine a rapid and continuous growth in the future. For our country, the development of the sharing economy corresponds to the new requirements of the concept of development «innovative, coordinated, green, open and Shared». It is a test ground for promoting innovation and supply-side structural reforms, and an

important breakthrough in promoting high-quality economic development. However, while practices are constantly enriched and deepened, the sharing economy faces significant challenges in terms of capital investment, user experience, market conditions and credit creation. The development of the sharing economy currently faces many problems such as restrictions of government policy, lack of market integrity system, insufficient consumer awareness of sharing, obstruction of special interests and an unfavourable social and cultural climate. There is an urgent need for the government to streamline the institutional mechanism and improve policy measures to promote the healthy development of the sharing economy.

A. Inclusive Prudence, Development and Regulation

At present, some new models of the sharing economy are operating in a regulatory grey area and innovation faces unwarranted institutional requirements. For this new business model of the sharing economy, government authorities at all levels must actively research and make proactive contacts, in accordance with the principle of «encourage innovation, inclusion and caution», develop and regulate at the same time, strengthen the direction of classification, innovate in the regulatory model, support and guide different market players in active exploration. An in-depth study of the business done by practitioners, a tolerant attitude towards their development, an emphasis on the legitimate needs of the market and appeals to rights and interests. For transportation sharing platforms, there can be many issues related to operating permits, social security, shocks on existing taxi companies, etc. Having studied these problems in depth, an appropriate policy must be adopted to resolve them, not a ban. In addition, efforts must be made to eliminate the political risks associated with the development of the Shared economy and to avoid, as far as possible, the phenomenon of a standstill following the passage from one document to another.

B. Innovate in Regulatory Models and Adhere to Basic Thinking

On the one hand, it is necessary to explore a new regulatory system of collaborative governance, introducing sectoral competition and improving the efficiency of the traditional services sector, and to actively promote a governance model based on mobile interconnection and big data. Promote the sharing of resources and information between departments, promote cooperation and joint governance between authori-

ties in all sectors and industries, promote information exchange, mutual recognition of regulations and assistance in law enforcement in the Shared economy. Self-regulatory organizations are encouraged to centralize industry rules and regulations and to partially comply with regulatory measures, to promote peer oversight and big data surveillance. For example, for urban transport characterized by tides, the coexistence of full-time and part-time drivers is undoubtedly more logical; Big data can quite effectively identify full-time and part-time operational behavior, based on the scientific distinction between full-time operation, part-time sharing and separately approved and regulated windbreak model; The use of machine learning techniques should also make it possible to identify selective discriminatory behaviour of drivers. Given the situation of our imperfect credit system and the insufficient self-discipline of the Shared economy platform, we can consider in the short term, through a transparent mandate, to give the competent government authorities the power to verify the actual operational data of the platform, if necessary, and to verify the execution records of the platform. On the other hand, substantive thinking must be taken into account in policy-making, examining Shared economy practices that involve security of life and property, privacy, price exclusion and market monopolization, and focusing on security risks, information leakage, discrimination and injustice, rather than rejecting relevant business models.

C. Establish Core Service Standards to Encourage Risk Resolution in Sharing through Market Mechanisms

In the form of local regulations penetrates, civil, commercial law, to add relative legal provisions to the corresponding provisions of the contract law for example the economy of the qualification examination, exchange flows in peer-to-peer taxation, the sharing of basic goods and services and the regulation of the specification quality as well supply and demand in the economy. Sharing most of the products or services of the economy being funded through non-specialists and quality levels of services, the need for governments based on characteristics of all kinds of products and services aimed at setting basic criteria, including mandatory safety standards and encourages companies and self-regulatory bodies, standards of service delivery, Such as developing poliomyelitis economic development better and faster. In line with international practices, Shared economy platforms must consciously monitor all transactions, payment behaviours and communication interac-

tions that occur and prevent, urge and correct in advance potential erroneous behaviours of service providers through customer feedback and reports. For housing sharing, for example, regulations must keep pace with expansion, setting minimum health and safety standards for facilities and services provided by landlords; With regard to the sharing of second-hand goods, a political system should be put in place with regard to the allocation of ownership, the distribution of responsibilities for quality, taxes and taxes. With regard to Shared transport, as businesses grow rapidly, more attention needs to be paid to establishing a system of trust, for example, increasing the function of reserved car for women, strengthening the strengthening of the customer service team, stating that passengers and owners must bring documents for the other to check on the spot, etc.; In particular, there is a need to strengthen cooperation with government departments, especially the police. In case of misconduct, customer service should deal with customer complaints the first time. In addition, with regard to the protection of consumer rights, innovative solutions should be further encouraged through market mechanisms and models, for example by encouraging insurers to develop all types of insurance products related to sharing. EatWith, for example, works with third party organizations to provide \$1 million in insurance to prevent travelers from worrying about issues such as food poisoning; Airbnb offers homeowners free real estate insurance of up to \$1 million, etc.

D. Promote the Integrity System and Establish an Online Credit Platform for the Shared Economy

For Shared economy platforms, rating systems and mutual trust mechanisms are very important. At the government sharing platform the accumulation, sharing and use of credit data in addition actively provides for associations fulfilling a common information function and the sharing and sharing of public information for economic development, strengthening early warning, irregularities and promises of credit risks, as well as sharing disclosure of information resources. In particular that over the years Internet companies, in some way, already online users has set up a credit system, governments should make third-party credit assessment to existing companies the services needed to or Shared with the government credit history, to transform big data live, sharing economic practice thus reduce the cost of credit. For example, in order to reduce barriers, delays and high costs for Shared companies

for pre-qualification verification, the UK government has adopted authentication systems such as gov.uk Verify and has opened up electronic criminal record verification. In addition, companies specializing in third-party credit services should be encouraged to provide professional transactional credit rating services by gathering feedback from users across the network and sharing the records of both parties on the evaluation of services. For example, a professional credit service like TrusCloud provides third-party credit rating services to Shared economy platforms by tracking user data on social networking sites such as Facebook and LinkedIn and on rating sites such as TripAdvisor. We must not lose sight of the fact that, on the basis of the promotion of rating systems and the strengthening of mechanisms of mutual trust, it is necessary to call more actively for a spirit of self-regulation in the sector of the sharing economy.

E. Promote Open Sharing of Public Resources to Create an Environment Conducive to the Development of the Sharing Economy

First, open sharing of public resources should be promoted and central and local governments encouraged to put in place more effective policies for the use of resources. For example, planning authorities must give priority to applications for the construction of common facilities and grant financial subsidies for common infrastructure that is built jointly by communities or companies. Second, a policy environment must be created across society that promotes resource conservation, encourages sharing, and promotes a culture of sharing among the population. For example, both positive and negative incentives to encourage private carpooling, including «carpooling lanes» and exclusive stop points; An additional tax on empty cars at rush hours; Support the creation of various not-for-profit funds to share ideas and knowledge; Establish the concept of mutual benefit consumption, green economy and create a favorable atmosphere for the development of the Shared economy throughout society, etc. Finally, the architecture of public procurement should be updated and adapted to the characteristics of the Shared economy. The UK government, for example, has proposed that forms of Shared services such as carpooling and short distance rental can be integrated into public procurement. In particular, it is important to know how rental and driving costs should be charged and covered by public finances in cases where the quadripartite agreement has led to the inclusion of rental and driving costs in Shared transport services.

The public sector must also seriously consider the possibility of sharing public resources, such as housing, buses and land, with the public, and consider the possibility of replacing public resources with resources from the Shared economy.

V. Summary

At present, the impact of the sharing economy in all areas of the social economy is growing wider and deeper. Take the DiDi taxi platform, for example, it has developed rapidly in recent years and now covers more than 400 Chinese cities with more than 300 million users, which has changed the mode of transportation of the masses and brought convenience to people's lives. In the near future, the Shared economy model will gradually infiltrate the supply of public and para-public resources, such as logistics, finance, human resources and other business infrastructure essential for regional industrial development. In a Shared economy model, business resources will be reconnected on the basis of the Internet and big data, structuring new industrial ecosystems. Some of the key problems that hinder the transformation and upgrading of the industry, such as the introduction of talent and the financial credit system, should be resolved effectively and self-organized under the lines of thought of the Shared economy. «Sharing» the commercial infrastructure of the future will have a transformative impact on economic and social development.

References

1. Coase R. H. The nature of the firm // *Economica*. 1937. № 4 (16). P. 386–405.
2. Benkler Y. Coase's penguin, or, linux and the nature of the firm // *Yale Law Journal*. 2002. № 112 (32). P. 369–446.
3. Chen Y. Possession and access: Consumer desires and value perceptions regarding contemporary art collection and exhibit visits // *Journal of Consumer Research*. 2009. № 35 (6). P. 925–940.
4. Belk R. You are what you can access: Sharing and collaborative consumption online // *Journal of Business Research*. 2014. № 67 (8). P. 1595–1600.
5. Chenghui D. Shared economy: Theory and reality // *Journal of Guangdong University of Finance & Economics*. 2016. № 31 (5). P. 4–15.
6. Dongdong F. From management to governance-A review of social management in the past decade // *Journal of Southwest Jiaotong University (Social Sciences)*. 2014. № 5. P. 128–132.

НОВЫЕ СТРАТЕГИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ЭКСПОРТА РОССИИ

*Алиджан Хошгелдиевич Меллеев¹,
Снежана Сергеевна Бодрова²,
Наталья Алексеевна Мишина³*

^{1,2,3}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Аннотация. В РФ с 2009 г. принята «Энергетическая стратегия на период до 2030 г.». В ней был представлен план развития энергетической отрасли России. Важными пунктам этой стратегии являются развитие экспорта со странами ЕС и США, а также постепенный переход от экспорта необработанных ресурсов к экспорту продуктов их переработки. Это было направлено на развитие экономики страны. После начала СВО на Украине Россия стала объектом санкций стран Запада. Отдельные государства отказались от импорта российской нефти и блокировали покупку природного газа. В ответ на это Министерство экономического развития России приняло «Пересмотр энергетической стратегии».

Ключевые слова: стратегии, экспорт, энергетический сектор, санкции, мировая экономика

События 2022 г. показали, что отечественный ТЭК ждут серьезные перемены, к сожалению, не в лучшую сторону. Политика стран Запада, направленная на ограничение российского энергетического экспорта, носила агрессивный характер. Тем не менее, российский энергетический рынок смог быстро адаптироваться к сложившейся ситуации. Руководство страны пересмотрело принятые ранее стратегии развития и выбрало оптимальные варианты диверсификации экспорта.

В марте прошлого года США и Великобритания заявили о полном отказе от российской нефти, а в декабре стало действовать эмбарго на ее морские поставки в Евросоюз. Кроме того, страны G 7, Европейского союза и Австралия установили потолок цен на российскую нефть на уровне 60 долл. за баррель [3]. Все эти меры должны были «подкосить» российский ТЭК.

Однако, анализ работы энергетического рынка России показал, что добыча нефти в 2022 г. выросла на 2 %, по сравнению с предыдущим годом и составила 535,2 млн т. Экспорт нефти вырос на 7,6 % до 242 млн т. В Западные страны сегодня экспортируется лишь 87 млн т или 40 % от предыдущего объема [1].

Динамика экспорта нефти связана с тем, как быстро будет расти экспорт нефтепродуктов. В марте 2023 г. поставки нефтепродуктов за границу выросли на 31,2 % до 3,13 млн барр. в сутки и в случае дальнейшего роста экспорта топлива поставки нефти выйдут на плато [5].

За 2022 г. рост экспорта нефти в дружественные страны составил 76 %, нефтепродуктов – 20 %. Всего с западных рынков на восточные в прошлом году было перенаправлено почти 40 млн т нефти и нефтепродуктов. Значительно выросли поставки нефти из России в Индию – в 19 раз, до 41 млн т, и в Китай – на 28 %, до 89 млн т. Экспорт нефтепродуктов из РФ в Индию вырос вдвое – до 6,2 млн т [5]. Тенденция роста поставок энергетического сырья в страны Азиатско-Тихоокеанского региона сохраняется в 2023 г.

Важно отметить, что переориентация поставок существенно увеличила импорт нефти в Индии. В долгосрочной перспективе Индия и Китай должны стать основными торговыми партнёрами России в экспорте энергоресурсов.

В газовой сфере также планируется рост поставок трубопроводного газа в восточном направлении. Экспорт трубопроводного газа в текущем году в КНР увеличится на 43 % до 22 млрд м³. Продолжается работа над проектом поставок газа «Союз Восток», который пройдет по территории Монголии и станет продолжением российского газопровода «Сила Сибири – 2». Проект позволит дополнительно поставлять 50 млрд м³ в год. Также заключено межправительственное соглашение с КНР о прокладке дальневосточного маршрута поставок газа (+10 млрд м куб в г. к 2025 г.) [2].

Эти проекты в области развития газотранспортной инфраструктуры позволят объединить в единую сеть всю газотранспортную систему страны и создать возможность для реализации на экспорт в восточном направлении трубопроводного газа в объеме до 100 млрд м³. Планируется, что совокупный объем экспорта газа на Восток к 2030 г. вырастет до 170 млрд м³, что более чем в 5 раз выше показателей 2021 г [2].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что многочисленные западные санкции открыли лишь новые горизонты для российского рынка энергоресурсов. Рынки дружественных стран открыты для российских продуктов. Основными потребителями российских нефтепродуктов становятся Китай, Индия, Вьетнам. Данное направление позитивно скажется на росте экономики

страны и успешно выполнит новую стратегию перехода экспорта из Запада на Восток.

Список литературы

1. Энергетическая политика России: разворот на Восток. URL: <https://energypolicy.ru/eneya-politika-rossii-razvorot-na-vostok/business/2023/14/08/> (дата обращения: 05.10.2023).
2. Энергетическая стратегия России на период до 2030 г. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/15357> (дата обращения: 05.10.2023).
3. Crude oil and Gas Supply & Demand URL: <https://www.kpler.com/crudesupppand demand> (дата обращения: 10.10.2023).
4. IHS Markit Global Energy Scenarios data set – Energy outlook to 2050. Inflections scenario. IHS Markit. July 2021. VERSION 1.0. URL: <https://connect.ihsmarket.com/gpe/energy-climate-scenarios/dashboard/overview> (дата обращения: 02.10.2023).
5. Mapping India's Energy Policy 2022: Aligning support and revenues with netzero future. URL: <https://www.iisd.org/publications/mapping-india-energy-policy-2022> (дата обращения: 05.10.2023).

КОММУНИКАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Наталья Леонидовна Тарасова

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Саратов, Россия

Аннотация. Рассматриваются общие теоретические аспекты коммуникаций в системе государственного управления. Дано определение понятия коммуникации; охарактеризованы структура и этапы реализации коммуникаций; раскрыты важнейшие цели коммуникативного процесса в системе государственного управления. Намечены основные пути повышения эффективности коммуникативных процессов в деятельности публичной власти.

Ключевые слова: коммуникации, коммуникативный процесс, государственное управление, публичная власть

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством Ольги Ивановны Цыбулевской, д.ю.н., профессора, заведующего кафедрой теории права Поволжского института управления имени П. А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Саратов, Россия.

Коммуникации в жизни каждого человека и в современном обществе в целом трудно переоценить. В деятельности органов публичной власти коммуникации выступают в качестве неотъемлемой составляющей реализации управленческих функций. Без применения коммуникаций такая деятельность была бы невозможной. Каждый государственный служащий в процессе осуществления управления вступает в коммуникативный процесс. При выполнении профессиональных обязанностей каждому управленцу непосредственно требуется взаимодействие с коллегами, руководством, подчиненными. В зависимости от того, насколько налажены коммуникативные связи, зависит успех организации в целом, а также, что очень важно, морально-психологический климат в государственном органе или учреждении [2, с. 6].

Вопрос, связанный с определением роли коммуникаций в государственном управлении, являясь значимым и актуальным, вызывает споры в научном мире. Первоначальные дискуссии при этом возникают относительно самого определения понятия коммуникаций в системе управления. Рассмотрим различные мнения авторов по данной проблеме.

Так, например, ряд авторов (М. А. Булгаров, М. Н. Тонян и А. А. Кутовая) определяют коммуникации в государственном управлении как «сложную многоуровневую систему связей, охватывающих не только орган управления, в том числе его подразделения, представляя собой внутреннюю коммуникацию между ними, но и внешнее окружение органа управления, а именно внешнюю коммуникацию» [1, с. 192]. В данном случае коммуникации рассматриваются применительно ко всему процессу государственного управления.

Н. Б. Ефимочкина определяет коммуникации в аспекте установления и развития взаимоотношений и контактов между людьми, возникающими ввиду наличия обоюдной потребности людей в осуществлении совместной деятельности, включающими в себя обмен информацией и разработку единой стратегии взаимодействия, также и попытками оказать влияние друг на друга в процессе коммуникаций [3, с. 15]. В данном определении автор весьма подробно (как представляется, излишне развернуто) характеризует сущность коммуникаций в целом, и в системе государственного управления в том числе.

Определяя роль коммуникаций в означенной сфере, важно также рассмотреть вопрос о видах коммуникаций. Хотя, как правило, в теоретическом плане данный вопрос не вызывает множества дискуссий. Так, в системе управления чаще всего выделяют *нисходящие* коммуникации (передача информации от начальства к подчиненным), *восходящие* коммуникации (передача информации от подчиненных к начальству) и *горизонтальные* коммуникации (передача информации между сотрудниками одного уровня в иерархии организации) [6, с. 243]. Однако стоит дополнить, что для системы государственного управления также характерны и такие виды коммуникаций как *диагональные* коммуникации, встречающиеся между руководителями и подчиненными различных служб и подразделений в государственном органе или учреждении. Также можно отметить и *вертикальные* коммуникации, которые реализуются между государственными служащими разных уровней. Помимо этого, целесообразно выделять такие виды коммуникаций в государственном управлении, как *формальные* и *неформальные*. Формальные коммуникации реализуются через официальные каналы связи, а неформальные – посредством неофициальных каналов. Можно, кроме перечисленных, отметить такие виды коммуникаций в государственном управлении, как *межличностные*, которые предусматриваются между двумя или более людьми, и *организационные*, которые реализуются между двумя и более группами.

Коммуникативный процесс имеет сложную структуру, включающую в себя четыре основных элемента: отправитель, сообщение, канал, получатель. Отметим и тот факт, что в процессе обмена информацией отношения отправителя и получателя проходят несколько этапов, которые взаимосвязаны между собой и составляют содержание коммуникационного процесса. В этой связи интересно мнение М. Б. Жернаковой, которая выделяет пять этапов коммуникационного процесса: зарождение идеи; кодирование и выбор канала; передача; декодирование; обратная связь [4, с. 29].

Ввиду того, что тема научной статьи связана с определением роли коммуникаций в системе управления, считаем важным отметить, что коммуникативный процесс, имея определенные элементы и распадаясь на последовательные этапы (стадии) в государственном управлении приобретает сложносоставной характер.

Рассмотрев общетеоретические вопросы, характеризующие роль коммуникаций в системе государственного управления, необходимо, на наш взгляд, определиться с социальным назначением рассматриваемого феномена. Считаем, что роль коммуникаций в государственном управлении выражается, прежде всего, в целях коммуникативного процесса в управлении, к которым можно отнести:

- формирование процесса информационного обмена между субъектами, участвующими в системе государственного управления;

- установление коммуникативных связей между сотрудниками одного государственного учреждения и разными органами, и учреждениями;

- образование внутренней и внешней среды государственного органа или учреждения;

- организация общей коллективной работы в государственном органе и учреждении, которая в совокупности направлена на решение поставленных задач.

К основным выводам в аспекте определения направлений совершенствования коммуникативных процессов в государственном управлении можно отнести следующие:

1. В государственном органе или учреждении важно наличие различных видов коммуникаций. Должны присутствовать восходящие и нисходящие коммуникации, коммуникации по вертикали, межличностные и организационные формальные и неформальные коммуникации. Должны развиваться и другие виды коммуникаций без определения ключевого приоритета какому-либо из перечисленных.

2. Особое внимание нужно уделять и управленческой структуре государственного органа или учреждения, так как правильная организация коммуникативного процесса зависит и от правильной кадровой расстановки в таком органе.

3. Необходимо активно развивать внешнюю коммуникацию в государственном управлении для повышения открытости и значимости государственных органов.

Резюмируя, еще раз подчеркнем: значение коммуникаций в государственном управлении велико. Именно коммуникации являются основным связующим звеном между субъектами в ходе осуществления государственной управленческой политики. Госу-

дарственная политика в сфере управления, в которой представлена разновидность человеческой деятельности, не может функционировать без коммуникаций.

Список литературы

1. Булгаров М. А., Тонян М. Н., Кутовая А. А. Информация и коммуникации в государственном управлении // Закономерности и тенденции развития науки в современном обществе : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 1 ноября 2016 г.) : в 3 ч., Уфа : Аэтерна, 2016. С. 191–193.

2. Никитина А. С., Чевтаева Н. Г., Ваторопин С. А., Ваторопин А. С. Деловые коммуникации в государственном и муниципальном управлении : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2021. 171 с.

3. Ефимочкина Н. Б. Коммуникации в системах управления // Вестник Государственного университета управления. 2018. № 10. С. 15–22.

4. Жернакова М. Б., Румянцева И. А. Деловые коммуникации : учебник и практикум для прикладного бакалавриата. М. : Юрайт, 2019. 370 с.

5. Венедиктова Т. Д., Бергельсон М. Б., Борисенко А. Л. [и др.]. Основы теории коммуникации : учебник и практикум для вузов / под ред. Т. Д. Венедиктовой, Д. Б. Гудкова. М. : Юрайт, 2021. 193 с.

6. Чамкин А. С. Основы коммуникологии (теория коммуникации) : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2013. 350 с.

DEVELOPMENT TREND OF INTERNATIONAL LOGISTICS INDUSTRY

*Hui Min Wang¹,
Olga Vladimirovna Salnikova²*

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

Abstract. As far as the basic content of international logistics is concerned, it mainly includes three aspects, namely, international transportation, international storage and international inventory. For foreign trade enterprises, in order to improve their competitiveness, it is necessary to strengthen the management of these three aspects. As far as the international logistics industry is concerned, it plays the role of nerve and blood vessel in the development of enterprises. If it is not effec-

tively developed, it will affect its logistics cost, reduce its profit level and have an impact on the macro-economy. Therefore, this paper discusses the development trend of international logistics industry and provides reference for enterprise development and strategy formulation.

Keywords: international logistics, logistics industry, international transportation, international storage, international inventory

With the improvement of the level of economic globalization, the economic and industrial structures of various countries have been constantly adjusted, the development goals of enterprises have changed greatly compared with the past, the importance attached to overseas markets has been continuously improved, and the cooperation with overseas enterprises has been deepened. Therefore, it is necessary to play the role of international logistics in order to better meet the needs of enterprise development. The government should pay full attention to the role of international logistics, coordinate the internal and external resources of enterprises, and constantly promote the reduction of logistics costs and the improvement of utility, so as to ensure that enterprises can obtain certain advantages in the complex international market competition. This paper explores the development trend of international logistics industry and provides guidance for enterprise development decision-making [1].

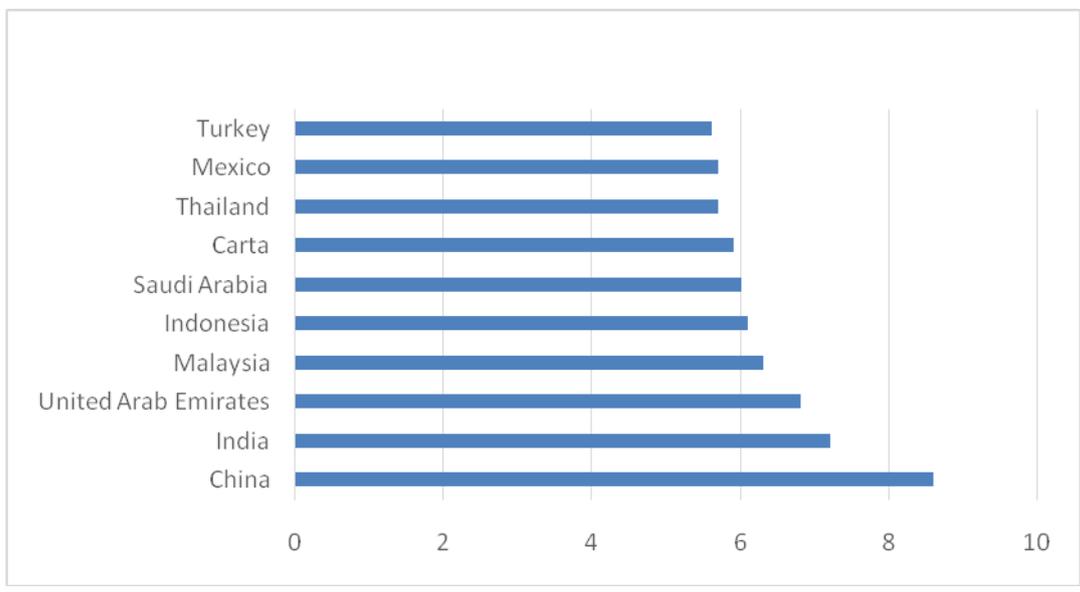

Fig. 1. The regional demand heat index of global logistics industry in 2022, TOP10 [2]

The information revolution and the rise of e-commerce have accelerated the process of world economic integration, promoted the development of the world economy and greatly developed international logistics. At present, multinational corporations and their branches are all over the world, and their output value has accounted for 40% of the total output value of developed countries. Multinational corporations are developing in the direction of overall strategic cooperative management integration, thus putting forward higher requirements for international logistics. If large enterprises in various countries want to rank among the top enterprises in the world, they must also improve their support ability for international logistics. In order to improve the competitiveness and business advantages of multinational companies, it is of great significance to strengthen the research on international logistics management.

Although the concept of international logistics has only recently been put forward and received people's attention, international logistics activities have developed with the development of international trade and transnational operation. The development of international logistics activities has gone through the following stages.

The first stage: 1950s to early 1980s. At this stage, logistics facilities and logistics technology have been greatly developed, distribution centers have been established, computers have been widely used for management, three-dimensional unmanned warehouses have appeared, and some countries have established their own logistics standardization systems. The improvement of logistics system has promoted the development of international trade, and logistics activities have gone beyond the scope of a country, but the trend of logistics internationalization has not been paid attention to by people.

The second stage: from the early 1980s to the early 1990s. With the development of economy and technology and the expansion of international economic exchanges, the trend of logistics internationalization has become a common problem in the world. Bossox, a professor at Michigan State University in the United States, believes that since the 1980s, the American economy has lost its momentum of prosperity and development, and has fallen into a crisis of long-term retrogression. Therefore, we must emphasize improving international logistics management, reducing product costs, improving services, expanding sales, and winning in the fierce international competition. At the same time, Japan is in a mature period of economic development, which is based

on trade. In order to realize the internationalization of logistics in line with its foreign trade, Japan has taken a series of measures, such as establishing a logistics information network and strengthening total quality management of logistics, to improve the efficiency of logistics internationalization. At this stage, the trend of logistics internationalization is limited to the United States, Japan and some developed countries in Europe.

The third stage: from the early 1990s to the present. At this stage, the concept and importance of international logistics have been generally accepted by governments and foreign trade departments. Trading partners are spread all over the world, which inevitably requires the internationalization of logistics, that is, the internationalization of logistics facilities, logistics technology, logistics services, cargo transportation, packaging and distribution processing. Countries all over the world have extensively explored the theory and practice of international logistics. People have reached a consensus that only extensive international logistics cooperation can promote world economic prosperity and logistics has no borders [3].

Suggestions and Countermeasures for Promoting the Development of International Logistics – increase infrastructure construction. In order to improve the efficiency and competitiveness of international logistics, it is necessary to strengthen the construction of infrastructure. Specifically includes the following aspects:

1. Port construction: optimize port layout, improve port throughput and service quality, strengthen the connection between port and hinterland economy, and build a world-class port logistics hub.

2. Airport construction: expand the coverage of aviation network, increase the number of international routes, improve airport operation efficiency and build an international aviation logistics center.

3. Railway construction: Improve the railway network, improve the speed and reliability of railway transportation, develop international railway combined transport, and provide more convenience for cross-border logistics.

4. Highway construction: Strengthen the construction of highway network, improve the efficiency and quality of highway transportation, and ensure the smooth flow of international logistics chain.

Promote logistics technology innovation. The innovation and application of logistics technology is the key to improve the competitiveness of international logistics. Here are some suggestions:

1. Internet of Things technology: Promote the application of Internet of Things technology in logistics industry, realize real-time collection and tracking of logistics information, and improve the transparency and controllability of logistics process.

2. Cloud computing technology: Use cloud computing technology to build a logistics information platform, realize the sharing and collaboration of logistics information, and improve logistics efficiency.

3. Big data technology: Use big data technology to analyze the demand and trend of international logistics market and provide data support for enterprise decision-making.

Strengthen international cooperation. Strengthen cooperation with other countries to jointly promote the facilitation of international logistics. Here are some suggestions:

1. Strengthen cooperation with customs, inspection and quarantine departments of other countries, simplify customs clearance procedures and improve customs clearance efficiency.

2. Strengthen cooperation with international logistics associations, international freight forwarders associations and other organizations to jointly promote the development of the international logistics industry.

3. Strengthen cooperation with countries along the route, jointly build a multimodal transport system, and realize the seamless connection of various modes of transport.

Improve customs clearance efficiency. Optimizing customs procedures and improving the efficiency of customs clearance at ports are important links to promote the development of international logistics. Here are some suggestions:

1. Promote paperless customs clearance and reduce the number and delivery time of paper documents.

2. Implement the pre-inspection system, inspect and supervise the goods in advance, and reduce the on-site inspection time.

3. Establish a smart port system to realize information sharing and cooperative operation between customs and other departments.

4. Strengthen the training and guidance for enterprises, and improve their awareness and ability of customs compliance.

Training logistics talents. It is very important to cultivate talents with international logistics skills and international communication ability to promote the development of international logistics. Here are some suggestions:

1. Strengthen the cooperation between universities and enterprises, and jointly cultivate international logistics talents with practical experience.

2. Hold international logistics training and seminars to improve the professional quality and skill level of existing employees.

3. Encourage enterprises to carry out internal training to improve employees' business ability and service awareness.

4. Attracting overseas logistics talents to work in China to make up for the shortage of domestic talents.

Optimize policies and environmental policies. The optimization of environment is very important to promote the development of international logistics. Here are some suggestions:

1. Relax market access and attract more domestic and foreign investors to participate in the construction of international logistics system.

2. Implement preferential tax policies and encourage enterprises to carry out technological innovation and equipment renewal.

3. Establish a sound system of laws and regulations to ensure the healthy development of the international logistics industry.

4. Strengthen industry supervision, standardize market order and improve service quality.

5. Strengthen the protection of intellectual property rights and stimulate the enthusiasm and enthusiasm of enterprises for innovation.

Building a green logistics system. While developing international logistics, we need to pay attention to environmental protection and sustainable development, and build a green logistics system to promote low-carbon, environmental protection and sustainable logistics development. The following are specific suggestions:

1. Adopt environmentally-friendly packaging materials and technologies to reduce the impact on the environment.

2. Promote energy-saving and emission-reduction technologies to reduce energy consumption and emissions during transportation.

3. Implement recycling system to recycle wastes and reduce the waste of resources.

4. Advocate green transport modes such as multimodal transport and container transport to reduce emissions during transportation.

5. Strengthen cooperation and exchange with international organizations and learn from the experience and technology of foreign green logistics development.

6. Encourage enterprises to carry out technological innovation and management innovation in green production, green transportation and green circulation.

7. Strengthen policy guidance and support to provide necessary policies and funds for the development of green logistics [3].

Generally speaking, logistics has developed into an important pillar industry at this stage, which plays a very key role in reducing social circulation costs. For international logistics, it is different from domestic logistics in many aspects, such as business development mode and process, and has many new meanings.

References

1. Li Zheng. Research on the relationship between the development level of logistics economy and international trade in China's coastal cities // Logistics technology. 2013. № 21. P. 123–129.

2. International Logistics. URL: https://mbd.baidu.com/newspage/data/landingsuper?rs=3970169030&ruk=v0UZuqgK49MBvBQGqUIRhQ&pageType=1&isBdboxFrom=1&sid_for_share=57654_2&urlext=%7B%22cuid%22%3A%2218Ssugu5Hi_cO2uN_ivIfjOH2ugQaBuN_aHJi_a0v8K90qqSB%22%7D&context=%7B%22nid%22%3A%22news_9179736311306108094%22,%22sourceFrom%22%3A%22search%22%7D (accessed: 17.10.2023).

3. Lu Dan. Research on the relationship between China's international logistics and foreign trade under the new environment // Logistics engineering and management. 2013. № 7. P. 14–16.

4. Mao Yuzhong, Yang Guangming. A Study of outsourcing and self-run business decision-making in the distribution transportation of international logistics // Energy Procedia. 2012. № 16. P. 965–970.

CHINESE ENERGY CONSUMPTION

*Jiayang Wang¹,
Svetlana Alekseevna Vlazneva²*

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

Abstract. China is not only the world's most populous nation but is also the largest energy-consuming country in the world, accounting for 26 % of the world's total energy use. As such, China will play a critical role in the world economy. The

article reveals China's primary energy consumption and shows that China's energy consumption relies on imports. China depends heavily on coal, natural gas and oil to meet its energy demand.

Keywords: China, energy consumption, coal, natural gas, oil

Population growth, increased urbanization, and economic growth are important drivers of China's energy use. China's annual population growth rate declined from 0,54 % in 2000 to 0,48 % in 2010 and further to 0,21 % in 2020 even with the cessation of the One-Child Policy in 2016 and the recent policies to encourage families to have two or three children [1].

China reached an urbanization rate of 60 % in 2018, increasing to 62 % in 2020 [1]. While this is higher than the share of urban population in some emerging economies, many industrialized countries have much higher urbanization rates as of 2020, such as 92 % in Japan, 83 % in the United States, and 77 % in Germany.

From 2000 to 2010, China's average annual GDP growth rate was 10,5 %, dropping to an average of 6,8% per year during the 2010 to 2020 period. In 2020, due to COVID-19 pandemic impacts and local lockdowns, China's GDP grew only 2,3 %, the lowest since 1980. In 2021, China's quarterly GDP from the first quarter to the third quarter grew 18,3 %, 7,9 %, and 4,9 %, respectively, compared to last year [1]. While China seems to be still on track to meet its 6 % GDP growth target of 2021, the impacts of power shortages and the real estate industry shake-up are reflected in the slowed economic expansion of third quarter.

There are multiple ways to convert primary electricity into standardized energy units, such as metric ton of coal equivalent (tce) and million tons of coal equivalent (Mtce) as is used in China. China typically uses the power plant coal consumption (PPCC) method, while others use the direct equivalent, the partial substitution, or the physical energy content methods. China's PPCC method indicates how much coal would be offset by using primary electricity. The direct equivalent method, which is used by the Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC), directly converts primary electricity to standardized energy units based on electricity's calorific value.

In 2020, China consumed about 4,980 Mtce using the PPCC method. Total primary energy use grew at 9,4 % per year on average between 2000 and 2010. The rate of increase slowed to an average of

3,3 % per year during the 2010 to 2020 period [2]. During the 13th Five-Year Plan (2016–2020), the growth rate of primary energy use decreased to an average below 3 % a year.

The share of coal in China's primary energy use, while still dominant, declined from 68 % in 2000 to 56,8 % in 2020. Petroleum's share remained at around 20 % through the 2000 to 2020 period, declining slightly from 22 % in 2000 to 19,2 % in 2020. Natural gas consumption increased sharply, with its contribution growing from 2 % in 2000 to 8,4 % in 2020. The share of primary electricity, i.e., electricity generated from hydropower, nuclear power, solar, wind, and geothermal, also increased significantly, more than doubling from 7,3 % in 2000 to 15,6 % in 2020. Compared to 2019, the fastest growth was natural gas usage, followed by primary electricity, and then the use of petroleum. Coal consumption only increased 0,6 % from 2019 to 2020 [2].

China's non-fossil energy use, including both primary electricity and nuclear, has increased significantly since 1980 when it was 4 %. By 2019, the share of non-fossil in total primary energy use reached 15,3 %, achieving China's goal of reaching 15 % by 2020 one year in advance. By 2020, the share of non-fossil energy use increased to 15,6 %. At the Climate Ambitions Summit 2020, President Xi announced China's pledge to increase the share of non-fossil energy use in total primary energy use to around 25 % by 2030.

During 2020, China's total primary energy use increased even with all of the COVID-19 restrictions. Using the International Energy Agency's primary energy accounting method, China's total primary energy use increased 2,67 % in 2020 [2]. Using BP's accounting method, China's total primary energy use increased 2,65 % in 2020 [3]. Using China's PPCC method, primary energy use increased 2,2 % in 2020.

In addition, China's share of global primary energy use continues to grow. According to BP and based on BP's accounting method, China's share increased from 11 % in 2000 to 21 % in 2020 and further grew to 26 % in 2020. In comparison, the share of primary energy use in the U.S. declined from 24 % in 2000 to 16 % in 2020. The share of primary energy use in Europe (EU-27) dropped from 22 % to 14 % between 2000 and 2020 [3].

China depends heavily on coal to meet its energy demand. The share of coal in total primary energy use was around 76 % in 1990 but has since decreased to 56,8 % in 2020 [4]. Total consumption of coal has been increasing in absolute values over the years, with only a slight

decline in the 201–2016 period. From 2017 to 2020, absolute coal consumption increased slowly, at an average rate of 0,8 % per year, even while the share of coal in total primary energy use has been declining. In 2020, total coal consumption in China grew 0,4 % from the 2019 level.

The share of coal used for power generation increased from 19 % in 1980 to 38 % in 2000 to 49 % in 2020 [4]. Unlike other industrialized countries where coal is predominately used for power generation, China's coal is also used for production of steel and other industrial commodities, heating, energy transformation such as coal -to-liquids and coal-to-chemicals, and in the residential, commercial, and agriculture sectors. Manufacturing sector, traditionally the largest coal-consuming sector in China, accounted for 50 % of total coal use in China in 1980 and 43 % in 2000, either consuming coal directly in combustion processes or using coal as feedstock for coking (mostly for the steel industry). Direct use of coal in manufacturing sector has declined over the last twenty years, especially recently, due to increased pollution control requirements imposed by the Chinese government and industrial facilities switching to other energy sources such as natural gas and electricity. The share of coal that is used directly in the manufacturing industries dropped from 28 % in 2010 to 15 % in 2019. This decline was offset by an increase in the share of coal used for coking which grew from 15 % in 2000 to 18 % in 2010 and further to 20 % in 2019. The vast majority of coke is used in the iron and steel industry, and the rest is used in industries such as manufacturing of chemicals, metal products, and machinery.

China's crude oil production grew 1,7 % per year on average during 1990–2000 and continued at an average of 2,2 % per year in the 2000–2010 period. Oil production began to slow in 2010, growing only 1,1% per year between 2010 and 2015. After that, China's oil production declined around 4,6 % per year between 2015 and 2020. By 2020, China produced about 195 Mt of oil (243 Mtce) [3]. Over this same 30-year period, China's oil consumption increased much faster than production. Oil demand grew an average of 7 % per year from 1990 to 2010, slowing to 4,3 % per year from 2010 to 2020. By 2020, about 75 % of oil demand was met by imports. In 2019 China imported about 506 Mt of oil (723 Mtce) from a number of countries, including Saudi Arabia (16 %), Russia (15 %), Iraq (10 %), Angola (9 %), Brazil (8 %), and Oman (7 %) (UN Comtrade, 2021). In 2020, China's oil imports increased to 542 Mt (774 Mtce) [5].

Natural gas production in China increased from 15,3 billion cubic meters (bcm) (20 Mtce) in 1990 to 192,5 bcm (256 Mtce) by 2020. Production of natural gas grew most rapidly during 2000–2010, at about 13,5 % per year on average. Production growth slowed to 5,4 % per year between 2010 and 2020. China's natural gas consumption increased faster than production growth. From 2000 to 2010, natural gas consumption increased 16,1 % per year, dropping only slightly to 11,2 % per year during 2010-2020 [3]. By 2020, China consumed 418 Mtce of natural gas while only producing 217 Mtce. Net imported natural gas accounted for 48 % of total natural gas consumption in 2020. About 67 Mt (125 Mtce) of liquefied natural gas (LNG) was imported in 2020, with 43 % from Australia, 12 % from Qatar, 9 % from Malaysia, 8 % from Indonesia, 8 % from Russia, and 5 % from United States. In addition, China also imported about 35 Mt (65 Mtce) of natural gas by pipeline in 2020, with about 60 % from Turkmenistan [5].

To conclude, China is not only the world's most populous nation but is also the largest energy-consuming country in the world, accounting for 26 % of the world's total energy use. China's primary energy use increased by 2 % in 2020 while the world's primary energy use decreased by nearly 4 %. China's coal use grew only 0,4 % in 2020, the lowest growth since 2016. Coal's contribution to China's primary energy use continued to decrease, reaching 56,8 % by 2020. About 75 % of China's oil demand was met by imports while 48 % of China's natural gas needs relied on imports.

References

1. China National Statistical Yearbook. URL: <http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2022/indexch.htm>
2. China Energy Network. URL: <https://data.in-en.com/>
3. BP 2021. Statistical Review of World Energy. 70 th ed. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-eco-nomics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf>
4. Analysis of the current status of the development of China's global energy industry in 2022. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1746095255587208567-&wfr=spider&for=pc>
5. China Energy Storage Alliance (2021). Energy Storage Industry Research Whitepaper 2021. URL: <https://static1.squarespace.com/static/55826ab6e4b0a6d-2b0f53e3d/t/60d2fff40aec596dc9e5cd65/1624440841870/CNESA+White+Paper+2021-PDF>

E-COMMERCE DEVELOPMENT IN CHINA AND RUSSIA

*Rui Wang¹,
Olga Vladimirovna Salnikova²*

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

Abstract. Article shows that accelerate the creation of the «Silk Road E-commerce» cooperation pilot zone in the face of complex and ever-changing international environment, and continuously expand the space for international economic and trade cooperation. Cross border e-commerce promotes the globalization of Chinese manufacturing, effectively ensuring the stability of the global industrial and supply chains. At the same time, with the rapid development of the economy, China and Russia have become increasingly important trading partners, among which e-commerce plays an increasingly important role in the process of Sino Russian economic and trade cooperation.

Keywords: e-commerce, goods, services, China, Russia, cross-border e-commerce

At present, the world trend shows the outflow of consumers from traditional retail to online retail and the specialized trading platforms integrated with mobile applications. E-commerce plays a key role in promoting e-commerce innovation. The Internet and digital technologies have enabled companies of all sizes to enter and expand into new markets, making it easier for them to participate in global value chains, expand and benefit from knowledge dissemination.

According to Figure 1, global GDP and growth in the past five years, the total global GDP in 2022 will reach 89.7 trillion US dollars, and the year-on-year growth rate will slow down to 3.1%. The total volume of global import and export trade in 2022 reached 50.5 trillion US dollars, and the growth rate of global import and export trade in 2022 slowed to 12.5 % compared with the previous year, due to the sustained impact of the macroeconomic situation on both supply and demand sides. Under the environment of downward pressure on the global economy in the future, the trade flow between countries and regions will remain active, and the global import and export trade will still have a certain resilience [2].

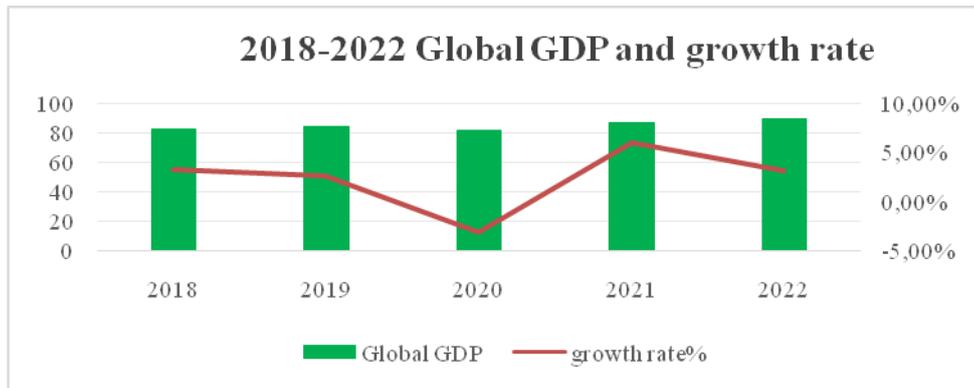

Fig. 1. 2018–2022 Global GDP and growth rate [1]

According to Figure 2, the proportion of e-commerce in the total sales of trading companies shows that the global share of retail e-commerce in 2019 was 13.7 %. In 2023, the share of e-commerce is expected to increase to 19.5 % [3]. Therefore, it can be seen that with the progress of international trade, whether cross-border exports are B2B or B2C e-commerce, their purchasing behavior will be influenced by purchasing decision-makers. The strong development momentum of overseas retail e-commerce will provide a new round of development opportunities for e-commerce.

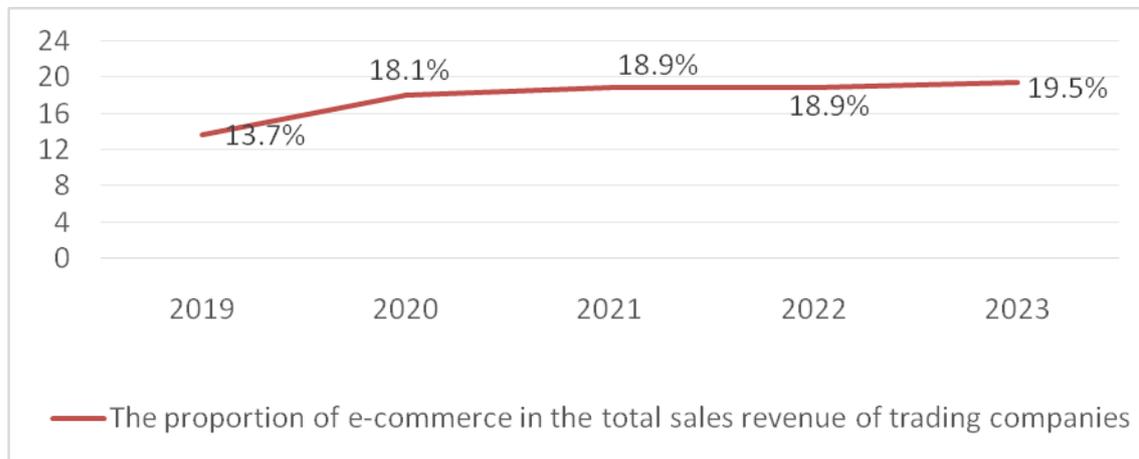

Fig. 2. Proportion of e-commerce in the total sales revenue of trading companies [2]

By analyzing the data in Table 1, China is the largest e-commerce market today. China will remain the world's largest e-commerce market in 2023, with the market size expected to reach \$2.2 trillion, accounting for nearly half of total global e-commerce sales. The U.S. e-commerce

market sales revenue is expected to grow 14.4 % to reach \$1.1 trillion, contributing 9.6 % to global e-commerce sales growth, becoming the world's second-largest e-commerce market. India is the 8th largest e-commerce market in the world with projected sales revenue growth of 9.0 % in 2023, while Russia is the 15th largest e-commerce market with projected sales revenue growth of 50.3% to \$35.62 billion in 2023. In the first half of 2023, e-commerce sales in Russia increased by 20 % year-on-year to reach \$27.67 billion [3].

Table 1

Top 15 countries in internet sales, 2023 [2]

№	Country	Salesrevenue (trillion \$)	Salesgrowthratio
1	China	2.2	13.2 %
2	America	1.1	14.4 %
8	India	0.57	9.0 %
9	Canada	0.55	10.9 %
15	Russia	0.36	20 %

The earliest online stores in Russia began in 1995, while the e-commerce market began to develop rapidly in early 2010. Since then, the volume of transactions in this sector of the economy has increased several times and continues to grow. Like most countries in the world, Russia is actively developing local online trading systems. In addition, the Russian system is gradually integrating into the global e-commerce system, playing an important role in the process of globalization, and Internet commerce is one of the most active sectors of the Russian economy.

High number of consumer groups In 2022, Russia's e-commerce transactions reached 4.98 trillion rubles, an increase of more than 30 %. Among them, Russia's domestic e-commerce platform accounted for 96.4 %, the transaction volume reached 4.81 trillion rubles, an increase of 33 %; E-commerce accounted for 11.6 % of Russia's retail trade in 2022, an increase of 2.4 % from the beginning of 2022. It is expected that in 2023, Russia's e-commerce transaction volume may increase by 25 %–30 % [4]. In January 2022, the scale of Internet users in Russia reached 130 million people, accounting for nearly 90 % of the total population, and the Russian e-commerce market showed a substantial growth trend. In 2021, the total online retail market in Russia has exceeded \$25 billion, and the scale of users participating in online shopping has reached 30 million, which provides good conditions for

the development of cross-border e-commerce industry in Russia to a large extent.

Russia is one of the five largest economies in the world and the largest purchasing power parity economy in Europe, and according to data from trading economics, Russia's per capital GDP (in purchasing power parity terms) reached \$27,584.17. At the same time, Russia has a population of nearly 147 million, of which 74.4 % are urban and 25.6 % are rural, and a large urban population means that it can drive stronger consumption power.

In 2022, new platforms and new traffic will provide new space for the growth of cross-border e-commerce. The consumption habits of foreign users have changed, they stay longer on social media, and are more inclined to shop and consume through social media, which provides opportunities for the development of cross-border live streaming e-commerce and brings new traffic to cross-border e-commerce. The demographic dividend and traffic dividend of traditional e-commerce platforms are gradually fading, and the new traffic of new platforms brings new opportunities for the development of cross-border e-commerce in China

In 2022, according to the data in Figure 3, China's e-commerce related service outsourcing contract signing and execution amount is 4.11 billion US dollars and 2.87 billion US dollars, increasing by 24.5 % and 26.7 % respectively. Big data, artificial intelligence, cloud computing and other new generation of information technology in the application of e-commerce consulting services is more widespread, more and more customers try to use intelligent sales management, to achieve both quality and growth.

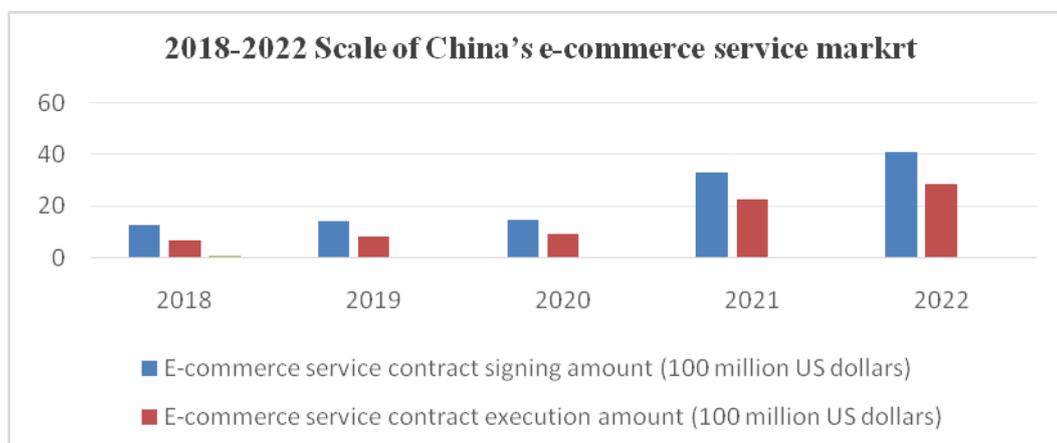

Fig. 3. Scale of China's e-commerce service market [2]

The main mode of cross-border e-commerce between China and Russia is B2B, which is characterized by large sales and physical profits, long-term cash flow and regional production concentration. However, with the economic development of the two countries and the increase of residents' disposable income, the potential of personal consumption is more apparent, so the B2B model will be difficult to meet people's individual needs. Now, the share of B2C business models in cross-border e-commerce has increased. B2C has become an important link in the modern company's sales system, suggesting that the direct business relationship between individuals and the end consumer is on behalf of B2B, while Amazon and Ali Express platforms are on behalf of B2C.

To sum up, the development of e-commerce in China and Russia has certain development potential while facing different opportunities and challenges. It can not only promote the development of various fields such as the economy of the two countries through the offline "Belt and Road", but also through the international cooperation of "Silk Road E-commerce", constantly improve the cooperation mechanism, continue to expand the cooperation field, and enhance the diversification of cooperation methods. It will become an important measure to share market opportunities and expand digital economy cooperation among Belt and Road countries, and make positive contributions to the high-quality development of the Belt and Road and the upgrading of consumption in the two countries.

References

1. Liu Zhiwei. Global E-commerce Market Trends Report // Yugo border. 2023. № 5. P. 45–56.
2. Worldwide E-commerce Forecast 2023. URL: <https://www.insiderintelligence.com/content/worldwide-ecommerce-forecast-2023> (accessed: 17.10.2023).
3. Andrievskaia D. Comparative analysis and cooperation prospects of e-commerce development between China and Russia: A case study of OZON.ru and Taobao.com // Guangdong University of Foreign Studies. 2021. № 12. P. 1–11.
4. Zhao Guiru. China E-commerce Report // Chinese business. 2022. № 12. P. 33–35.

INFLUENCING FACTORS IN DEVELOPMENT OF E-COMMERCE IN RUSSIA AND CHINA

*Jiuhai Zhang¹,
Sergey Mikhailovich Vasin²*

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

Abstract. With the proposal of «One Belt, One Road» initiative, China has conducted e-commerce trade with many coastal member countries of «One Belt, One Road», among which the trade with Russia is the largest. Therefore, the development of e-commerce between Russia and China has important research and reference value. Analyzing the factors affecting the development of e-commerce in both countries and the role of these factors in e-commerce is of great practical significance for the further development of e-commerce in Russia and China as well as for the trade in goods between the two countries.

Keywords: e-commerce, China, Russia, influencing factors, «One Belt, One Road»

Since 2016, Russia's e-commerce market has grown by about 20 % per year as the internet spreads among the emerging, increasingly affluent Russian middle class. Russia's e-commerce market size in 2020 is forecast to be \$29 billion, but the new crown epidemic has greatly stimulated the growth of e-commerce, the Russian e-commerce market is still 4 billion US dollars higher than expected, the size of the e-commerce market has increased by more than 40 %, and online consumers have also increased significantly compared to 2019. The average online shopper spent \$494.7, an increase of \$420 from 2015. Russia's e-commerce market has the fourth fastest growth rate in the world, and compared to 2019, Russia has seen a significant increase in online transactions and online purchases, with an average increase of 44 %. In 2010, the transaction size of the Russian cross-border e-commerce market was 260 billion rubles, and by 2019 it increased to 2,368.6 billion rubles.

In general, Russian e-commerce is growing rapidly, but the growth rate is gradually declining, e-commerce is one of the fastest growing industries in Russia in recent years, e-commerce is less affected by the macroeconomy, more and more physical retail enterprises gradually enter the e-commerce neighborhood.

China's e-commerce has gradually penetrated into the production and consumption and other social levels, the grid production and consumption mode is being gradually improved, the logistics system is gradually forming a system, the production and operation of the direction of network and digital development.

As of 2015, China's e-commerce e-tail sales exceeded \$55.4 billion, with e-tail sales accounting for 10.8 % of total consumer goods. In 2020, China's cross-border e-commerce turnover reached \$1,936.4 billion, compared with \$1,626.6 billion in 2019, with cross-border e-commerce turnover increasing by 19 %, and accounting for 41.6 % of China's total import and export trade². China remains one of the world's largest online retail markets, and e-commerce has an important role to play in boosting consumption.

With China's economic transformation, cross-border e-commerce is booming, and there are currently more than 100 comprehensive cross-border e-commerce experimental zones, promoting the rapid development of cross-border e-commerce in China, and with the gradual increase in investment in the Belt and Road Initiative and the popularization of Internet Plus, the development of Russian-Chinese e-commerce trade is supported by a large number of policies and infrastructure.

In recent years, Russia's e-commerce market has attracted a large number of Chinese companies to invest. In 2020, Russian Internet users placed more than 1 billion orders on the Internet, of which about 80 % came from the Chinese market, and the foreign e-commerce market is more favored by Russian consumers, the number of times Russian consumers consume abroad is as high as 300 million times, and China is one of the largest trading partners of Russia's e-commerce.

According to the data of the relevant authorities, between two years, from 2013 to 2015, the volume of e-commerce trade between Russia and China grew from 500 million dollars to 2.72 billion dollars. In 2016 it decreased to 2.5 billion dollars, and then in 2017–2019 it grew from 3.5 billion dollars to 5 billion dollars.

China's Harbin has opened a number of air routes to Russia, with 11 cities navigable to Russia, radiating to the whole of Russia through the city of Yekaterinburg, as well as a number of railroad transportation lines to Russia. A number of Chinese logistics companies and the Russian Post and other logistics enterprises to reach a strategic cooperation, which to a certain extent for the further development of e-commerce between Russia and China, laying the foundation.

In China, more than half of the provinces with more than 10 million Internet users in 2010, the Internet penetration rate is 34.3 %, and the size of China's Internet users has accounted for 23.2 % of the total number of Internet users in the world. With an Internet penetration rate of 34.3 %, it will reach as high as 70.64 % by 2020, far exceeding the

world's average level. This, together with the convenient shopping methods brought about by e-commerce, has prompted more and more Internet users to join in online shopping.

In Russia, according to Internet World Stats (IWS), in 2019, Russia ranked ninth among the ten countries with the most Internet users in the world. Russia's Internet penetration rate has increased from 32.6 % in 2010 to 82.64 % in 2019, making it the country with the highest Internet penetration rate in the entire European region, as well as one of the countries with the highest number of Internet users³. Therefore, the number of online shoppers in Russia is expected to continue to increase as the country's broadband and mobile devices are updated and consumer attitudes change.

With the increasing demand preference of Russian and Chinese consumers, Russia-China e-commerce trade is gradually developing in a diversified direction.

Among the various modes such as B2B, B2C, B2B2C, C2C, M2C and O2C, B2B is still the most dominant way of e-commerce trade between Russia and China. In 2019, China's cross-border e-commerce trade turnover was 1.62 trillion U.S. dollars, and the share of exports to Russia reached 13.2 %, of which B2B accounted for 83.2 %. The share of inbound parcels from China in Russia has increased from 60 % to 90 %, and consumption has increased by 1.8 times.

The establishment of Russia-China e-commerce trade zone will provide Russian and Chinese consumers with a more professional and convenient platform for purchasing commodities, which also provides a one-stop service platform for merchants of both countries. The establishment of Russia-China Trade Zone facilitates Russian and Chinese enterprises to expand sales channels, reduce transaction costs, improve trade efficiency and further drive the rapid development of e-commerce in both countries.

In 1929, the Chinese government approved the establishment of the China-Russia Trade Zone on Heihe Island in Heilongjiang Province, which has effectively played the role of a trade bridge between Russia and China for decades. The good operation of Heihe Island China-Russia Trade Zone is a model for the development of e-commerce industrial parks in Russia and China. After the completion of the trade zone, it is conducive to the promotion of the flow of talents and the flow of goods, and vigorously develops the Sino-Russian trade zone, which has a positive effect on the economic development around the

trade zone, and also promotes the development of the manufacturing industry in Russia and China. Only by perfecting the network service of the e-commerce platform and improving the compatibility of e-commerce between Russia and China can we better support the development of e-commerce between Russia and China.

Most of Russia's land area is located in the frigid zone, although the east-west span is large, but the north-south span is small, and some vegetables, fruits and other crops are planted at high cost, or even impossible to produce. Blessed with precipitation conditions, for Russia's timber and other resources to grow to create excellent conditions. Russia's energy-rich, relatively small population, more exportable energy.

China is located in the subtropics, vegetables, fruits and other products are abundant, but China is a large country with a large population, creativity and strong at the same time, energy consumption, most of the energy needs to be imported to meet. Russia and China are closer, the development of e-commerce and product trade costs are lower.

Russia has a long history of trade with China. As a developing country and a large industrial country, China produces more labor-intensive products and industrial goods, but China is relatively poor in oil and natural gas resources. Russia's industrial development is relatively immature, but the country's natural gas and oil and gas resources are abundant, there are product differences and complementarities between Russia and China⁴. With the development of global trade, Russia and China's trade in commodities is becoming more and more refined, Russian food and handicrafts are highly favored in China, and Russian consumers also prefer Chinese daily necessities and electronic products. Russian and Chinese consumer demand is also gradually diversified, and promote the integration and development of e-commerce between the two countries.

The establishment of infrastructure is an important prerequisite for the development of cross-border e-commerce trade, especially for the construction of logistics infrastructure, but also the basis of cross-border e-commerce activities. Infrastructure services and construction is not only for the goods from other countries to transport goods to their own country need to guarantee, but also in the domestic delivery of goods to guarantee⁵. For example, Russia due to the large land area, some large cities are mainly concentrated in the western region, for the eastern region is relatively more backward, the layout of the townships and cities is not so dense, so you need to do a good job in road transport and air transport to ensure that goods can be transported safely and

damaged to the hands of the consumer. Ensure that the goods can be safe and damage-free transportation to the hands of consumers.

Logistics is one of the basic conditions for the development of e-commerce, logistics for the development of e-commerce to provide support and basic protection, logistics development can further promote the development of e-commerce, the degree of soundness of logistics, e-commerce development in remote areas has a decisive impact. The increase of air routes between Russia and China provides important basic conditions for the development of e-commerce in both countries.

References

1. Fedoseeva S. Dynamic willingness to pay and e-commerce: Insights from sparkling wine sector in Russia // Journal of Retailing and Consumer Services. 2020. № 57. P. 12–19.
2. Yi Jing, Peng Yang. Research on the risk prevention of cross-border e-commerce logistics in china by applying big data technology // Procedia Computer Science. 2022. № 208. P. 407–413.
3. Karpunina E. K., Isaeva E. A., Galieva G. F. E-commerce as a driver of economic growth in Russia // Institute of Scientific Communications Conference. 2019. № 1. P. 1622–1633.
4. Kabango C. M., Asa A. R. Factors influencing e-commerce development: Implications for the developing countries // International Journal of Innovation and Economic Development. 2015. № 1 (1). P. 64–72.
5. Argilés-Bosch J. M., Somoza A., Ravenda D. An empirical examination of the influence of e-commerce on tax avoidance in Europe // Journal of International Accounting, Auditing and Taxation. 2020. № 41. P. 312–328.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ СТИМУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ

*Вадим Юрьевич Щеглов¹,
Асадбек Фахриддинзода²*

^{1,2}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассмотрены особенности стимулирования предприятий в зарубежных странах. Изучаются органы, осуществляющие государственную поддержку компаний. А также анализируются возможности использования опыта других стран в РФ по стимулированию организаций.

Ключевые слова: стимулирование предприятий, государственная поддержка, льготы, кредит

Среднее и малое предпринимательство – это зало успешного развития экономики для любого государства. Малый и средний бизнес платит налоги, дает рабочие места, насыщает рынок, способствует научному развитию и выполняет многие другие функции. Многие предприниматели нуждаются в поддержке государства для становления своей деятельности, модернизации и переоснащения оборудования, расширения. Для более эффективного осуществления государственной поддержки необходимо проанализировать такой опыт в зарубежных странах [1].

Предпринимательство в США успешно развивается. Такой положительной тенденции способствует в первую очередь эффективная государственная поддержка. В США такую поддержку осуществляет Администрация малого бизнеса (*Small Business Administration – SBA*), созданная еще в 1953 г. Аналогичная система поддержки малого предпринимательства применяется во многих европейских странах. Данный орган занимается обеспечением финансовой поддержки малого и среднего бизнеса, содействует в получении государственных заказов, а также оказывает консультационные услуги по вопросам управления компании [5].

По сведениям данной Администрации в США каждый год создается примерно 1 млн. новых компаний. 60 % из них свою деятельность организуют дома, в этом им оказывает помощь Министерство труда США [3].

21 миллион американцев или 17 % всех работоспособного населения имеют возможность работать неполный рабочий за счет трудоустройства на малых предприятиях [1]. Это способствует решению многих задач для предприятий, среди них стоит отметить:

- 1) поддержка со стороны государства малых и средних предприятий;
- 2) оказание помощи в получении заказов со стороны государства;
- 3) оказание консультационных услуг данным предприятиям со стороны государства.

Данная система кардинально отличается от принятой в России [5]:

1. В США 55 % инноваций осуществляются спонсорами *SBA*, при том что в РФ используются такие методы, как гранты, конкурсы и т.д.

2. Материально-техническая поддержка, то есть возможность приобретения оборудования, зданий, сооружений, техники, транспортных средств на льготных условиях. В России финансовая поддержка малого и среднего бизнеса осуществляется посредством создания специальных фондов.

Очень специфично развитие малого и среднего предпринимательства в Японии. У них малые и средние предприятия играют большую роль в жизни страны и ее развитии, отношение к ним находится на уровне больших предприятий. В данной стране существует практика, когда часть заказа от крупных предприятий передается на исполнение малым и средним, что позволяет им динамично развиваться [6].

В Японии государственная поддержка малого и среднего предпринимательства делится на четыре уровня поддержки для малых и средних предприятий:

1. Центральное правительство.
2. Местные органы государственной власти.
3. Крупный бизнес.
4. Самостоятельные объединения малого бизнеса [6].

В данной поддержке правительство и органы государственной власти оказывают помощь предприятиям путем предоставления им льготных займов, отсрочки по уплате кредитов, а также проведение обучение работников.

Также малым предприятиям оказывается помощь, которую в дальнейшем возвращать обратно не требуется. Данная помощь выдается на проведение научно-технических исследований:

1. Совершенствование технологий для пищевой промышленности.
2. Улучшение технологического процесса в машиностроении.
3. Проведение совместных разработок с привлечением университетов.

Значительную роль в поддержке малого и среднего бизнеса играет «финансовая корпорация малого бизнеса Японии». Данная организация предоставляет возможность получения льготных кредитов на долгосрочной основе для увеличения своих как основных, так и оборотных средств [2].

Банк Соко-Чукин в Японии является специализированным на предоставлении интересов малых и средних предприятий и их поддержке.

Для осуществления финансирования программ, которые имеют приоритетное значение для страны, таких как: забота об окружающей среде, совершенствование технологий энергосбережения, малым и средним предприятиям предоставляется льготные программы от «Финансовой корпорации малого бизнеса», а также «национальной финансовой корпорации».

На основании вышеизложенного в этой стране эффективно функционирует государственная поддержка малого предпринимательства на разных уровнях.

В странах Европы государственную поддержку малого и среднего предпринимательства проводят специально созданные подразделения различных ведомств государственной власти. В Великобритании создана служба, которая располагается при Министерстве торговли и промышленности. В ее задачи входит оказание помощи предприятиям в получении финансирования, а также обучении сотрудников предприятий и оказание консультационных услуг [7].

В данной стране заострено внимание на подготовке и квалификации кадров. Среди престижных учебных заведений стоит выделить учебные заведения в Лондоне, Манчестере. В данных учебных заведениях углубленно изучают экономику и основы ведения своего бизнеса на протяжении 16 недель [3].

Во Франции существует практика по возмещению затрат потраченных на внедрение новых технологий и оборудования. Доля возмещения составляет порядка 35 % от вложенных средств [6].

Что касается Швеции, у них приняты более жесткие условия по предоставлению льготных кредитов и других видов поддержки. Так льготные кредиты им предоставляются, если деятельности предприятия принесла результаты.

В Дании предоставляется кредит с нулевой ставкой на три года, которая компенсирует от 50 % до 70 % расходов организации [3].

В Германии поддержка предприятий проводится с помощью льготного кредитования. Кредиты могут получать только полностью платежеспособные бизнесмены. Частные коммерческие организации заключают с предприятием договор на проведение рефинансирования кредита. После этого банк с государственным участием предоставляет денежные средства коммерческим банкам на финансирование проектов алых и средних предприятий.

За возврат денежных средств отвечает коммерческий банк, который и предоставил финансирование предприятиям.

Некоторые предприятия в Германии могут воспользоваться льготными условиями [6]:

- низкая процентная ставка по кредитам;
- предприниматель освобождается на первые два года от выплаты кредита.

Имеется интересное положение, которое было принято в 1976 г. в ФРГ, в котором указывается, как происходит регулирование деятельности малых и средних предприятий, которые выполняют государственные заказы. В случаях возникновения подозрения в ущемлении прав малых предприятий они могут пожаловаться в контролирующие органы [4].

Одной из эффективных мер поддержки малых и средних предприятий является проведение обучений их сотрудников с привлечением государственных организаций.

Таким образом, в данной статье были рассмотрены особенности государственной поддержки предпринимательства в разных странах. Было выявлено, что способы и методы поддержания бизнеса в каждой стране различны. В России еще нет настолько развитой системы поддержания малого и среднего предпринимательства, как например, в США, Японии или ФРГ. Российским государственным органам власти необходимо обратить внимание на опыт США в отношении предоставления оборудования, зданий, сооружений, техники, транспортных средств по льготным ценам. А также предоставления в аренду помещений, транспортных средств или оборудования по более низким арендным платам. Также интересен опыт Японии в отношении помощи обучения персонала. Технологии развиваются достаточно быстро и не всегда кадры успевают разобратся в данных новшествах, а у предпринимателя не всегда есть средства на его переквалификацию. Данные мероприятия значительно бы простимулировали развитие малого и среднего бизнеса в РФ.

Список литературы

1. Аналитика малого предпринимательства. URL: <http://www.giac.ru>
2. Гитота С. И. Анализ поддержки малого и среднего предпринимательства в России и за рубежом // Научное сообщество студентов

XXI столетия. Экономические науки : сб. ст. по материалам XXXV Международ. студ. науч.-практ. конф. URL: [http://sibac.info/archive/economy/8\(35\).pdf](http://sibac.info/archive/economy/8(35).pdf) (дата обращения: 21.09.2022).

3. Ларичева Е. А., Скляр Е. Н. Сравнительный анализ развития малого и среднего предпринимательства в России и за рубежом. Брянск : БГТУ. URL: http://www.science-bsea.bgita.ru/2014/ekonom_2014_22/laricheva_sravnit.htm

4. Медведева Н. А. Методология сценарного прогнозирования развития экономических систем. Вологда : Молочное : ИЦ ВГМХА, 2015. 200 с.

5. Администрация малого бизнеса США : офиц. сайт. URL: <http://www.sba.gov/aboutsba/index.html>

6. Министерство экономического развития Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://economy.gov.ru>

7. Форум о русском бизнесе : офиц. сайт. URL: <https://timemakemoney.ru/viewtopic.php?t=234>

ВНЕДРЕНИЕ CRM КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ПОВЫСИТЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ КОМПАНИИ

***Вадим Юрьевич Щеглов¹,
Камилла Маратовна Хакимова²***

^{1,2}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассматриваются вопросы внедрения CRM-системы с целью повышения производительности компании, также рассмотрены основные преимущества и недостатки.

Ключевые слова: CRM, CRM-система, компания, бизнес, бизнес-процессы

Customer Relationship Management или сокращенно CRM-система – это такая политика ведения бизнеса, нацеленная на исследование и представлении потребностей имеющихся и возможных покупателей. Вследствие консолидации абсолютных данных о заказчиках и событии взаимодействия с ними создается проект привлечения и удержания собственных покупателей, что в результате обеспечивает повышение доходов, прибыли. Можно сказать, CRM-система оценивает клиентов равно как основной актив организации.

С другой стороны, CRM-система – это система инструментов и функций, связанных с логикой работы предприятия, связанная в одну корпоративную систему предприятия [1].

При проведении автоматизации бизнес-процессов предприятия мы сможем направиться к «необходимому» покупателю в «надлежащий» период времени с наиболее результативным предложением и по самому комфортному для покупателя каналу взаимодействия.

Основной целью внедрения CRM системы считается возрастание прибыли организации за счет рационального взаимодействия с покупателями. Он формируется за счет увеличения доходности клиентской базы и снижения издержек на ее обслуживание. Но многочисленные фирмы оценивают CRM систему как способ уменьшения издержек, а не повышения доходов, несмотря на то, что имеет возможность решить данные проблемы. Повышения лояльности покупателей, а также перевод бизнес-процессов не является основной целью по внедрению CRM-системы, а является лишь их улучшение [2].

Эффективностью внедрения CRM-системы является повышение доверия клиентов к предприятию и увеличение доверия их, а также повышение качества производимой продукции. Приведем примеры улучшения результатов работы по элементам:

- увеличение доли лояльных клиентов;
- внесение изменений в производственную программу согласно пожеланиям клиентов;
- снижение числа ушедших клиентов;
- увеличение доли продаж постоянным клиентам;
- повышение среднего чека по продажам.

Лояльность клиентов необходимо рассматривать, беря определенный период времени и учитывается объем полученной выручки к доли произведенной покупки постоянных клиентов.

Первый показатель показывает, какой результат получило предприятие в денежном выражении, а второй показатель выражается в процентах. Индекс лояльности постоянных покупателей показывает долю купленной продукции предприятия за определенный период времени данной продукции в сравнении по годам. Если клиент является постоянным покупателем и все необходимые товары, которые производит данная организация, покупает у нее из года в год, тогда клиент считается абсолютно лояльным клиентом.

Эффективность работы с клиентом является:

- время от начала знакомства до подписания контракта;
- количество проведенных покупок в определенный период времени;
- наличие просроченной задолженности;
- количество сорвавшихся сделок;
- процент продаж новым клиентам.

У CRM системы имеются не только положительные стороны, но присутствуют и отрицательные.

CRM дают возможность руководителям различных компаний:

- облегчить работу;
- уменьшить затраты;
- увеличить уровень обслуживания покупателей.

Помимо этого, стоит выделить огромное количество инструментов управления организацией в рамках одной программы. Инновационные CRM предоставляют возможность распоряжаться всеми секторами бизнеса, а именно, проектами, персоналом, учетом покупателей, коммуникациями, документооборотом, капиталом, веб-сайтом, временем, рассылками и т. д. Поэтому для компании нет потребности устанавливать большое количество программ и расходовать большое количество денежных средств на их содержание [3]. Все сведения хранятся в одном месте.

CRM устроена так, что все данные о клиентах находятся в одном месте. Все сведения за все годы постоянно в открытом доступе у каждого из работников организации. Быстрый доступ к сведениям гарантирует качественную работу с покупателями. При приеме на работу нового работника отпадает необходимость подгонять под него новые данные и тем самым не успеть в срок выполнить условия контракта. Представляется возможность осуществлять работу с документами из различных мест, где имеется Интернет: дома, в пути, в командировке. При этом, поскольку CRM обслуживает одна фирма, появляется огромная степень защиты сведений и наиболее точный уровень разграничения доступа к ним, что ликвидирует утечку информации.

Повышение эффективности работы работников. С помощью CRM появляется возможность контролировать работу работников и отслеживать кто чем и в какое время занимается, а также про-

смаатривать результативность работы по различным работникам, а также контролировать сроки выполнения работы.

CRM система дает возможность просматривать результаты работы с помощью графиков и диаграмм, что позволяет оперативно вносить коррективы.

С помощью своих больших возможностей CRM позволяет проводить более эффективную политику по расходованию бюджета предприятия и экономить на различных направлениях. Кроме этого CRM даются разнообразные наборы, в которых можно отметить конкретное число сотрудников, что позволяет снизить стоимость CRM. Определённые тестовые версии CRM можно применять бесплатно.

Легкость внедрения. Нет потребности вызывать команду экспертов расходовать время на ее установку большое количество времени. Для ее установки достаточно произвести загрузку с диска. CRM позволяет начать ее использование сразу же после ее установки и настройки. Работники без особого труда смогут разобраться с ней [1, 2].

К недостаткам некоторых программ относят сложность по установке и настройке, но таких программ достаточно мало.

Вначале использования CRM большинство работников будет против ее использования. Это вызвано, в первую очередь, тем, какие возможности предоставляет данная программа. Для этого необходимо провести с работниками обучение, и на примерах показать, какие возможности она предоставляет. Данное обучение могут провести представители компании разработчика.

Некоторые CRM продукты имеют в своей структуре уязвимости и могут выходить из строя, а также наносить вред деятельности предприятия.

Это связано с проработкой продукта или простой экономией на стадии ее разработки. Крупные разработчики стремятся заботиться о своем имени и при возникновении различных неприятностей оперативно стремятся их устранить.

Согласно мнению экспертов, существуют возможные эффекты от внедрения CRM-системы:

1. Увеличение прибыльности в среднем на 2 % в год это показывает, что организация получит эффект от ее внедрения, а не только расходы. Также может увеличиться рентабельность бизнеса и расширение возможности ведения бизнеса на новом уровне.

2. CRM позволят сократить расходы на маркетинговые мероприятия на 10 % за счет более точного подбора своего клиента. Кроме этого, способность определить их потребности. Появляется возможность сосредоточиться на лояльных и денежных клиентах, что даст непрерывный поток денежных средств.

3. Помощью CRM произойдет повышение показателей работы менеджеров на 10 % как результат проявления большего интереса со стороны клиентов, а также производительности труда других работников. Кроме этого, произойдет сокращение затраченного времени на обслуживание клиентов. В дальнейшем появится возможность по сокращению количества менеджеров без потери объемов продаж.

4. Увеличение числа выигранных сделок в среднем на 5 % в год – как результат точного рассмотрения ожидаемого дохода и несогласия от ведения невыгодных (убыточных) сделок.

5. CRM поможет повысить удовлетворённость клиентов и увеличить средний чек. Также повысится коммуникация среди клиентов, что поможет привести новых покупателей [4].

Таким образом, внедрение CRM-системы считается одним из самых важных направлений развития бизнеса, организации, способная обеспечить увеличение качества обслуживания покупателей, сократить издержки, тем самым увеличивая прибыль и эффективность организации.

Список литературы

1. Королева О. А. Внедрение CRM-системы в организации // Новая наука: стратегии и векторы развития. 2015. № 6-1. С. 152–153.
2. Кузьмина Э. В. Моделирование бизнес-процессов предприятия при внедрении CRM-систем // Сфера услуг: инновации и качество. 2017. № 28.
3. Ускенбаева Р. К., Булегенов Д. А. CRM-система как необходимый компонент успешного бизнеса // Молодой ученый. 2016. № 10. С. 101–105.
4. Чудов А. В. Внедрение CRM. Преимущества и недостатки // Модернизация российской экономики: прогнозы и реальность. 2017. С. 676–678.

РАЗДЕЛ 5. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕДИЦИНСКОЙ НАУКИ

FEATURES OF DENTAL DISEASES OF CHILDREN IN THE PENZA REGION

*Daiana Damirbekovna Esenalieva¹,
Natalia Nikolaevna Mitrofanova²*

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

Abstract. The incidence of dental diseases in the Russian Federation among the child population is steadily increasing. Among dental diseases of the maxillary system, carious disease prevails in people of different age groups. As a result of the conducted research, the presence of a tendency to increase the incidence of caries in children and adolescents in the Penza region was established.

Keywords: caries, morbidity, hypoplasia, fluorosis, herpes, depulption

Currently, the dental health of the population in many countries of the world has a steady tendency to deteriorate. According to WHO, the prevalence of oral diseases in children reaches 60 % by the age of 14.

Caries affects an average of 5–6 teeth in each child. More than 94 % of young people aged 18 suffer from caries and its consequences. A significant impact on the dental status of a person as a whole is caused by the widespread deterioration of the environmental situation, changes in lifestyle and diet, urbanization, deterioration of drinking water quality, climatic and geographical and production factors [2, 4].

The fact that some mechanisms of the carious process are still being discussed in the presence of a huge number of scientific studies indicates its complexity. The high specificity of tooth enamel, which has neither vessels nor nerves in its composition, does not allow us to draw analogies with the pathology of any other organ or tissue [1, 3, 5].

The aim of the study is to study the peculiarities of the morbidity of the children's population of the Penza region with various types of caries. With the help of practical research methods to identify the trend of changes in the pH of the oral cavity in patients with carious lesions of the teeth.

Materials and methods. To achieve this goal, a clinical and epidemiological study was performed, which included patients aged 11 to 15 years. The study was conducted in the outpatient office of a specialized dental clinic.

To study the pH of the oral cavity, a universal indicator paper was used, which was applied to the surface of the gums for 5 seconds. Next, the indicator was placed on a white waterproof substrate for the convenience of evaluating the result.

A total of 200 children aged 11 to 15 years, including 103 boys and 97 girls, were studied during the period from March to April 2019.

Among boys, caries occurs in 27 people, which is 26 %, among whom 74 % have superficial caries, 44 % – medium, 19 % – deep caries. Among adolescents with carious lesions of the teeth, other diseases of the oral cavity are also observed: 74 % have hypoplasia, 11 % fluorosis, 11 % herpes, 7 % cracked lips (smokers), 7 % depulcation and the presence of fillings.

Cariou dental lesions among girls are observed in 53 people, which is 55 %, among them 70 % have superficial caries, 24 % medium, 6 % deep caries. The presence of concomitant pathologies of the oral cavity was established: 32 % have hypoplasia, 8 % have fluorosis, 8 % have fillings and depulcation.

In the course of the work, it was revealed that carious lesions of the teeth are more often observed in girls – 55 % (53 people) than in boys – 26 % (27 people). The majority of patients with caries have the initial stage of the carious process – superficial caries – 57 %. The incidence of hypoplasia and fluorosis is approximately the same in 2 groups of subjects. Normally, the saliva reaction is more often neutral or slightly alkaline (pH 7.0). When studying the level of acidity of plaque with the help of indicator strips, it was found that in all patients with carious lesions of the teeth, the pH was reduced in the acidic side. The acidity of plaque depends on the condition of the hard tissues of the teeth. Being neutral in healthy teeth, it shifts to the acidic side, depending on the degree of caries development and the age of adolescents. In 11–12-year-olds with the initial stage of caries, the acidity of plaque is 6.0–6.5 pH, in 13–15-year-olds with average caries, the acidity of plaque is from 5.5 to 6.0 pH.

Thus, based on the analysis of statistical indicators, it was found that carious lesions of dental tissues are more common in girls, mainly in the initial stage of superficial caries.

It was found that in adolescents with carious lesions of the teeth, there is a decrease in the pH of the oral cavity due to the action of the products of the vital activity of microorganisms of the oral cavity. The nature of the pH shift to the acidic side depends on the degree of development of the pathological process and the age of the patients.

References

1. Bondareva E. S., Kalinichenko N. V., Zaika V. M. Microbiological studies of oral fluid and dentoalveolar furrow in children // Article. 2017. P. 139–144.
2. Gudkova N. V. Study of oropharyngeal microbiocenosis in children by microbiome-associated metabolomics : dissertation for the degree of Candidate of Biological Sciences. M., 2022. 147 p.
3. Daminova Sh., Abdullaev Zh., Matkulieva S. [et. al.] Development of prognostic criteria for a comprehensive assessment of risk factors for the development of dental caries in primary school children // Article. 2023. P. 38–41.
4. Khushvakhtov D. D. Complex treatment of patients with purulent inflammatory processes of the oral cavity with the use of sorption dressing “Vita Vallis” : dissertation for the degree of Candidate of Medical Sciences. Dushanbe, 2023. 158 p.
5. Samoukina A. M., Mikhailova E. S., Chervinets V. M. [et al.]. Microbiological monitoring of oral fluid in clinically healthy children // Dentistry. 2015. Vol. 94. P. 11–13.

THE ROLE OF GUT MICROBIOTA IN LIVER DISEASES

*Sakshi Suhas Kamble¹,
Natalia Alexandrovna Pravosudova²*

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

Abstract. The intestinal microbiota and bacterial products may contribute to the development of liver diseases through multiple mechanisms including increased intestinal permeability, chronic systemic inflammation, production of short-chain fatty acids and changes in metabolism. Herein, we discuss the relationship between the intestinal microbiota and liver diseases, as well as reviewing intestinal microbiota-based treatment options that are currently being investigated.

Keywords: microbiome, microbiota, intestinal microbiota, gut-liver axis, liver diseases

Introduction

The human intestinal microbiota (IM) is made up of bacteria, archaea and eukaryotic microorganisms and viruses. Currently, there are 1000 known species of bacteria and approximately 10^{14} microorganisms. Two dominant phyla, *Bacteroidetes* and *Firmicutes*, comprise 90 % of bacteria in the human digestive tract. The IM plays an essential role in the digestion of food, synthesis of vitamins, metabolism, immune system function, inflammation and cell proliferation. Recently, disturbances in the IM, or dysbiosis, have been associated with several diseases, including a wide range of hepatic disorders.

Emerging evidence supports the bidirectional relationship between the IM and the liver, which results from the liver receiving 75 % of its blood supply from the intestines via the portal vein and the liver releasing bile acids into the biliary tract. As a result, the IM may contribute to liver diseases through several mechanisms that can be influenced by bacterial composition, IM metabolism of bile acids, diet, environmental factors and genetics, with bacteria, bacterial products and metabolites translocating through the intestinal barrier into the portal system, and then the liver [4].

The aim of this article is to outline how the IM and liver interact with each other. We will focus on the IM's role in the pathogenesis of liver diseases, specifically non-alcoholic fatty liver disease (NAFLD), alcohol-related liver disease (ALD), primary biliary cholangitis, hepatocellular carcinoma (HCC) and cirrhosis.

Non-alcoholic fatty liver disease

Non-alcoholic fatty liver disease (NAFLD) is a complex and multifactorial condition characterized by the accumulation of fat in the liver in the absence of excessive alcohol consumption. NAFLD encompasses a spectrum of liver diseases, ranging from simple steatosis (fatty liver) to non-alcoholic steatohepatitis (NASH), which is characterized by liver inflammation and damage. The role of the gut microbiota in NAFLD has garnered significant attention in recent years, highlighting its impact on disease pathogenesis. The gut-liver axis refers to the bidirectional communication between the gut and the liver, mediated by microbial products, immune factors, and metabolites. The dysregulated gut microbiota composition in NAFLD alters the microbial metabolites reaching the liver, affecting liver function and disease progression [3].

a. **Dysbiosis:** Dysbiosis, or an imbalance in the gut microbial community, is observed in NAFLD patients. This dysbiosis includes

a decrease in beneficial bacteria, such as Bacteroidetes and Firmicutes, and an increase in potentially harmful bacteria, such as Proteobacteria. This alteration in the gut microbiota composition triggers a series of events leading to liver disease.

b. Gut Barrier Dysfunction: Dysbiosis in NAFLD is often associated with increased gut permeability, known as «leaky gut». The altered gut microbiota contributes to the disruption of tight junction proteins in the intestinal epithelial cells, compromising the integrity of the intestinal barrier. As a result, harmful bacterial components, such as lipopolysaccharides (LPS), and microbial metabolites can escape into the bloodstream. The translocation of LPS and other microbial components from the gut to the liver triggers an immune response and the activation of hepatic immune cells, including Kupffer cells and inflammatory cells. This immune activation results in the release of pro-inflammatory cytokines, such as tumor necrosis factor-alpha (TNF- α) and interleukin-1 beta (IL-1 β), contributing to the development and progression of liver inflammation in NAFLD. Furthermore, the chronic low-grade inflammation in the liver, termed «metabolic inflammation», is involved in the progression from simple steatosis to NASH.

c. The altered gut microbiota is associated with changes in the metabolism of dietary components, resulting in the production of various metabolites, including short-chain fatty acids (SCFAs) and endotoxins. SCFAs, such as acetate, propionate, and butyrate, are produced by bacterial fermentation of dietary fiber. Acetate is primarily absorbed and utilized by peripheral tissues, while propionate and butyrate play important roles in energy metabolism and modulating host immune responses. Alterations in SCFA production have been implicated in the regulation of hepatic lipid metabolism and inflammation.

d. Endotoxins, primarily derived from the outer membrane of Gram-negative bacteria, can contribute to liver inflammation and metabolic dysfunction. LPS, a well-known endotoxin derived from the outer membrane of Gram-negative bacteria, has been extensively studied in NAFLD. Translocation of LPS from the gut to the liver initiates the activation of Toll-like receptor 4 (TLR4) signalling pathway, leading to the release of pro-inflammatory mediators and the induction of liver inflammation [3].

Alcoholic liver disease

Alcoholic liver disease (ALD) is a major global health concern characterized by liver inflammation and damage resulting from chronic

alcohol consumption. The pathogenesis of ALD involves various factors, including oxidative stress, immune dysfunction, and gut dysbiosis.

Chronic alcohol consumption profoundly affects the gut microbial composition and diversity. Alterations in the gut microbiota of individuals with ALD, characterized by a decrease in beneficial bacteria and an increase in potentially pathogenic bacteria. Intestinal dysbiosis in ALD is characterized by the abundance of endotoxin-producing bacteria (*Enterobacteriaceae* and *Streptococcus*) and reduced protective strains such as *Bacteroidetes* and *Lactobacillus*. Also, SCFA-producing strains, such as *Lachnospiraceae* and *Ruminococcaceae*, are drastically reduced.

Several mechanisms contribute to the associations between gut dysbiosis and ALD. One key mechanism is the disruption of gut barrier function. The gut barrier is responsible for preventing the passage of harmful substances, such as bacteria and their products, from the intestine into systemic circulation. Chronic alcohol consumption compromises the intestinal barrier integrity, leading to increased gut permeability or «leaky gut». This alteration allows microbial products, such as lipopolysaccharides (LPS), to translocate from the gut lumen into the bloodstream. Moreover, gut dysbiosis in ALD is associated with alterations in the metabolism of alcohol and its metabolites, as well as the production of various microbial metabolites. The gut microbiota is involved in the metabolism of alcohol by producing enzymes, such as alcohol dehydrogenase and acetaldehyde dehydrogenase, which can influence systemic alcohol concentration. Dysbiosis alters the activity and expression of these microbial enzymes, leading to changes in alcohol metabolism and potentially increasing the risk of ALD development. Studies have shown that certain gut bacteria are associated with changes in host lipid metabolism and adipose tissue inflammation, contributing to the development of hepatic steatosis (fatty liver) [5].

Primary biliary cholangitis

Primary biliary cholangitis (PBC) is an autoimmune disease that results in the progressive destruction of the bile ducts within the liver.

Firstly, studies have found differences in the composition of the gut microbiome between patients with PBC and healthy individuals. These differences include alterations in the abundance of specific bacterial taxa, such as increased levels of *Escherichia coli* and decreased levels of *Bacteroidetes*. These changes in the microbiome may influence the development and progression of PBC by affecting immune re-

sponses and the metabolism of bile acids, which are involved in the pathogenesis of the disease.

Secondly, experimental and animal studies have provided insights into the potential mechanisms by which the gut microbiome can contribute to PBC. For example, it has been shown that certain bacteria, such as *Novosphingobium* and *Pseudomonas*, can mimic the biochemical features of the pyruvate dehydrogenase complex (PDC), a target of autoantibodies in PBC. Through molecular mimicry, these bacteria can stimulate an autoimmune response that targets the bile ducts and leads to the destruction seen in PBC (fig.1). Dysbiosis-induced changes in bile acid metabolism can promote the accumulation of toxic bile acids, which can further damage the liver and contribute to the progression of PBC [6].

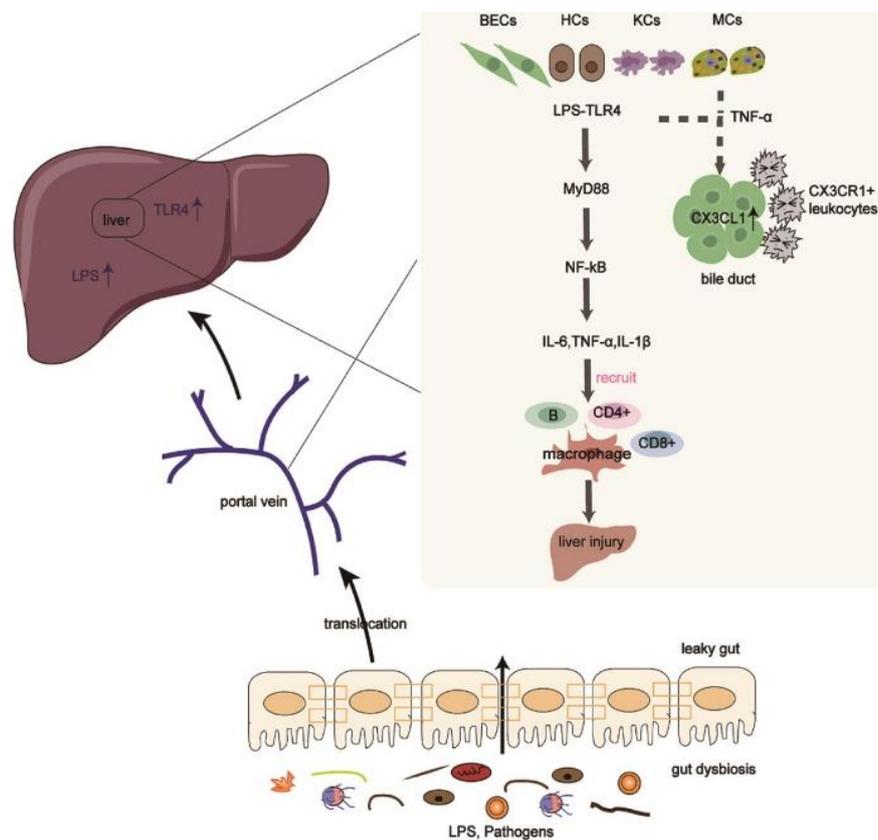

Fig. 1. Pathogenesis of PBC

Liver cirrhosis

Liver cirrhosis is a chronic liver disease characterized by the replacement of healthy liver tissue with scar tissue. It is often caused by long-term liver damage from various factors such as chronic alcohol

abuse, viral hepatitis, autoimmune diseases, and non-alcoholic fatty liver disease (NAFLD). The gut microbiome, composed of trillions of microorganisms residing in the gastrointestinal tract, has recently emerged as an important player in the development and progression of liver cirrhosis.

Dysbiosis, an imbalance in the composition and diversity of the gut microbiome, is commonly observed in patients with liver cirrhosis. It leads to increased gut permeability, allowing the translocation of gut-derived microbial products (e.g., lipopolysaccharides) into the systemic circulation. Once in the liver, these microbial products activate immune cells and promote inflammation, contributing to the development and progression of liver cirrhosis. It also results in altered bile acid metabolism, leading to an accumulation of toxic bile acid metabolites. These toxic metabolites can cause liver cell injury and contribute to the progression of liver cirrhosis [4].

Hepatic encephalopathy (HE), a neuropsychiatric syndrome characterized by cognitive impairment in patients with liver cirrhosis, has been associated with the gut microbiome. Dysbiosis can lead to increased production of ammonia by certain gut bacteria, which can then enter the systemic circulation and affect brain function, contributing to the development of HE. The disruption of gut microbial balance weakens the gut barrier function, allowing pathogenic bacteria to translocate from the intestine to other body sites, including the peritoneal cavity.

Probiotics can restore the natural balance of gut microbiota by increasing the abundance of beneficial bacteria and inhibiting the growth of harmful bacteria. They promote a healthy gut ecosystem, which is crucial for overall liver health. They can strengthen the gut barrier, thus reducing bacterial translocation and preventing liver injury. Probiotics have been shown to reduce the production of pro-inflammatory cytokines and promote an anti-inflammatory environment, which can alleviate liver inflammation. Liver diseases often coexist with other conditions, such as obesity, diabetes, and cardiovascular diseases, which are known to be influenced by gut dysbiosis. Probiotics have been shown to improve metabolic parameters and reduce the risk factors associated with comorbidities, providing additional benefits in the context of liver diseases. Additionally, fecal microbiota transplantation (FMT), in which fecal matter from a healthy donor is transplanted into the intestines of a patient, is being explored [1].

Hepatocellular carcinoma

The gut microbiome is increasingly being recognized as playing an important role in the development and progression of various diseases, including hepatocellular carcinoma (HCC). Here are some key roles of the gut microbiome in HCC:

1. Inflammation and immune dysregulation: The composition and activity of the gut microbiome can influence the host immune response and inflammation level. Dysbiosis, an imbalance in the gut microbiota composition, can lead to chronic low-grade inflammation in the liver, which promotes the development of HCC. Specific bacterial species, such as *Enterococcus faecalis* and *Fusobacterium nucleatum*, have been associated with increased inflammation and HCC progression.

2. Generation of toxic metabolites: Some gut bacteria produce metabolites that can be directly toxic to the liver or contribute to DNA damage and mutation. For example, the gut microbial production of secondary bile acids, such as deoxycholic acid, has been linked to liver cancer development by promoting liver inflammation and DNA damage.

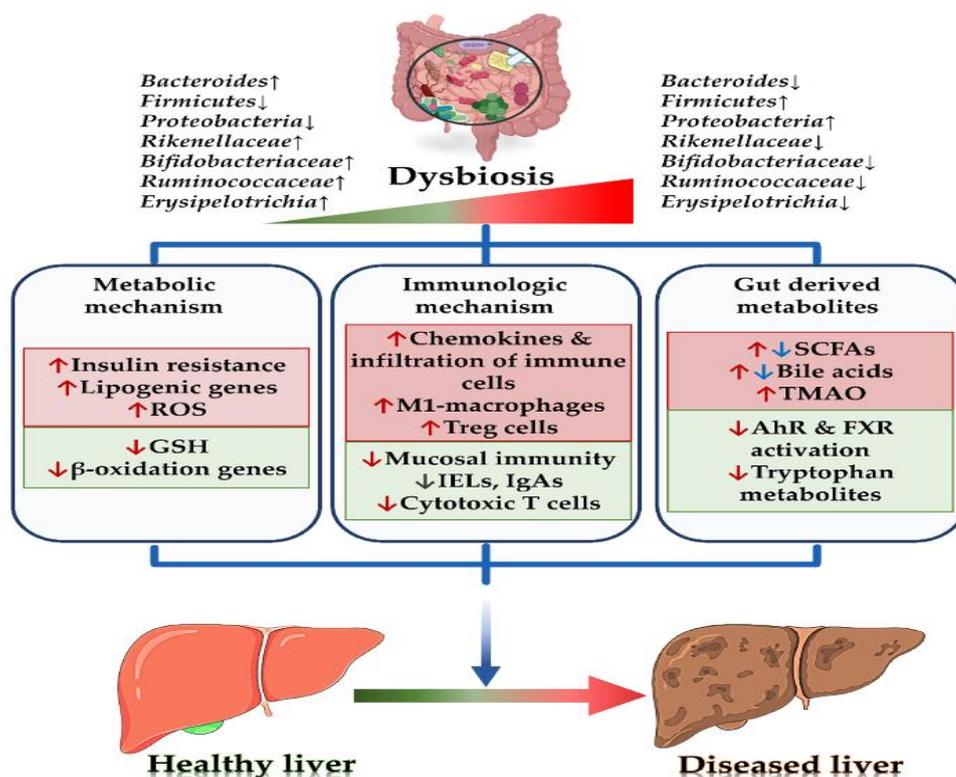
3. Alteration of nutrient metabolism: The gut microbiota has an impact on nutrient metabolism, particularly bile acid metabolism, which can affect liver function and HCC development. For example, changes in gut microbial composition can influence the enterohepatic circulation of bile acids, which can further affect bile acid signalling pathways involved in liver cancer progression.

4. Modulating response to cancer therapies: Emerging evidence suggests that the gut microbiome can influence the response to cancer therapies, including HCC treatment. Studies have shown that specific gut bacteria can metabolize anticancer drugs, altering their efficacy or toxicity. Furthermore, certain gut microbiota signatures have been associated with response to immunotherapy, highlighting the importance of the gut microbiome in modulating the anti-tumor immune response [2].

Conclusion

We reviewed the role of the gut microbiota in various liver diseases. In general, the liver and the intestine have a close connection through the gut-liver axis. The destruction of the intestinal barrier and the imbalance of the gut microbiota are the initiating factors that cause hepatic lesions (fig. 2). In different kinds or stages of hepatopathy, the composition of the gut microbiota is disparate. LPS, SCFAs, BA, and other bacterial metabolites are the main signals inducing immune

responses in liver tissue. The TLR family plays a key role in mediating these signals to produce liver inflammation. In terms of treatment, antibiotics, probiotics, prebiotics, synbiotics, and fecal microbiota transplantation are the main therapeutic methods targeting at gut microbiota, and their effectiveness has been confirmed in animal experiments and some small clinical studies.

F

ig. 2. Effects of Dysbiosis of Gut Microbiota

References

1. Albhaisi S. A. M., Bajaj J. S., Sanyal A. J. Role of gut microbiota in liver disease // American Journal of Physiology-Gastrointestinal and Liver Physiology. 2020. Vol. 318, № 1. P. G84–G98.
2. Chu H., Williams B., Schnabl B. Gut microbiota, fatty liver disease, and hepatocellular carcinoma // Liver research. 2018. Vol. 2, № 1. P. 43–51.
3. Doulberis M. [et al.]. Non-alcoholic fatty liver disease: an update with special focus on the role of gut microbiota // Metabolism. 2017. Vol. 71. P. 182–197.
4. Jandhyala S. M. [et al.]. Role of the normal gut microbiota // World journal of Gastroenterology: WJG. 2015. Vol. 21, № 29. P. 8787.

5. Sharma S. P., Suk K. T., Kim D. J. Significance of gut microbiota in alcoholic and non-alcoholic fatty liver diseases // World Journal of Gastroenterology. 2021. Vol. 27, № 37. P. 6161.

6. Wang L., Wan Y. J. Y. The role of gut microbiota in liver disease development and treatment // Liver research. 2019. Vol. 3, № 1. P. 3–18.

IMMUNOTHERAPY FOR CANCER. ADVANCES AND CHALLENGES

*Atharv Manoj Kulkarni¹,
Natalia Aleksandrovna Pravosudova²*

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

Abstract. As considering the quality of life and survival of patients, cancer immunotherapy has significantly improved their situation as compared to earlier standards of care, which included surgery, radiation, and chemotherapy. Nowadays, immunotherapy has solidified its position as a cutting-edge cornerstone of cancer treatment, serving as a neoadjuvant and adjuvant in a variety of cancer types as well as in the metastatic stage. In this article, we describe approaches to treating cancer by altering the activity of the immune system.

Keywords: immunotherapy, cancer, tumor, checkpoint inhibitors, vaccines

Introduction

Immunotherapy is treatment that uses certain parts of a person's immune system to fight diseases such as cancer. This can be done in many ways:

- Stimulating, or boosting, the natural defences of your immune system so it works harder or smarter to find and attack cancer cells;
- Making substances in a lab that are just like immune system components and using them to help restore or improve how your immune system works to find and attack cancer cells.

Immunotherapy has become important as a component of various cancer treatments in recent decades. New methods of interacting with the immune system are being found at a rapid rate, and new immunotherapy treatments are being tested and authorized. Certain cancers respond better to immunotherapy than others. For some of these tumors, it is used alone; however, for others, it appears to function better in combination with other forms of therapy [4].

The purpose of our work is the study of immunotherapeutic medicines for cancer treatment.

The organs, unique cells, and compounds that make up your immune system assist in defending you against infections and some other illnesses. Immune cells and the compounds they produce move throughout your body to defend against pathogens that might lead to illnesses. In many other ways, they also aid in cancer prevention.

All of the chemicals that are typically present in the body are monitored by the immune system. The immune system becomes alert to any novel material that it does not identify and launches an attack on it. Anything that contains the foreign substance – such as bacteria or cancer cells – can be destroyed by the immune response.

However, the immune system finds it more difficult to attack cancer cells. This is due to the fact that cancer begins when healthy, normal cells undergo changes or alteration and begin to proliferate uncontrollably. The immune system doesn't always identify cancer cells as alien because they genuinely begin as normal cells.

Since many people with healthy immune systems nevertheless get cancer today, it is obvious that the immune system has limitations when it comes to fighting cancer on its own.

Now and then the immune system doesn't see the cancer cells as outside since the cells aren't diverse sufficient from typical cells. Sometimes the immune system recognizes the cancer cells, but the response might not be strong enough to destroy the cancer. Cancer cells themselves can also give off substances that keep the immune system from finding and attacking them.

In order to combat this, scientists have found strategies to boost the immune system's capacity to identify cancer cells and intensify its defenses, ultimately leading to their destruction. Your body is genuinely getting rid of the cancer in this way, according to science [2].

Types of immunotherapy

Immunotherapy helps harness your body's immune system to target and destroy cancer. This is a general term that describes a number of treatments.

Some types of immunotherapy help strengthen your ability to fight disease in general. Others teach it attacks specific types of cells found in tumors [10].

➤ Immune Checkpoint Inhibitors

When your immune system attacks invaders such as bacteria and viruses, it uses a «brake» system called a checkpoint to prevent it from attacking your own healthy cells.

Cancer cells sometimes turn these checkpoints on or off so they can hide. Immune checkpoint inhibitors are drugs that release the brakes on your immune system (fig. 1). Eight of these drugs have been approved to treat cancer. They block the proteins PD-1, PD-L1, CTLA-4, and TF on the surface of immune cells, to let these cells go after the cancerous growth [10].

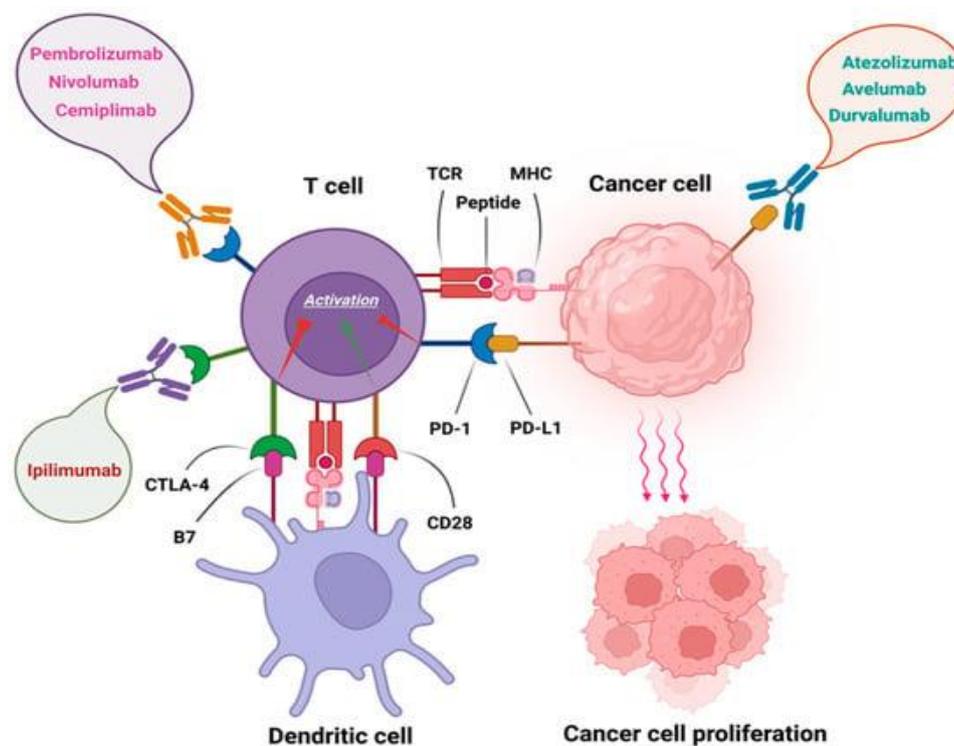

Fig.1. Immune checkpoint inhibitors approved by FDA (Pembrolizumab, Nivolumab, and Cemiplimab as anti-PD-1 antibodies, Ipilimumab as an anti-CTLA-4 antibody, as well as Atezolizumab, Avelumab, and Durvalumab as anti-PD-L1 antibodies)

PD-1 inhibitors:

- Pembrolizumab(Keytruda)
- Nivolumab (Opdivo)
- Cemiplimab (Libtayo)

PD-L1 inhibitors:

- Atezolizumab (Tecentriq)
- Avelumab (Bavencio)

- Durvalumab (Imfinzi)

CTLA-4 inhibitor:

- Ipilimumab (Yervoy)

TF inhibitor:

- tisotumab vedotin-tftv (Tivdak)

➤ **Tumor-infiltrating lymphocyte (TIL) therapy**

T cells are powerful white blood cells that fight infections. In this treatment, doctors remove T cells that have started to attack your tumor. They grow a large batch of these cells, called tumor-infiltrating lymphocytes (TILs), in a lab. They then put these activated fighters back into your body [2].

➤ **Engineered T-cell receptor (TCR) therapy**

This treatment removes T cells from your blood and reprograms them in a lab so they can find the cancer more easily. The engineered T cells look for tiny targets on the surface of your cancer cells [3, 8].

The FDA hasn't approved any T-cell receptor (TCR) therapies. These treatments are being tested in people with certain types of sarcoma (a soft-tissue cancer) and late-stage melanoma skin cancer

➤ **Chimeric antigen receptor (CAR) T-cell therapy**

Doctors add special receptors to the surface of cells, allowing them to latch onto and destroy the exact type of cancer (fig. 2).

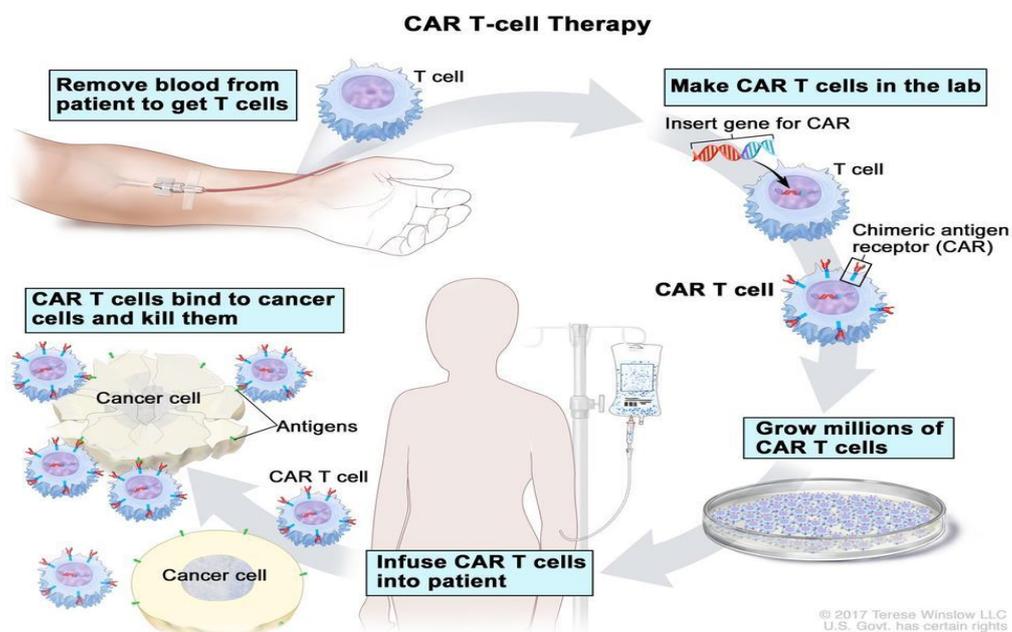

Fig. 2. CAR T-cell therapy is a type of treatment in which a patient's T cells (a type of immune cell) are changed in the laboratory so they will bind to cancer cells and kill them

There are only two FDA-approved CAR T cell therapies:

- Tisagenlecleucel (Kymriah) treats people up to age 25 with acute lymphoblastic leukemia and adults with certain types of large B-cell lymphoma [6].

- Axicabtagene ciloleucel (Yescarta) treats adults with some types of large B-cell lymphoma, such as non-Hodgkin's lymphoma [6].

➤ **Natural killer (NK) cell therapy**

These immune cells attack foreign invaders like cancer in your body. Adding Chimeric antigen receptor (CAR) to Natural killer (NK) cells helps them target the cancer even better (Fig. 3) [4].

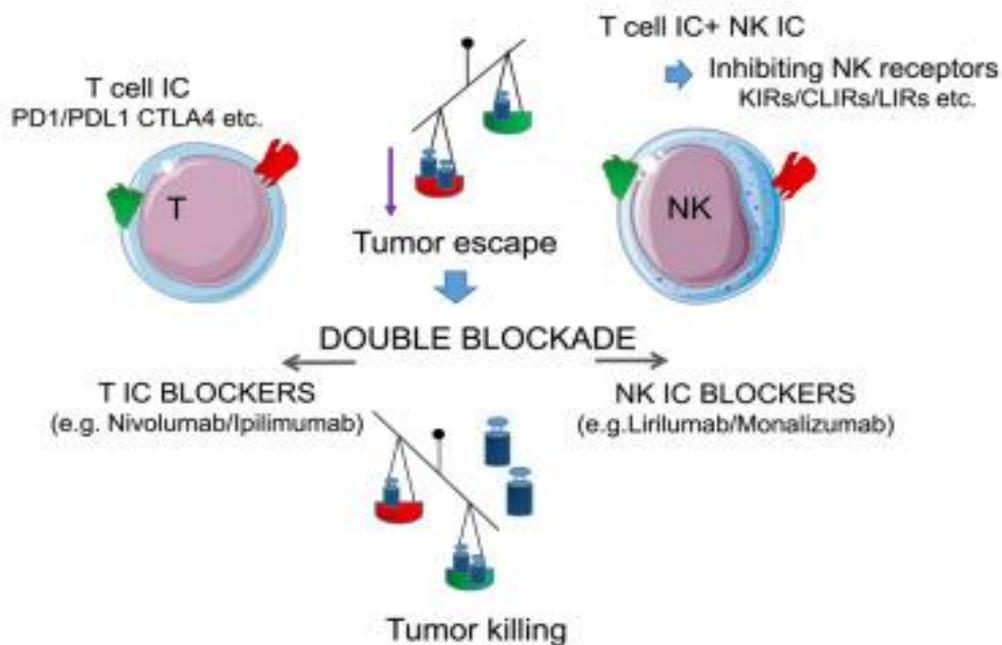

Fig. 3. Natural killer (NK) cell attacking tumor cells

➤ **Monoclonal Antibodies**

Antibodies are proteins your immune system makes. They find and stick to other proteins called antigens on cancer cells. Then they recruit other parts of your immune system to destroy the cancer [1, 2].

Researchers can create antibodies in the laboratory. They are called monoclonal antibodies and they work in different ways (Fig.4).

The FDA has endorsed more than a dozen monoclonal antibodies to treat these sorts of cancers: breast, lung, liver, bladder, head and neck, colorectal, stomach, prostate, melanoma, certain sorts of lymphoma and leukemia.

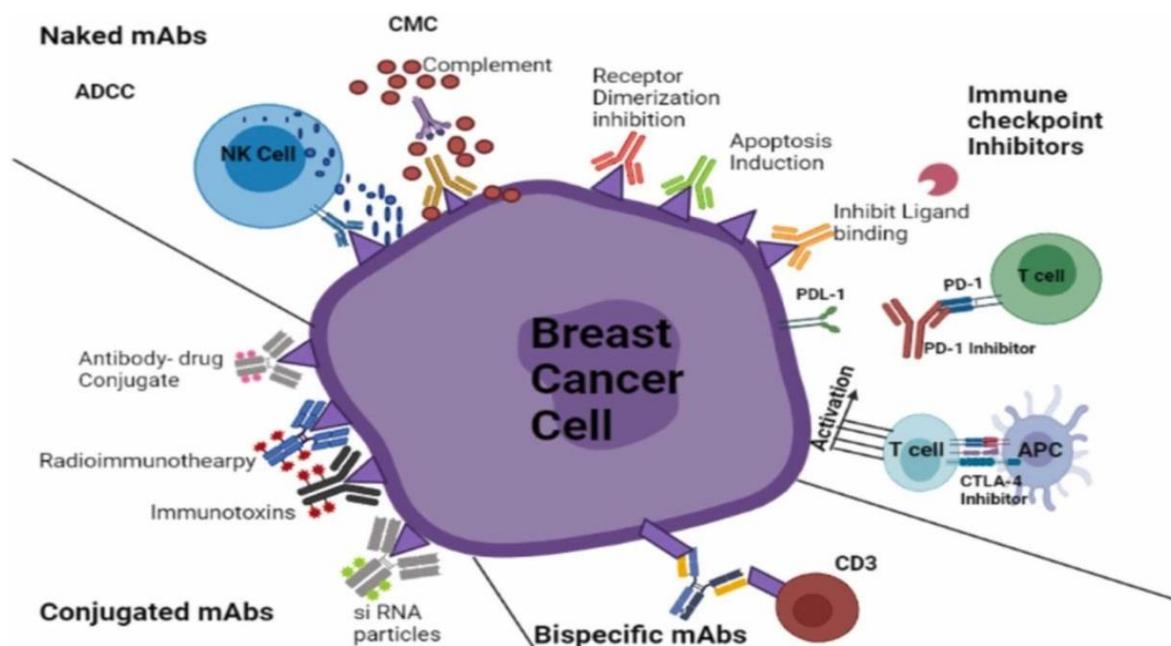

Fig. 4. Monoclonal antibodies, block a specific target on the outside of cancer cells

➤ **Naked monoclonal antibodies**

Naked monoclonal antibodies are the most common type used in cancer treatment. They're called naked because they're unattached to anything. These antibodies boost your immune system's response against the cancer, or block antigens that help the cancer grow and spread [1].

➤ **Conjugated monoclonal antibodies**

Conjugated monoclonal antibodies have a chemotherapy drug or radioactive particle attached to them (fig.4). The antibodies join specifically to cancerous cells. This decreases side impacts and makes a difference chemotherapy and radiation medications work superior [1].

➤ **Bispecific monoclonal antibodies**

Bispecific monoclonal antibodies attach to two proteins at once. Some attach to both a cancer cell and an immune cell (fig.4), This helps the immune system attack cancer.

Leukemia drugs such as blinatumomab (Blinicyto) have the ability to bind to both the protein on leukemic cells and the same protein in their T cells [8].

The FDA has approved more than a dozen monoclonal antibodies to treat several different types of cancer. Research is underway to see how this immunotherapy treatment might work against other cancer types [7].

➤ **Oncolytic Virus Therapy**

Viruses like influenza infect cells and make us sick. Oncolytic infections are a uncommon sort that contaminates and murders cancer cells without hurting healthy cells. The FDA has approved one oncolytic virus, talimogene laherparepvec (T-VEC, Imlygic), to treat metastatic melanoma [9].

➤ **Cancer Vaccines**

These use your immune system to prevent or treat cancer. Cancer vaccines are made from dead cancer cells, proteins or pieces or proteins from cancer cells, or immune system cells [5].

Four vaccines are approved to prevent cancer:

- **Cervarix, Gardasil, and Gardasil-9** Protection against human papillomavirus (HPV), which is associated with cancer of the cervix, throat, vagina, vulva, anus, and penis.
- **Hepatitis B (HBV) vaccine (HEPLISAV-B)** protects against HBV infections that can cause liver cancer.

Conclusion

Immunotherapy in cancer research represents a groundbreaking approach in the fight against this pervasive disease. This approach has garnered substantial attention and investment due to its potential to revolutionize cancer treatment.

One of the key principles of cancer immunotherapy is the recognition that cancer cells can often evade the immune system's surveillance.

Immunotherapy has shown remarkable success in treating various types of cancer, including melanoma, lung cancer, and certain blood cancers. However, its efficacy can vary from patient to patient, highlighting the need for ongoing research to refine and personalize treatment approaches.

As the field of immunotherapy for cancer research continues to evolve, it offers new hope for cancer patients, with the potential to provide more durable responses and fewer side effects compared to traditional treatments.

References

1. Bayer V. An overview of monoclonal antibodies // Seminars in oncology nursing. 2019. Vol. 35, № 5. P. 150927.
2. Behl A. [et al.]. Monoclonal antibodies in breast cancer: a critical appraisal // Critical Reviews in Oncology/Hematology. 2023. P. 103915.

3. Bonini C., Mondino A. Adoptive T-cell therapy for cancer: The era of engineered T cells // *European Journal of Immunology*. 2015. Vol. 45, № 9. P. 2457–2469.
4. Borghaei H., Smith M. R., Campbell K. S. Immunotherapy of cancer // *European Journal of pharmacology*. 2009. Vol. 625, № 1-3. P. 41–54.
5. Grenier J. M., Yeung S. T., Khanna K. M. Combination immunotherapy: taking cancer vaccines to the next level // *Frontiers in immunology*. 2018. Vol. 9. P. 610.
6. Lipowska-Bhalla G. [et al.]. Targeted immunotherapy of cancer with CAR T cells: achievements and challenges // *Cancer Immunology, Immunotherapy*. 2012. Vol. 61. P. 953–962.
7. Ott P. A. [et al.]. Combination immunotherapy: a road map // *Journal for Immunotherapy of Cancer*. 2017. Vol. 5. P. 1–15.
8. Perica K. [et al.]. Adoptive T cell immunotherapy for cancer // *Rambam Maimonides Medical Journal*. 2015. Vol. 6, № 1.
9. Shi T. [et al.]. Combining oncolytic viruses with cancer immunotherapy: establishing a new generation of cancer treatment // *Frontiers in Immunology*. 2020. Vol. 11. P. 683.
10. Shiravand Y. [et al.]. Immune checkpoint inhibitors in cancer therapy // *Current Oncology*. 2022. Vol. 29, № 5. P. 3044–3060.

AQUATIC MICROBIOLOGY

*Mitali Sanjay Magdum*¹,
*Maxim Sergeevich Kurtashkin*²

^{1,2}*Penza State University, Penza, Russia*

Abstract. The work covers the basics of aquatic microbiology and waterborne pathogens. The features of the pathogenesis and clinic of parasitic diseases: schistosomiasis and dracunculiasis are considered.

Keywords: aquatic microbiology, waterborne diseases, dracunculusmedinensis, schistosoma

Introduction

Aquatic microbiology is a diverse and expansive field that focuses on studying the interactions and dynamics of microorganisms in various aquatic ecosystems, including oceans, lakes, rivers, and other water bodies. In recent years, there have been significant advancements and

discoveries in this field, contributing to our understanding of the crucial role microorganisms play in aquatic ecosystems. Microbiota are the primary producers in the aquatic environment and are also the primary consumers.

Aquatic microorganisms are a focal point of research, particularly in areas such as biogeochemical cycling, material metabolism characteristics, pollutant degradation, ecological restoration, and public health.

Importance of aquatic microbes

Many microorganisms play foundational roles in aquatic ecosystems, capturing the sun's energy through photosynthesis and, through their role in decomposition, releasing nutrients stored in organic tissue.

Aquatic microorganisms are a double-edged sword to water quality. On one hand, their function in the nutrient cycling and bioremediation of chemical hazards improve water quality and maintain the health of aquatic ecosystems. On the other hand, the influx and transmission of microbial pathogens, particularly antimicrobial resistant pathogens, and the release and spread of microbial toxins in water impair water quality, harm the health of aquatic ecosystems, and threaten public health [3].

Water-borne diseases are the ones caused by pathogenic microbes spread via contaminated water. Transmission of these pathogens occurs while using infected water for drinking, food preparation, and washing clothes, among others. Many developing countries do not have proper water treatment plants, especially in the rural areas. In some places, the availability of water is so scarce that people have neither the time nor the money to afford the water purifiers or other water treatment mechanisms.

Majority of water-borne diseases worldwide mainly affect children due to poor hygiene and weak immunity. Most of these diseases are life-threatening. The knowledge of the different types of water-borne diseases has come to the forefront with the advent of globalization over the past few decades [6].

Epidemiology of Waterborne Diseases in Developed Countries

In developed countries, waterborne disease is no longer considered a constant threat. However, waterborne diseases have not been eradicated, and every year some waterborne outbreaks occur. Outbreaks caused by contaminated drinking water may have substantial public health impact and will cause large concern in the affected community. In recent years, the importance of non outbreak waterborne illness has gained renewed interest. The proportion of endemic gastrointestinal

illness in the community that can be attributed to water is unknown. Probably, drinking water systems that fulfil the required standards can intermittently be contaminated by pathogens either through low-level contamination of source water, inadequate water treatment or deterioration of water quality in the distribution system. Although the concentrations of infectious organisms may be very low in these incidents, they may result in sporadic cases of illness that are not recognized or investigated as a possible outbreak [6].

Epidemic of Waterborne Pathogens in Sub-Sahara Africa

The variability of the African climate and water resources characteristics, made some regions have sufficient water, while others like Sub-Saharan Africa (SSA) face numerous challenges concerning water issues that constrict economic growth and limit the livelihoods of its people.

Waterborne infectious diseases are the main cause of morbidity and mortality worldwide, causing around 801,000 children to die annually, due to diarrheal diseases compounded by malnutrition. Diarrheal diseases were classified as the fourth cause of disability in children after iron-deficiency anaemia, skin diseases and protein-energy malnutrition .

In Africa, drinking water might not provide the ideal microbiological quality that guarantee safe water for African communities adding more load of waterborne infectious diseases which already cause death of 2.2 million per annum and far more cases of illness every day. In SSA, World Health Organization (WHO) grouped diarrheal diseases due to viral, bacterial and parasitic causes in group 1 category to cause human death [3].

Parasitic worms play a special role among intestinal pathogens. The purpose of our work is to consider the properties of some pathogens of intestinal invasions.

Dracunculus medinensis

Dracunculus medinensis (Guinea worm, dragon worm, fiery serpent) is a nematode that causes dracunculiasis, also known as guinea worm disease. The disease is caused by the female which, at around 80 centimetres (31 inches) in length, is among the longest nematodes infecting humans. In contrast, the longest recorded male Guinea worm is only 4 cm.

Guinea worm is on target to be the second infectious disease of humans to be eradicated, after smallpox. It was formerly endemic to a wide swath of Africa and Eurasia; as of 2023, it remains endemic in

5 countries: Chad, Mali, South Sudan, Angola and Ethiopia, with most cases in Chad.

The female *D. medinensis* worm is a long white worm that can reach over a meter in length and a thickness between 1-2 mm. The male is significantly smaller, only a few centimeters in length, and dies soon after copulation. During the mating phase, both the male and female are approximate in size. Larval *Dracunculus medinensis* are free living, microscopic in size, and resembles free living nematodes. The female worm is covered in three layers of epicuticle and one thick layer of cuticle. Adult female worms have intestines but the organs are thought to be non-functional. In the larval worm, the anterior portion of the intestines can store food. In adult females, the majority of the body cavity is occupied by the uterus. *Dracunculus medinensis* is a parasite that feeds off of the nutrients of its hosts. In its larval stage, the worm feeds off of the internal tissue of its host, a copepod. When inside the human host, *D. medinensis* feeds on the surrounding tissue of its host, either through fluids in the intestines or muscles in the lower extremities [7].

Humans become infected by drinking water containing infected microcrustaceans (copepods). The larvae are released, penetrate the bowel wall, and mature in the abdominal cavity into adult worms in about 1 year.

After mating, the male dies, and the gravid female migrates through subcutaneous tissues, usually to the distal lower extremities. The cephalic end of the worm produces an indurated papule that vesiculates and eventually ulcerates. On contact with water (eg, when a person attempts to relieve the severe discomfort by immersing the affected limb), a loop of the worm's uterus prolapses through the skin and discharges motile larvae. Worms that do not reach the skin die and disintegrate or become calcified. Larvae are ingested by copepods.

In most endemic areas, transmission is seasonal and each infectious episode lasts about 1 year [6].

Dracunculiasis is typically asymptomatic for the first year. Symptoms develop when the worm erupts through the skin. Local symptoms include intense itching and a burning pain at the site of the skin lesion. Urticaria, erythema, dyspnea, vomiting, and pruritus are thought to reflect allergic reactions to worm antigens. If the worm is broken during expulsion or extraction, a severe inflammatory reaction ensues, causing disabling pain. Symptoms subside and the ulcer heals once the adult

worm is expelled. In about 50 % of cases, secondary bacterial infections occur along the track of the emerging worm.

The chronic stage of infection is associated with inflammation and pain in the joints and other signs of arthritis. Sequelae include fibrous ankylosis of joints and contraction of tendons [6, 7].

Schistosoma

Schistosoma is a genus of trematodes, commonly known as blood flukes. They are parasitic flatworms responsible for a highly significant group of infections in humans termed schistosomiasis, which is considered by the World Health Organization as the second-most socioeconomically devastating parasitic disease (after malaria), with hundreds of millions infected worldwide.

Adult flatworms parasitize blood capillaries of either the mesenteries or plexus of the bladder, depending on the infecting species. They are unique among trematodes and any other flatworms in that they are dioecious with distinct sexual dimorphism between male and female.

Thousands of eggs are released and reach either the bladder or the intestine (according to the infecting species), and these are then excreted in urine or feces to fresh water. Larvae must then pass through an intermediate snail host, before the next larval stage of the parasite emerges that can infect a new mammalian host by directly penetrating the skin.

Schistosomes are not hermaphroditic but dioecious, forming separate sexes. Adult worms have elongate tubular bodies, each male having a unique gynecophoral canal (schisto-soma = split body) in which a female worm resides. Blood flukes form five different developmental stages: eggs, miracidia, sporocysts, cercariae and adult worms. Eggs are round to oval in shape, operculate (hinged at one end) and contain a developing embryonic larva (miracidium). Differences in egg morphology can be used to distinguish between *Schistosoma* species: *S. mansoni* producing oval eggs (115–175 x 45–70µm) with a sharp lateral spine, *S. japonicum* forming round eggs (70–100 x 50–70µm) with a rudimentary lateral spine; and *S. Haematobium* producing oval eggs (110–170 x 40–70µm) with a sharp terminal spine. Miracidia are elliptical free-swimming larval stages (~200µm long) covered with cilia. Sporocysts appear as pleomorphic sac-like bodies which contain developing cercariae. Mature cercariae are elongate free-swimming larval stages (400–600µm long) consisting of a tapering head (with prominent penetration glands) and a forked tail (furcocercous). Adult flukes are elon-

gate tubular worms (10–20 mm long), with rudimentary oral and ventral suckers. Males are shorter and stouter than females, and they have a longitudinal cleft (gynecophoral canal or schist) in which the longer slender female lies folded [5].

Adult *Schistosoma* worms live and copulate within venules of the mesentery (typically *S. mekongi*, *S. intercalatum*, *S. japonicum* and *S. mansoni*) or bladder (typically *S. haematobium*). Some eggs penetrate the intestinal or bladder mucosa and are passed in stool or urine; other eggs remain within the host organ or are transported through the portal system to the liver and occasionally to other sites (eg, lungs, central nervous system, spinal cord). Excreted eggs hatch in freshwater, releasing miracidia (first larval stage), which enter snails. After multiplication, thousands of free-swimming, forked-tailed cercariae are released.

Cercariae penetrate human skin within a few minutes after exposure. When they penetrate the skin, they lose their forked tail and transform into schistosomula, which travel through the bloodstream to the liver, where they mature into adults. The adults then migrate to their ultimate home in the intestinal veins or the venous plexus of the genitourinary tract.

Eggs appear in stool or urine 1 to 3 months after cercarial penetration.

Estimates of the adult worm life span range from 3 to 7 years. The females range in size from 7 to 20 mm; males are slightly smaller [1].

The symptoms and manifestations of schistosomiasis vary depending on the stage of infection and the species of *Schistosoma* involved. Here are some common symptoms and manifestations:

1. Acute phase:

– Itching or rash at the site where the parasites enter the body (typically the skin);

– Fever and chills;

– Flu-like symptoms such as headache, muscle aches, and fatigue;

– Abdominal pain and diarrhea;

– Cough or shortness of breath due to lung involvement (in the case of *Schistosoma* species that affect the lungs);

2. Chronic phase:

– Abdominal pain and discomfort;

– Enlargement of the liver and spleen (hepatosplenomegaly);

– Blood in urine (hematuria);

– Bladder or urinary tract infections;

- Increased risk of bladder cancer in long-term infections;

3. In more severe cases or with long-term infections, schistosomiasis may cause complications such as:

- Intestinal bleeding or inflammation;
- Kidney damage or failure;
- Pulmonary hypertension;
- Infertility or prolonged menstrual periods in women;
- Impaired growth and development in children.

It is important to note that some individuals may remain asymptomatic despite being infected, especially during the early stages of infection. Prompt diagnosis and treatment are essential to prevent complications and reduce the spread of the disease [1, 5].

Control and prevention of water-borne diseases

Food and water borne illness, often referred to as food poisoning, is generally caused by eating or drinking food or beverages contaminated by bacteria, parasites or viruses. These organisms are passed in the feces of animals and infected people. Symptoms of food or water borne illness are gastrointestinal, for example diarrhea and stomach cramps. You can also get sick from swimming in contaminated water or from close contact with someone else who is ill.

1. Ensure that the water you use is boiled, filtered and disinfected.
2. Wash your hands properly and follow proper sanitation practices.
3. Do not drink unfiltered water. Always carry a portable filter or only drink boiled water while traveling to ensure you drink clean water.
4. Ensure that any stored water remains germ-free and clean using chlorine disinfectants.
5. Before taking a bath, add a few drops of antiseptic liquid to your water to kill harmful bacteria.
6. Ensure all your food is washed with iodine, cleaned, and thoroughly cooked before eating.
7. Avoid eating from roadside vendors.
8. Get immunized to protect yourself from vaccine-preventable diseases [3].

References

1. Burke M. L. [et al.]. Immunopathogenesis of human schistosomiasis // Parasite Immunology. 2009. Vol. 31, № 4. P. 163–176.

2. Chalmers R. [et al.]. Microbiology of waterborne diseases: Microbiological aspects and risks. Elsevier ; Academic Press, 2014.
3. Cunliffe M., Upstill-Goddard R. C., Murrell J. C. Microbiology of aquatic surface microlayers // FEMS Microbiology Reviews. 2011. Vol. 35, № 2. P. 233–246.
4. Fazal-ur-Rehman M. Polluted water borne diseases: Symptoms, causes, treatment and prevention // Journal of Medical Chemical Sciences. 2019. Vol. 2, № 1. P. 21–26.
5. Hams E., Aviello G., Fallon P. G. The schistosoma granuloma: friend or foe? // Frontiers in Immunology. 2013. Vol. 4. P. 89.
6. Jayanatha K. Circulating antigens and immunological-based diagnostic testing in dracunculiasis: A review of the literature // Annals of the ACTM: An International Journal of Tropical and Travel Medicine. 2012. Vol. 13, № 1. P. 2–4.
7. Richards R. L. [et al.]. Identifying correlates of Guinea worm (*Dracunculus medinensis*) infection in domestic dog populations // PLOS Neglected Tropical Diseases. 2020. Vol. 14, № 9.

THE ROLE OF GUT MICROBIOTA IN DEVELOPMENT DIABETES MELLITUS DISEASES

*Mansoor Abdullateif Hamdi Mahmoud Elmetwalli¹,
Olga Valerievna Marfina²*

^{1,2}*Penza State University, Penza, Russia*

Abstract. The article discuss the role of gut microflora in development type 1 and type 2 diabetes mellitus diseases.

Keywords: microflora, bacteria, gut, diabetes mellitus, diseases, autoimmunity

In medicine diabetes mellitus classified on Insulin-Dependent Diabetes Mellitus (IDDM) and Insulin-Resistant Diabetes. In IDDM or Type 1 diabetes (T1D) autoreactive T cells destroy the islet cells of the pancreas. The main antigen against which the T-cell attack is directed is the islet cell enzyme, glutamic acid decarboxylase. Infection with coxsackievirus B4 has been shown to be a trigger of IDDM in mice, but it has yet to be established as a cause in human diabetes. There is a six–amino acid sequence in common between a coxsackievirus protein and

glutamic acid decarboxylase. Antibodies against various antigens of the beta cells also are produced, but the major damage is T-cell mediated. In Insulin-Resistant Diabetes or Type 2 diabetes (T2D) antibodies to receptors play a pathogenic role: antibodies to insulin receptors have been demonstrated that interfere with insulin binding. In our research we define and generalize the role of gut microflora in these diseases.

Type 1 diabetes (T1D) is an autoimmune disease characterized by insufficient insulin production, which is caused by partial or complete destruction of the insulin-producing beta cells in the pancreas mediated by autoreactive T cells, with a higher primary incidence in children and young adults. Genetic factors play an important role in the development of this disease but in recent years, the intestinal microbiome has been recognized as one of the key environmental factors associated with the development of T1D. Scientific data have shown that there are significant differences in the profile of the intestinal microbiome between patients with type 1 diabetes and healthy people. In humans, studies have found changes in gut bacteria in those with T1D, including an increase in *Bacteroides* species and a decrease in those that produce important substances called short chain fatty acids (SCFAs) e.g., *Faecalibacterium prausnitzii*. In researches using PCR methods are shown results that correlation between *Firmicutes/ Bacteroidetes* decrease, in T1D patients. Also changing of microflora detects between *Clostridium* and *Veillonella* species (increased), *Lactobacillus*, *Bifidobacterium* and *Prevotella* (decreased) [3]. Besides that the diversity index, production of butyrate decreased.

Animal studies have also shown that dietary factors, such as gluten and vegetable, can change the risk of T1D by changing the composition the intestinal microbiome. In particular, a gluten-free diet has been shown to reduce the risk of diabetes in mice, as well as increase the density of *Akkermansia* and reduce the density of species *Bifidobacterium spp.*, *Tannerella spp.* and *Barnesiella spp.* Compared to the gluten-containing diet group. The addition of gluten to a gluten-free diet eliminated the antidiabetic effect as a result of changes in the composition of the intestinal microbiome. Note that a recent study has shown that low-esterified amidated pectin, a new proposed dietary supplement, can reduce the primary incidence of diabetes in mice in an experiment by increasing the density of microorganisms that produce short chain fatty acids (SCFAs). It has also been reported that breastfeeding as an independent protective factor can lead to incidence of T1D was re-

duced, and the intestinal microbiome of breastfed infants was more stable and characterized by the predominance of *Bifidobacteria*, in contrast to the microbiome of infants receiving artificial mixtures [4].

Violations of the intestinal microbiome can lead to damage to dense intercellular connections, thereby violating the integrity of the intestinal barrier. An increase in intestinal permeability leads to unregulated passage of microbial antigens, which, through interaction with antigen-presenting cells, can stimulate the production of autoreactive T cells, which can subsequently contribute to the destruction of pancreatic islet B cells in people with a genetic predisposition (fig. 1).

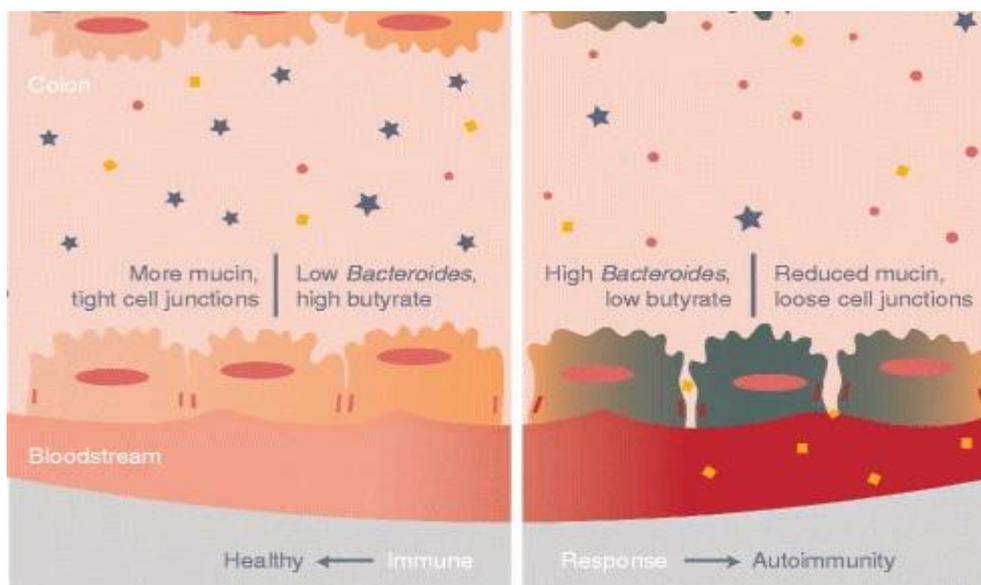

Fig. 1. Model for the development of autoimmunity for type 1 diabetes based on a diet-induced disproportionate high number of *Bacteroides* in the gut, leading to a leaky gut and autoimmunity for the disease [2]

In the context of the immunopathogenesis of type 1 diabetes, we recall that, according to the so-called civilization hypothesis (or hygiene hypothesis), it is the absence of microbial stimulation in early childhood, due to improved sanitary conditions, that leads to an increase in the prevalence of disorders related to the function of the immune system, that is, in children who are exposed to various microorganisms from an early age, it is likely the risk of developing autoimmune diseases may subsequently be significantly lower. Thus, it seems that the maturation of the immune system mediated by the intestinal microbiome at an early age is crucial for preventing the development of T1D. Conversely, violations of the microbiome can lead to insufficient matu-

ration of immunity and ultimately to damage of B cells, secretion of insulin-producing, and the development of type 1 diabetes in genetically predisposed people [1].

So, by far the most convincing evidence of a causal relationship between the intestinal microbiome and type 1 DM are high-quality interventional studies on mouse models. These studies have demonstrated the effectiveness of probiotic supplements, the effects of antibiotics, TFM and diet correction as factors affecting the risk of development Type 1 SD. The current data discussed in this section is under-they emphasize the importance of maintaining a healthy intestinal microbiome and will make it possible to justify prevention or treatment measures in the future Type 1 SD. Further randomized, controlled studies on voluminous cohorts of people are needed.

The gut microbiota of individuals with type 2 diabetes (T2D) has been found to differ from that of healthy individuals, but it is not yet clear whether these changes are a cause or a consequence of the disease.

Some bacterial genera, such as *Bifidobacterium*, *Bacteroides*, *Faecalibacterium*, *Akkermansia*, and *Roseburia*, have been found to be negatively associated with T2D meaning that higher levels of this type of bacteria may be linked to a lower risk of developing the disease. On the other hand, certain genera such as *Ruminococcus*, *Fusobacterium*, and *Blautia* have been found to be positively associated with T2D which means higher levels of this type of bacteria may be linked to a higher risk of developing the disease. This suggests that the presence of certain bacterial species in the gut microbiota may be linked to the development of T2D.

Moreover, studies have shown that individuals with T2D have lower levels of butyrate-producing bacteria and short-chain fatty acids (SCFAs), particularly butyrate, which has been linked to insulin sensitivity. Butyrate can stimulate the secretion of Glucagon-like peptide-1 (GLP-1) by intestinal L-cells via specific G protein receptors, which in turn can affect pancreatic function and insulin release, as well as central effects regulating appetite. Therefore, it is possible that the composition and function of gut microbiota may play a significant role in both the development and management of T2D).

References

1. Bach J. F. The effect of infections on susceptibility to autoimmune and allergic diseases // New England Journal of Medicine. 2002. Vol. 347. № 12. P. 911-920.

2. Davis-Richardson A. G., Triplett E. W. A model for the role of gut bacteria in the development of autoimmunity for type 1 diabetes // *Diabetologia*. 2015. Vol. 58, № 7. P. 1386–1393.

3. Murri M. [et al.]. Gut microbiota in children with type 1 diabetes differs from that in healthy children: a case-control study // *BMC medicine*. 2013. Vol. 11. P. 1–12.

4. Sadauskaitė-Kuehne V. [et al.]. Longer breastfeeding is an independent protective factor against development of type 1 diabetes mellitus in childhood // *Diabetes/Metabolism Research and Reviews*. 2004. Vol. 20, № 2. P. 150–157.

VAGINAL MICROBIOME IN NORMAL AND DURING PREGNANCY

*Mohareb Bola Kamal Thabet*¹,
*Olga Valerievna Marfina*²

^{1,2}*Penza State University, Penza, Russia*

Abstract. The article discuss the composition vaginal microflora in normal conditions and during pregnancy.

Keywords: microbiome, bacteria, vaginal microflora, *Lactobacilli*, pregnancy

Microbiota of the vagina is normally very individual and determined by a number of external and internal factors of a woman: ethnicity, age, phase of the menstrual cycle, the nature of nutrition, lifestyle, hygiene and sexual life, pregnancy and gestation period. In the article we discuss specificity of microbial diversity in vagina in normal condition and during pregnancy. It is known that the vagina of women in the reproductive who- the plant is populated mainly by *Lactobacilli*. Dominance of *Lactobacilli* in the vaginal microbiome is unique for humans: while the relative number of *Lactobacilli* in the vagina in women is usually >70 %, in other mammals *Lactobacilli* rarely make up more than 1 % of the vaginal microbiome. Researchers identified five bacterial types of vaginal microbiome in non-pregnant healthy women (fig. 1).

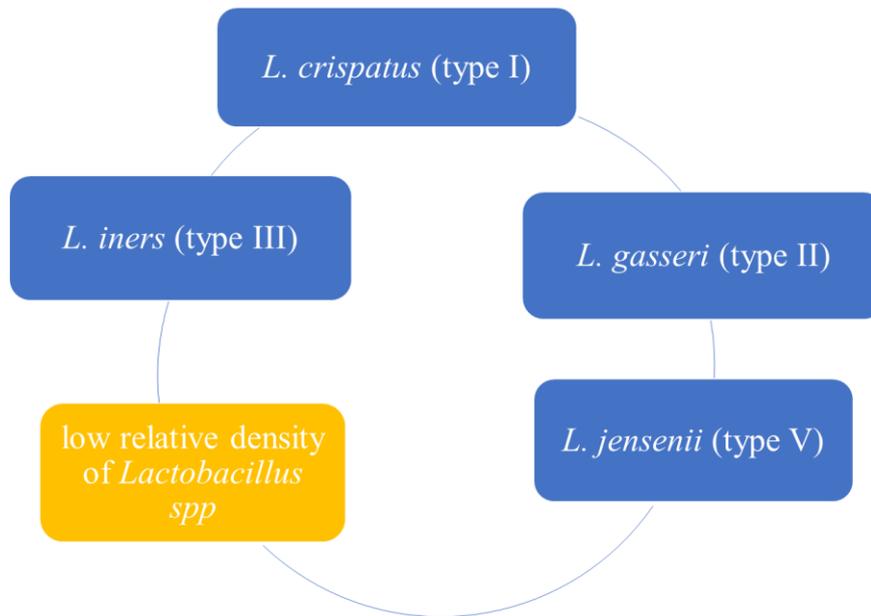

Fig. 1. Bacterial types of the vaginal microbiome in female reproductive age

Four of them are characterized by the dominance of *Lactobacillus* spp. species, including *L. crispatus* (type I), *L. gasseri* (type II), *L. iners* (type III) and *L. jensenii* (type V). In type IV of the vaginal microbiome, a low relative density of *Lactobacillus* spp. Was noted, while a high diversity of species of anaerobic bacteria was revealed: *Prevotella*, *Dialister*, *Atopobium vaginae*, *Gardnerella vaginalis*, *Megasphaera*, *Peptoniphilus*, *Sneathia*, *Finegoldia*, and *Mobiluncus* (fig. 2).

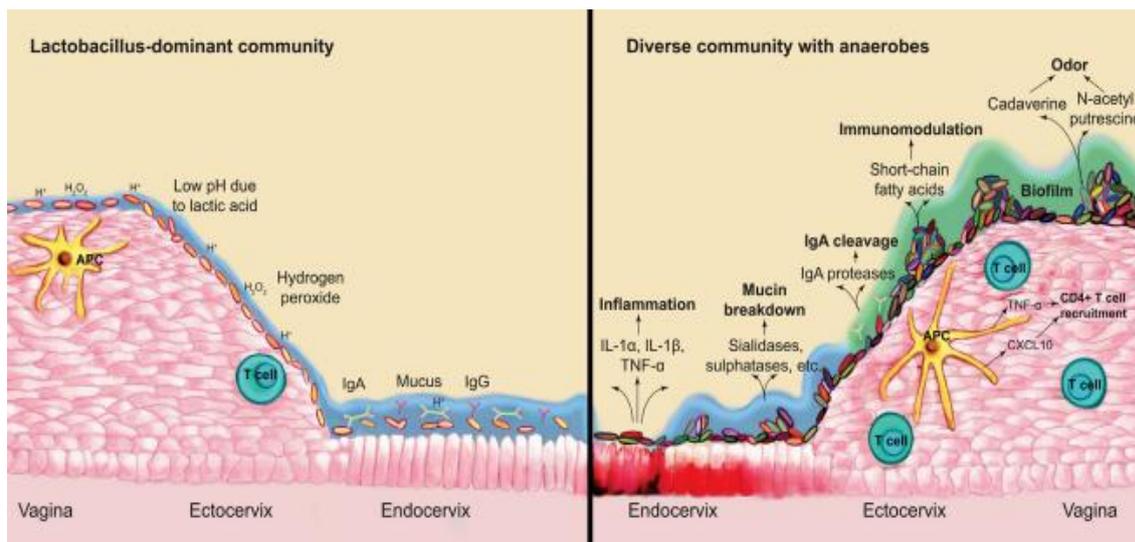

Fig. 2. Modulation of the Female Genital Tract Microenvironment by Resident Bacterial Communities:

Left: dominance by *Lactobacilli*.

Right: replacement of *Lactobacilli* with a diverse community of anaerobes [3].

The last of the designated types of microorganisms are often associated with clinical symptoms of bacterial vaginosis (BV) – a condition with the presence of unpleasant odor and vaginal discharge in women, which was also associated with the risk of premature birth and histologically confirmed chorioamnionitis [4].

Besides that studies have shown that *Lactobacillus spp.* (types I, II, III and V) more often prevailed in the vaginal microbiome of Asian women and Caucasian women, whereas among dark-skinned and Latin American women, a highly diverse microbiome (type IV) was more common, which is associated with genetic differences of women affecting its composition. It is also interesting that there was a slight increase in the level of vaginal pH in women of Latin American origin and dark-skinned in comparison with the European and Asian groups, which, however, does not fit into the idea that the pH of the vagina of a healthy woman should be less than 4.5; probably, after all, the boundaries of this indicator are wider in individual populations [6].

The diversity of vaginal microbiota in women decreases during pregnancy, often with an increase in the relative abundance of *Lactobacillus spp.* In the postpartum period, women had a phase of a sharp increase in the diversity of the vaginal microbiome and a decrease in the relative density of *Lactobacillus spp.* Of particular interest is the fact that the previously identified ethnic differences in the composition of the vaginal microbiota outside pregnancy were absent during pregnancy, which indicates the importance of the dominance of *Lactobacilli* in the vagina during pregnancy, regardless of other individual factors of the woman. Among the interesting works related the vaginal and intestinal microbiome, data on the microbiota of the artificially formed neovagina in transsexuals, where *L. gasseri* and *L. crispatus* were more often identified. In the absence of a specific of the cellular component of the mucous membrane of the formed vagina, the source of *Lactobacilli* in these cases was assumed to be the intestinal microbiome.

A number of scientists have proved that the composition of the vaginal microbiome varies individually during pregnancy, which can affect the fetus and the course of pregnancy. The composition of the vaginal microbiome, and not the seminal fluid microbiome, determines the effectiveness of assisted reproductive technology procedures.

In particular, R. Koedooder et al. it was shown that women with a low content of *Lactobacillus spp.* in the vaginal microbiome, there was less chance of successful embryo implantation [5]. In addition, the stability of the vaginal microbiome determined higher chances of successful pregnancy in the case of assisted reproductive technologies. Scientists say that pregnant women with a higher density of *Lactobacilli* in moisture had a lower risk of premature birth, but women with miscarriage in the first trimester of pregnancy have a decrease in the density of *Lactobacillus spp.* [1]. We can conclude, that certain species of *Lactobacillus spp.* are protective, but the presence of conditionally pathogenic species, such as *Prevotella spp.*, *Mycoplasma spp.*, *Sneathia amnii*, is considered a risk factor for termination of pregnancy.

Many authors have proved that periodontitis in pregnant women is associated with an increased risk of premature birth. Experimental animal models have shown that bacteria from the oral cavity can spread hematogenically into the placenta and may be associated with pregnancy complications. *Fusobacterium nucleatum* is a microorganism of the oral cavity, which is most often detected in diagnostic samples of biological material taken after premature birth, with rupture of fetal membranes and stillbirth. A number of authors have found *Fusobacteria* in a sufficiently high density in the placental microbiome and in umbilical cord blood [2].

Composition and function of the vaginal microbiota play an important role in the course of pregnancy and fertility of women, and new knowledge will open up possibilities for clinical interpretation and effective medical interventions in this area.

References

1. Al-Memar M. [et al.]. The association between vaginal bacterial composition and miscarriage: a nested case–control study // BJOG: An International Journal of Obstetrics & Gynaecology. 2020. Vol. 127, № 2. P. 264–274.
2. Cahill R. J. [et al.]. Universal DNA primers amplify bacterial DNA from human fetal membranes and link *Fusobacterium nucleatum* with prolonged preterm membrane rupture // MHR: Basic Science of Reproductive medicine. 2005. Vol. 11, № 10. P. 761–766.
3. Gootenberg D. B. [et al.]. Cervicovaginal microbiota and reproductive health: the virtue of simplicity // Cell Host & Microbe. 2018. Vol. 23, № 2. P. 159–168.

4. Hitti J. [et al.]. Vaginal indicators of amniotic fluid infection in preterm labor // *Obstetrics & Gynecology*. 2001. Vol. 97, № 2. P. 211–219.

5. Koedooder R. [et al.]. The vaginal microbiome as a predictor for outcome of in vitro fertilization with or without intracytoplasmic sperm injection: a prospective study // *Human Reproduction*. 2019. Vol. 34, № 6. P. 1042–1054.

6. Zhou X. [et al.]. Differences in the composition of vaginal microbial communities found in healthy Caucasian and black women // *The ISME Journal*. 2007. Vol. 1, № 2. P. 121–133.

HUMAN GENETIC AND SUSCEPTIBILITY TO INFECTIOUS DISEASES

*Nityarajsinh Rajendrasinh Solanki¹,
Viktor Lvovich Melnikov²*

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

Abstract. The article contains information about the connection between the human genome and its susceptibility to infectious diseases. Susceptibility to leprosy, malaria and Human Immunodeficiency Virus (HIV) is considered as examples. Genes that may influence the possibility of developing the disease are noted. In addition, genetic aspects of immune mechanisms are considered.

Keywords: human genetic, susceptibility to infectious diseases, leprosy, malaria, Human Immunodeficiency Virus (HIV)

A person's genotype is the main property that determines his susceptibility to many infectious diseases. Over the years, it has been observed that people can vary markedly in their susceptibility to infectious diseases. But only modern advances in the field of genomics have led to the accumulation of information about the role of the corresponding genes in the development of susceptibility to infectious diseases.

Some infectious diseases were previously thought to be familial before the microorganism that caused them was identified. In addition, twin studies have shown that the influence of genotype on susceptibility to diseases such as tuberculosis and polio is significant. Today, enough examples have been accumulated that human genetic variations have a great influence on the course of diseases caused by many infectious microorganisms. Such host-pathogen gene interactions are of general

biological interest because they underlie the maintenance of significant genetic diversity, and such coevolutionary interactions are often best studied in human infectious diseases where both the pathogen and the host genome are well characterized [1, 3, 4, 6].

Malaria was the first disease for which susceptibility and resistance genes were identified. However, genes for other diseases, such as HIV and mycobacterial infections, are currently being identified using different approaches. Different numbers of genes may influence susceptibility to infectious pathogens. Identification of such genes will help in the study of pathogenic and protective mechanisms, as well as identify new molecular targets for preventive and therapeutic interventions. Immunogenetic links to infectious diseases are of great importance for the development of immunomodulatory drugs and vaccines [2].

The goal of our work was to study the effect of gene variations on susceptibility to infectious diseases using the examples of leprosy, malaria and HIV.

Mapping and identifying the relevant genes

Currently, many different approaches to mapping and identifying genes can be used. In general, two different approaches can be used. The first approach is based on genetic linkage studies to look for cosegregation of a genetic marker with a disease in families. The second approach is based on genetic association studies and comparing the frequency of occurrence of certain genes in healthy people and people with diseases. Each approach has its advantages and disadvantages, and ideally both should be used. Association studies typically require large sample sizes, especially for assessing rare alleles or multiallelic genes. Control populations must be carefully matched to cases to avoid false-positive or false-negative associations due to population stratification.

Many candidate genes have become available for study. The largest class of candidate genes is associated with mechanisms of disease pathophysiology and immunology. For many infectious diseases, genes such as HLA, tumor necrosis factor, and mannose-binding lectin variants will be included in this list because they play specific, studied roles in pathological and immune responses [2, 10].

Mycobacterial diseases

Leprosy and tuberculosis are mycobacterial infections. The role of the genetic factor in the development of this disease is explained by the fact that familial clustering is observed. Often these diseases are

chronic, allowing large numbers of cases and even families with multiple cases to be identified. In addition, twin studies of both diseases have been conducted, which have found a significantly higher degree of similarity in monozygotic than in dizygotic twins, and thus have allowed estimates of the magnitude of the host genetic component to variable susceptibility. Early studies of HLA variations in India and Suriname found links to both tuberculosis and leprosy. HLA-DR2 (especially the HLA-DR15 subtype) has been associated with susceptibility to tuberculoid leprosy in India, and more recent evidence suggests an association of this HLA type with susceptibility to both tuberculoid and lepromatous forms of leprosy, as well as tuberculosis in some Asian populations. However, in other continents, no clear association with HLA has been identified, and HLADR2 does not appear to be associated with susceptibility. Recently, in the Calcutta leprosy study, tumor necrosis factor gene promoter variation was associated with susceptibility to lepromatous but not tuberculoid leprosy. A vitamin D receptor variant was also associated with the type of leprosy developed in the same study population. In a study conducted in Gambia, West Africa, allelic variations in both the 3' untranslated region and the promoter region of the natural resistance macrophage protein-1 (NRAMP1) gene were associated with susceptibility to sputum-positive pulmonary tuberculosis. Genome-wide association analyzes of tuberculosis in Africans have now suggested that there may be genes with relatively strong effects on susceptibility located on chromosomes 15 and X. However, more work will be required to identify these putative susceptibility genes. Analyzes of rare individuals with a strong predisposition to atypical mycobacterial diseases have recently revealed several interesting molecular defects. Some such children, homozygous for mutations in the interferon- γ receptor gene, showed high susceptibility to weakly pathogenic mycobacteria, including the BCG vaccine, and had a poor prognosis. But it is unknown whether these children have an increased susceptibility to tuberculosis and leprosy. Similarly, knockout mutations in the IL-12 receptor beta-1 gene cause a phenotype of marked susceptibility to atypical mycobacterial diseases and, in one family, Salmonella infections. Although such mutations that have a significant effect on mycobacterial susceptibility should be rare, it is possible that milder defects in these cytokine and receptor genes may explain some of the overall differences in susceptibility to tuberculosis [1, 9].

Malaria

Susceptibility to malaria depends on a huge number of genes. Malaria was one of the first diseases to demonstrate the influence of genetic factors on susceptibility to disease. In the 1930s, studies on the use of malaria therapy in the treatment of syphilis revealed some marked inter-individual differences in susceptibility to malaria in nonimmune individuals. The subsequent discovery of the influence of sickle hemoglobin heterozygosity on malaria resistance and the geographic distribution of some hemoglobin variants has stimulated genetic studies in various populations. Such studies of sickle hemoglobin and G6PD deficiency have provided clear evidence of their protective significance against *Plasmodium falciparum* malaria, but it is still unclear whether hemoglobin C, which is common in parts of West Africa, and hemoglobin E, which is widespread in Southeast Asia, are protective [8]. Several studies have demonstrated protection associated with either heterozygosity for β -thalassemia or, more recently, various thalassemia genotypes, but the mechanisms of protection remain unclear. Interestingly, it has recently been suggested that part of this protection may have an immune basis. Ethnicity groups in Mali, West Africa, found significant differences in immune responses to *P. falciparum* and in susceptibility to malaria between these groups that appear to be of genetic origin. These differences cannot be explained by known malaria resistance alleles. Both HLA class I and II alleles have been found to influence malaria susceptibility in Africa in large case-control studies. In the largest study in The Gambia, HLA-B53 was associated with resistance to both cerebral malaria and severe malarial anaemia, whereas the class II allele, HLA-DRB1*1302, was associated with resistance only to the latter. Subsequent immunological investigations in this population have suggested a possible molecular basis for these HLA associations through the identification of peptide epitopes in the parasite restricted by these HLA types. In a study in Kenya, a different HLA class II type was associated with protection, and interpopulation heterogeneity in HLA associations appears to be common in infectious diseases. This can have many causes but a prominent one in malaria is likely to be the marked polymorphism of immunodominant malaria antigens. HLA has recently been found to influence the strain of malaria parasite associated with clinical malaria and complex interactions between malaria parasite strains may lead to further variability in HLA associations. Geographical heterogeneity in association may also be found for other genes. For example

a polymorphic host receptor involved in parasite sequestration, intercellular adhesion molecule-1 (ICAM-1), may influence susceptibility to cerebral malaria. Homozygotes for an African-specific variant, ICAM-Kilifi, were found significantly more frequently amongst cases of cerebral malaria in Kenya, but in The Gambia no effect of this variant on malaria susceptibility was detected [7].

HIV and AIDS

Research into genetic susceptibility to HIV and AIDS has been facilitated by the fact that a small proportion of people remain HIV seronegative despite repeated sexual contact with HIV-infected partners. In addition, patients vary in how quickly they progress to end-stage disease (AIDS). Several genes have now been identified that appear to influence this rate. HLA studies have shown that in several populations, the HLA-B35 and HLA-A1-B8-DR3 haplotypes are associated with faster disease progression, and HLA-B27 and HLA-B57 are associated with a slower rate of progression. Several combinations of HLA class I and II alleles and transporter associated antigen processing (TAP) variants have also been implicated in North America. A genetic linkage study of brothers with hemophilia also demonstrated the impact of major histocompatibility complex changes on the rate of CD4+ T cell decline. Thus, despite the variability of HIV between and within individual infections, HLA type has been found to be a significant, although minor, factor in determining the rate of disease progression. Recently, numerous genetic analyzes have been performed on chemokine receptors, which are CD4 coreceptors for viral entry into macrophages and lymphocytes. Homozygotes with a 32 bp deletion in the gene encoding the chemokine receptor CC-5 (CCR5), a co-receptor for macrophage-tropic HIV, are highly resistant to HIV infection, and heterozygotes exhibit lower rates of disease progression. Variants in the flanking gene for the chemokine receptor CCR2 and the stromal factor factor (SDF-1) gene encoding the CXCR4 ligand, a co-receptor for lymphocytropic strains, are also associated with some changes in the rate of disease progression. However, there must be several other resistance genes, since known CCR5 variants account for only a minority of Caucasians, and no significant resistance to HIV infection has been found in any Africans [5].

Other infectious diseases

Many genetic associations with other infectious diseases have been reported and will probably turn out to be important in multiple

populations. For example, genetic variation in the mannose-binding ligand gene is likely to influence susceptibility to several bacterial pathogens. A codon 129 polymorphism in the host prion protein (PRNP) gene is strongly associated with susceptibility to both iatrogenic. The genetic linkage approach has recently been successfully applied to map a gene affecting susceptibility to the helminth, *Schistosomiasis Manzoni*, in Brazilian families. The chromosome 5 region identified encodes numerous cytokine genes such as IL-4 and IL-13 and this gene cluster has also been linked to atopy and asthma, consistent with the speculation that a gene selected to provide resistance to Helminthic infections might predispose to asthma or atopy. Finally, the recent finding that the cystic fibrosis transmembrane conductance regulator (CFTR) is the intestinal receptor for *Salmonella typhi* raises the possibility that common cystic fibrosis mutations may have been selected in Caucasians to provide resistance to typhoid [6].

Mechanisms in pathogenesis and protection

Genetic associations have already provided numerous insights into the pathogenesis of infectious disease and the relevance of defence mechanisms. Association of polymorphisms in cytokines and chemokines or their receptors has led to attempts to modulate the activity of these mediators in particular diseases. For example, the up-regulatory variant of the polymorphism at position -308 of the TNF promoter was associated with susceptibility to severe malaria and agents that may reduce the activity of this cytokine are under assessment. Another application is in the understanding of specific immune defences used in host resistance to infection or disease. For example, the enhanced susceptibility to non-virulent mycobacteria in children with mutations in the interferon- γ receptor has highlighted the importance of this pathway in controlling these mycobacteria. But the finding that these children appear to have little or no alteration in their susceptibility to other common pathogens has also been informative. Studies of mannose-binding ligand deficiency have demonstrated that this molecule plays a key role in resistance to some but not to other infectious agents. A major goal in the field is the identification of genetic loci that influence the predominant type of cellular immune response to infectious pathogens and potential allergens. Substantial progress has been made in mapping genes affecting atopy and allergy and these may also be relevant to infectious disease. Candidates for influencing the TH1-TH2 shift of the cellular

immune responses are numerous and include EL-4, its receptor, several other cytokines, and the vitamin D receptor [1, 8].

New pharmacological targets

The most important application of knowledge about the influence of genotype on susceptibility to infection will be the identification of new molecules and pathways that can be targeted for pharmacological intervention. A recent illustration of the rapid application of discoveries to host genetics comes from the field of HIV. The demonstration of very significant resistance of homozygotes to HIV infection with deletion of the CCR5 gene has formed the basis for ongoing attempts to develop pharmacological blockers of this viral coreceptor. Other potential HIV co-receptors, such as CCR2, are currently the subject of detailed genetic studies, as are potential receptors and co-receptors of many other infectious pathogens [8].

New methods for analyzing the human genome using association analysis, as well as established scientific approaches, open up the prospect of the emergence of many new target molecules for various infectious diseases. The potential of new tools to study the genome has generated considerable excitement in the field, and it is likely that what has been discovered so far is only the tip of the iceberg of informative genetic information about the etiology of diseases.

References

1. Alcaïs A. [et al.]. Tuberculosis in children and adults: two distinct genetic diseases // *The Journal of Experimental Medicine*. 2005. Vol. 202, № 12. P. 1617.
2. Casanova J. L., Abel L. Inborn errors of immunity to infection: the rule rather than the exception // *The Journal of Experimental Medicine*. 2005. Vol. 202, № 2. P. 197–201.
3. Haralambous E. [et al.]. Sibling familial risk ratio of meningococcal disease in UK Caucasians // *Epidemiology & Infection*. 2003. Vol. 130, № 3. P. 413–418.
4. Hirschhorn J. N. [et al.]. A comprehensive review of genetic association studies // *Genetics in Medicine*. 2002. Vol. 4, № 2. P. 45–61.
5. Kindberg E. [et al.]. A nonsense mutation (428G→A) in the fucosyltransferase FUT2 gene affects the progression of HIV-1 infection // *Aids*. 2006. Vol. 20, № 5. P. 685–689.
6. Lindesmith L. [et al.]. Human susceptibility and resistance to Norwalk virus infection // *Nature Medicine*. 2003. Vol. 9, № 5. P. 548–553.

7. Michon P. [et al.]. Duffy-null promoter heterozygosity reduces DARC expression and abrogates adhesion of the *P. vivax* ligand required for blood-stage infection // *Febs Letters*. 2001. Vol. 495, № 1-2. P. 111–114.

8. Newport M. J. [et al.]. Genetic regulation of immune responses to vaccines in early life // *Genes & Immunity*. 2004. Vol. 5, № 2. P. 122–129.

9. Palmer L. J., Cardon L. R. Shaking the tree: mapping complex disease genes with linkage disequilibrium // *The Lancet*. 2005. Vol. 366, № 9492. P. 1223–1234.

10. Weiss K. M., Terwilliger J. D. How many diseases does it take to map a gene with SNPs? // *Nature Genetics*. 2000. Vol. 26, № 2. P. 151–157.

MICROBIAL GENOMICS

*Shravni Nikhil Pawar*¹,
*Daria Olegovna Andreeva*²

^{1,2}*Penza State University, Penza, Russia*

Abstract. The article discusses the concept of microbial genomics and its role in controlling the pathogenicity of microorganisms and their resistance to drugs. Genetic control of virulence factors is considered using the example of the causative agent of tuberculosis and streptococcal infections.

Keywords: genomics, pathogenicity, resistance to antimicrobial agents

Introduction

Microbial genomics is a field of study that focuses on the genetic makeup and characteristics of microorganisms, including bacteria, viruses, fungi, and parasites. The genomic content of these microorganisms plays a significant role in their behavior, virulence, and potential to cause infectious diseases. Alterations in microbial genomics, such as genetic mutations, genetic exchanges, and genetic recombination, can result in changes that directly impact the pathogenesis, transmission, and treatment outcomes of infectious diseases.

Infectious diseases continue to pose a major global health challenge, causing significant morbidity and mortality worldwide. The ability of microorganisms to cause disease depends on their genetic composition, which determines their ability to invade host cells, evade the immune system, produce toxins, and develop resistance to antimicrobial

agents. Understanding the relationship between alterations in microbial genomics and infectious diseases is essential in developing effective prevention, control, and treatment strategies [3].

This paper aims to explore the connection between alterations in microbial genomics and the pathogenesis of infectious diseases. By examining various examples, we will delve into the mechanisms through which genomic alterations contribute to disease transmission and severity.

Microbial Genomics

Microbial genomics is application of genomic tools like high-throughput (next-generation) sequencing technologies for the detection and functional characterization of different microbial species which are fundamentally important in understanding human infections, development of diagnostics and vaccines, bio-defense studies, antimicrobial target identification, and drug designing [1].

Techniques

1. Whole genome sequencing: This technique involves sequencing the entire genome of a microorganism (fig. 1). It provides a comprehensive understanding of the genetic content, structure, and organization of the microbe [3].

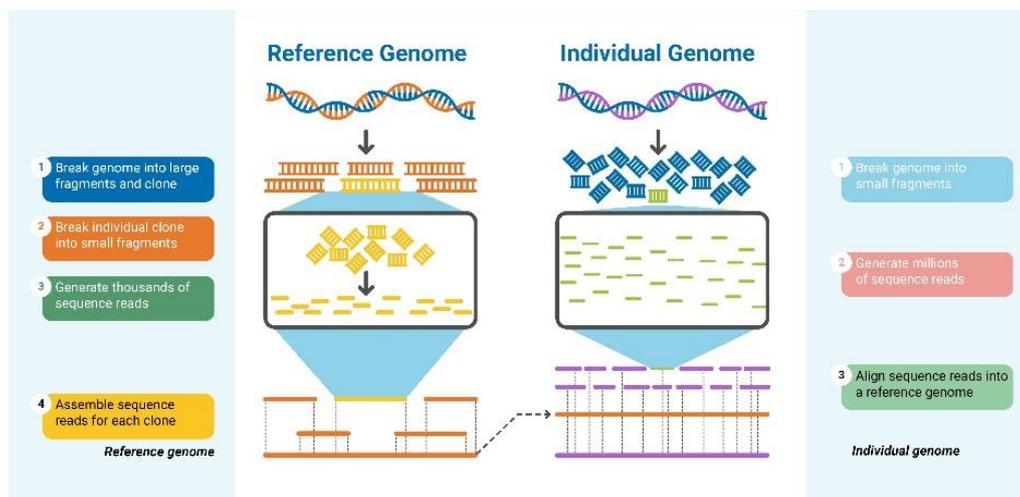

Fig. 1. Whole Genome Sequencing

2. Metagenomics: Metagenomics involves the direct sequencing of microbial DNA from environmental samples, such as soil, water, or human gut microbiota. It allows researchers to study the genetic diversity (fig. 2) and functional potential of microbial communities [4].

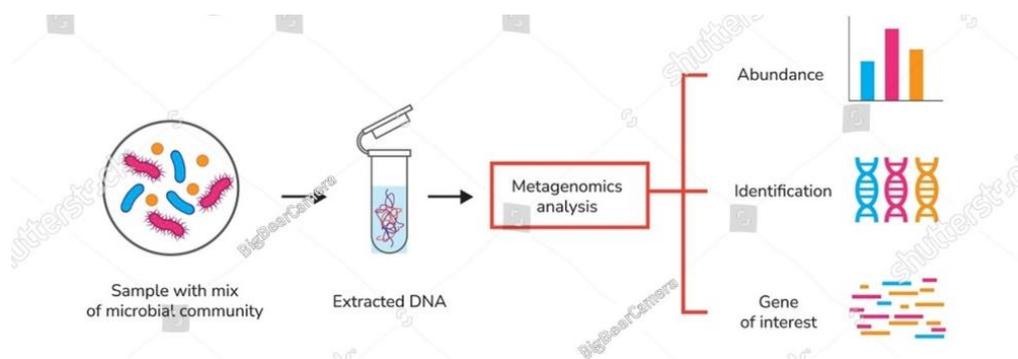

Fig 2. Process of Metagenomics

3. Comparative genomics: Comparative genomics involves comparing the genome sequences of different microorganisms to identify similarities (fig. 3) and differences. It can help identify genes that are conserved across species, understand the evolution of microorganisms, and identify virulence factors or drug resistance genes [4].

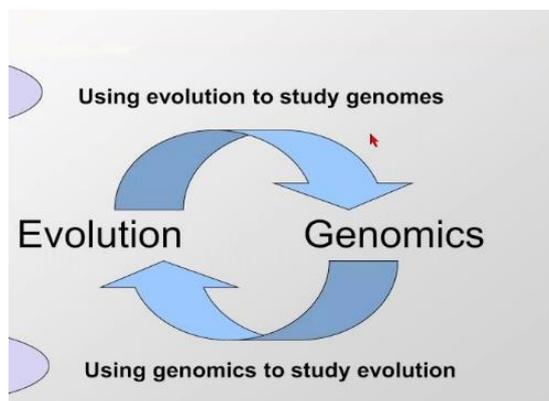

Fig. 3. Comparative Genomic

4. Transcriptomics: Transcriptomics involves studying the expression of genes in a genome at a particular time or under specific conditions. It helps researchers understand which genes are actively transcribed and how their expression is regulated (fig. 4) [4].

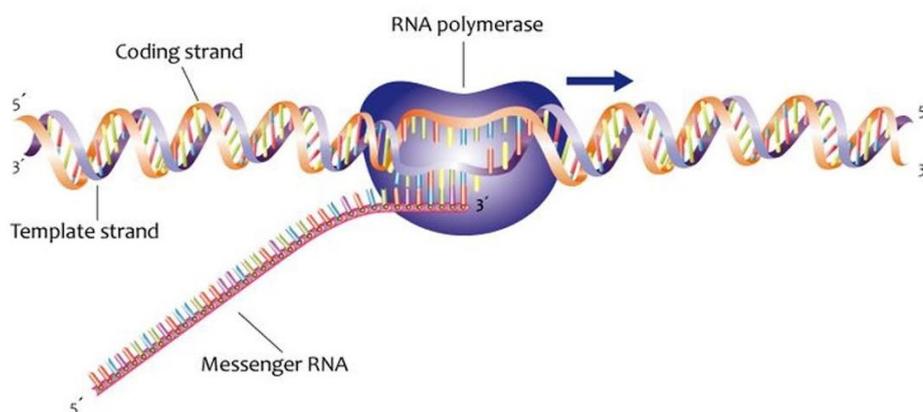

Fig. 4. Transcriptomics

5. Proteomics: Proteomics involves the study of the complete set of proteins produced by a microorganism (fig. 5). It provides insights into the functions, interactions, and modifications of proteins in a cell [3].

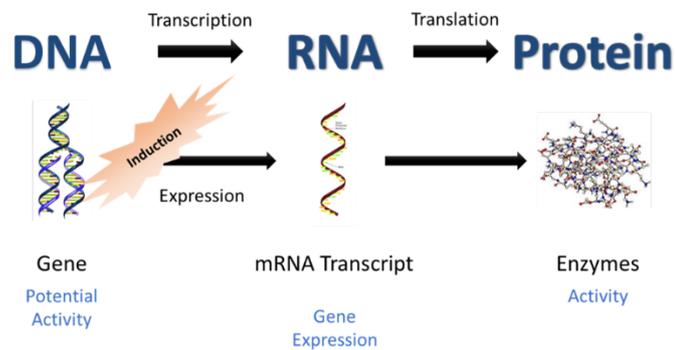

Fig. 5. Process of Proteomics

6. Functional genomics: Functional genomics focuses on understanding the function of genes and their products in an organism (fig. 6). It can involve techniques such as gene knockout studies, gene expression profiling, and phenotypic screening [3].

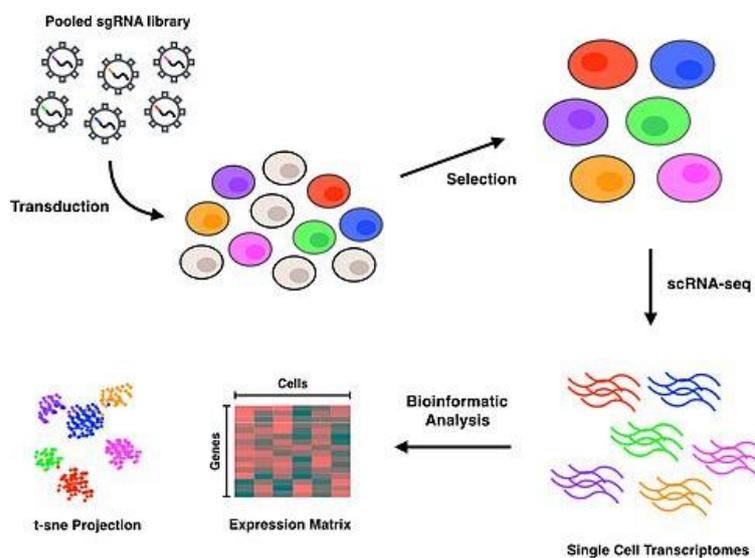

Fig. 6. Process of Functional Genomic

7. Pathogen genomics: Pathogen genomics is the study of the genetic makeup of pathogens, such as bacteria, viruses, or parasites, to understand their virulence factors, drug resistance mechanisms, and transmission patterns (fig. 7). It can help in the development of diagnostics, vaccines, and therapeutic strategies [3].

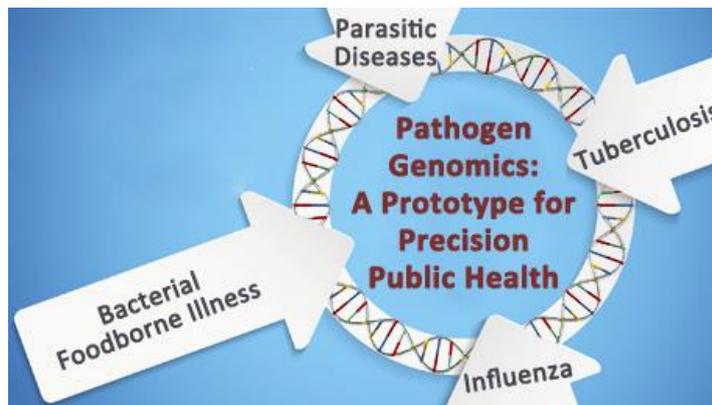

Fig. 7. Illness caused by Pathogen Genomics

Role of Microbial genomics

Microbial genomics plays a crucial role in understanding the pathogenesis and drug resistance mechanisms of the disease.

Microbial genomics relates to tuberculosis (TB):

1. Strain diversity: *M. tuberculosis* exhibits a significant degree of genetic diversity, with multiple strains circulating globally. Genomic studies have identified different lineages and sub-lineages of *M. tuberculosis*, helping researchers understand the epidemiology and evolution of the bacteria.

2. Drug resistance: TB treatment often involves multiple antibiotics over an extended period. However, the emergence of drug-resistant strains, including multidrug-resistant (MDR-TB) and extensively drug-resistant (XDR-TB) strains, poses a major challenge. Microbial genomics enables the identification of specific genetic alterations, such as mutations in genes like associated with rifampicin resistance or associated with isoniazid resistance, allowing for rapid detection of drug resistance and personalized treatment approaches.

3. Transmission dynamics: The genomic analysis of *M. tuberculosis* strains can help track the transmission of TB within communities and populations.

4. Virulence factors: Microbial genomics has revealed various virulence and pathogenicity factors within the *M. tuberculosis* genome. For example, the ESX-1 secretion system plays a crucial role in the bacteria's ability to invade and persist within host cells.

5. Vaccine development: Genomic studies enable the identification of potential vaccine targets by identifying conserved genes or surface antigens that could stimulate protective immune responses [2, 4].

Microbial genomics relates to Streptococcus infection:

1. Species diversity: The Streptococcus genus includes a wide range of species, each with its own set of virulence factors and disease manifestations.

2. Virulence factors: Streptococcus species possess various virulence factors that contribute to their ability to cause infections. Microbial genomics facilitates the identification and characterization of these factors, such as adhesins, toxins, and immune evasion mechanisms.

3. Antibiotic resistance: Streptococcus strains can develop resistance to antibiotics, making treatment more difficult. Microbial genomics can identify specific genes associated with antibiotic resistance, such as those encoding antibiotic-modifying enzymes or efflux pumps.

4. Epidemiology and transmission: Microbial genomics helps track the spread of Streptococcus infections within populations. By comparing the genomic fingerprints of different isolates, researchers can identify clusters of related strains, shedding light on transmission patterns and aiding in outbreak investigations.

5. Vaccine development: Genomic studies enable the discovery of potential vaccine targets for Streptococcus infections. By identifying conserved antigens or surface proteins across different strains, researchers can develop vaccines that elicit protective immune responses. Genomics also allows for the monitoring of vaccine effectiveness and the characterization of vaccine escape variants [5].

Conclusion

Microbial genomics is particularly important in understanding the pathogenicity and virulence factors of infectious microorganisms. By studying the genomes of pathogenic microorganisms, researchers can identify genes responsible for the production of toxins, adhesion to host cells, invasion mechanisms, and resistance to antimicrobial agents. Such information helps in developing targeted therapies, designing vaccines, and predicting the emergence of drug-resistant strains.

References

1. Fraser-Liggett C. M. Insights on biology and evolution from microbial genome sequencing // Genome Research. 2005. Vol. 15, № 12. P. 1603–1610.
2. Gutacker M. M. [et al.]. Genome-wide analysis of synonymous single nucleotide polymorphisms in Mycobacterium tuberculosis complex

organisms: resolution of genetic relationships among closely related microbial strains // *Genetics*. 2002. Vol. 162, № 4. P. 1533–1543.

3. Relman D. A. Microbial genomics and infectious diseases // *New England Journal of Medicine*. 2011. Vol. 365, № 4. P. 347–357.

4. Stasiewicz M. J., den Bakker H. C., Wiedmann M. Genomics tools in microbial food safety // *Current Opinion in Food Science*. 2015. Vol. 4. P. 105–110.

5. Tettelin H. [et al.]. Genome analysis of multiple pathogenic isolates of *Streptococcus agalactiae*: implications for the microbial «pan-genome» // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2005. Vol. 102, № 39. P. 13950–13955.

LISTERIOSIS

*Aditya Udayraj Prabhune¹,
Maxim Sergeevich Kurtashkin²*

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

Abstract. The work examines the causative agents of foodborne infections. Listeriosis is a dangerous form of intestinal infection for which a vertical transmission mechanism is possible. When *Listeria* penetrates the placenta and fetal membranes, conditions are created for intrauterine contamination. In congenital listeriosis, the granulomatous process is generalized and is considered as granulomatous sepsis.

Keywords: food microbiology, *Listeria monocytogenes*, congenital listeriosis

Food microbiology is the branch of microbiology that deals with the study of microorganisms that are present in food. It includes aspects of microbial ecology in food as well as the use of microorganisms for production of ingredients and foods. It focuses on understanding the types of microorganisms that can contaminate food, how they can be controlled, and their impact on food safety and quality.

The most common types of microorganisms of concern in food microbiology include bacteria, yeasts, molds and viruses. Some bacteria, such as *Salmonella*, *Escherichia coli*, *Listeria monocytogenese* are known as foodborne pathogens and are responsible for causing foodborne illnesses.

One of the most dangerous infectious diseases is listeriosis, caused by microorganisms of the genus *Listeria*.

Until the middle of the last century, listeriosis was detected quite rarely, mainly in people professionally associated with infected farm animals. Later, the number of cases of this disease began to increase. In recent decades, numerous epidemic outbreaks and sporadic cases of listeriosis have been recorded, even in such epidemiologically safe countries as Canada, France, the USA, and the UK [4–6].

In Russia, official registration of listeriosis began in 1992, and there is a tendency towards an annual increase in cases of this disease and high mortality. Currently, listeriosis is considered one of the most dangerous food infections.

The purpose of our work is to consider the features of listeriosis.

Listeria monocytogenes is a short, gram-positive, non-spore-forming, regularly shaped rod that is a facultative anaerobe (fig. 1). *Listeria* is highly stable in the external environment, growing in a wide temperature range (from +1 to +45 °C) and high salt concentration.

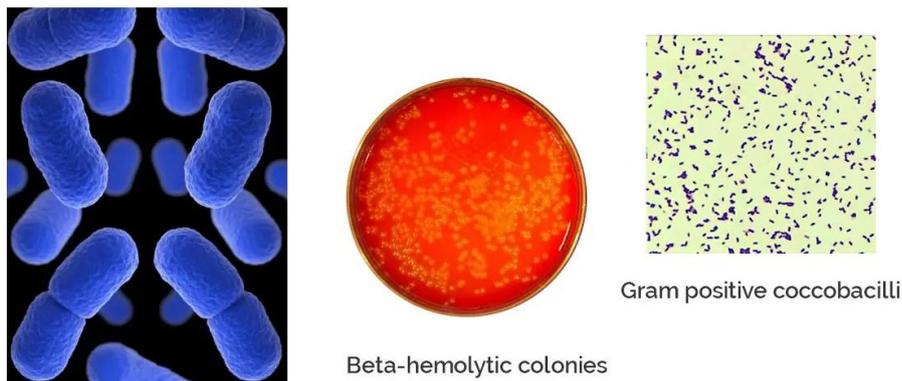

Fig. 1. Morphology of *Listeria*

Listeria monocytogenes is pathogenic to both animals and human beings. The organism is widespread in nature and is a transient constituent of the intestinal flora excreted by 1–10 % of healthy humans. It is extremely hardy and can survive for many years in the cold in naturally infected sources. A feature of these pathogens is their psychrophilicity. This allows them to easily tolerate low temperatures and remain viable in the winter, and in the spring to multiply quickly at 4–6 °C. Thus, *Listeria* is able to adapt to existence in a wide range of environmental conditions. The high metabolic plasticity of *Listeria* makes them universal pathogens [1].

Until the end of the 20th century listeriosis was considered as a typical zoonosis with a fecal-oral transmission mechanism. However, the wide adaptive and metabolic capabilities of *Listeria*, their ability to live and reproduce both in environmental objects and inside the host organism, have confirmed the idea of listeriosis as a saprozoontic infection. The causative agent of the disease can enter the human body in various ways. In addition to food transmission, infection is possible through contact with sick animals, through inhalation of dust, and through contact with objects contaminated with *Listeria* [1, 5].

Most often, *Listeria* is isolated from dairy products, especially those that have undergone insufficient heat treatment: soft cheeses, yoghurts, ice cream, butter. There are known cases of listeriosis associated with eating seafood and fish. Quite often, the cause of infection is meat products contaminated with pathogenic species of *Listeria*, as well as vegetables and fruits [7].

Listeria can survive for a long time in food products when stored in household refrigerators, including those packaged without access to oxygen (under vacuum, in a modified gas atmosphere). As a result, in recent decades, foodborne transmission of infection is the main one. Pathogenic strains of *Listeria* are highly virulent; infection can develop even with a relatively low concentration of bacteria in food (10^2 CFU/g) [2]. That is why listeriosis epidemics are classified as emerging and poorly predictable infections.

Pregnant women, infants and elderly people are particularly at risk of infection with *Listeria monocytogenes* (fig. 2). *Listeria monocytogenes* causes abortion in pregnant women and meningitis in newborn infants and immuno-compromised adults. The infection is fatal in susceptible individuals with a mortality of 25–30 %.

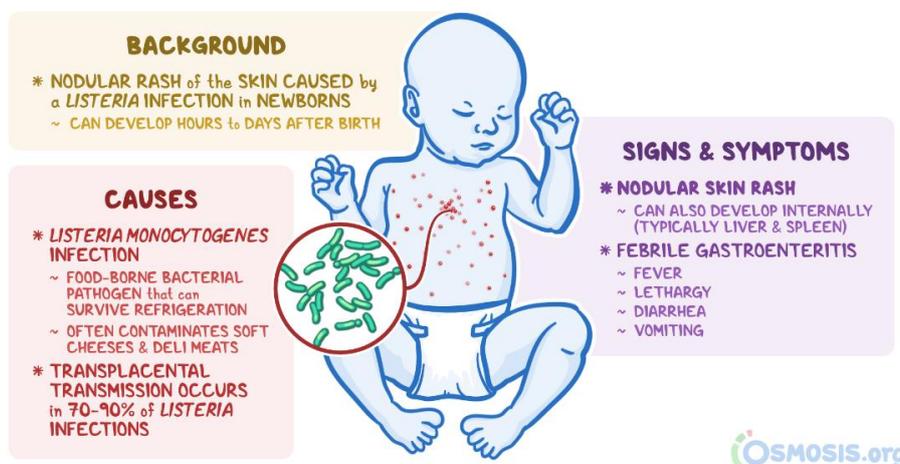

Fig. 2. Symptoms and Causes of Listeria

Of particular importance is the possibility of transmission of *Listeria* from an infected pregnant woman to her fetus. It should be noted that listeriosis in pregnant women can occur not only manifestly (both with a typical clinical picture and in the form of an undifferentiated influenza-like syndrome), but also as an asymptomatic carrier of the bacilli. In all these cases, there is a risk of transplacental transmission of infection. When *Listeria* penetrates the placenta and fetal membranes, conditions are created for intrauterine contamination. Subsequently, hematogenous and lymphogenous spread of *Listeria monocytogenes* occurs in the fetal body with damage of various internal organs and the central nervous system. In the tissues where the pathogen accumulates, specific granulomas are formed – listeriomias. The formation of granulomas is due to the peculiarities of the immune response to *Listeria monocytogenes*. It has been established that due to the fact that cellular immunity cannot ensure adequate elimination of listeria that has penetrated into tissues, T-lymphocytes rush to areas where the pathogen accumulates. Stimulation of T-lymphocytes is accompanied by active production and release of cytokines. Under the influence of cytokines, the attraction of other lymphocytes to the affected area increases (migration of both CD4+ and CD8+ cells is noted) and macrophages, which subsequently determines the formation of granulomas. Chronic stimulation of macrophages and hyperproduction of cytokines in the area of granulomas leads to pronounced vascular and dystrophic changes in the affected organs and tissues. It is assumed that the maximum development of granulomas is associated with T-helper-1 cytokines [4, 7].

In congenital listeriosis, the granulomatous process is generalized and is considered as granulomatous sepsis. At the autopsy of those who died from congenital listeriosis, all organs on the surface or in the section are as if “sprinkled with millet” due to the abundance of granulomas. In this case, whitish-grayish, yellowish-grayish granulomas are found under the pleura, in the lungs, under the liver capsule, in the kidneys, under the pia mater, in the substance of the brain, in the spleen, lymph nodes, intestines, stomach, adrenal glands, thymus. Microscopically, productive vasculitis is observed in the skin, and multiple submilliary foci of hepatocyte necrosis are observed in the liver, in place of which granulomas are formed [1, 2].

Prevention and control: It is essential to follow safe food handling practices to prevent *Listeria* contamination. This includes thoroughly cooking raw foods, washing hands before and after handling food,

avoiding cross-contamination between raw and cooked foods, keeping refrigerators clean, and consuming perishable foods promptly. Pregnant women and other high-risk individuals are advised to avoid consuming high-risk foods.

When *Listeria* contamination is identified in food products, authorities issue recalls to remove the affected products from the market. Consumers should stay updated on food recalls and follow the recommendations provided by the concerned authorities.

Various food safety regulations and guidelines are in place to minimize the risk of *Listeria* contamination in food products. These regulations emphasize proper sanitation and handling practices for food manufacturers.

It is crucial to stay informed about food safety practices and be vigilant in handling, preparing, and consuming food to reduce the risk of listeriosis and other foodborne illnesses [3].

References

1. Buchanan R. L. [et al.]. A review of *Listeria monocytogenes*: An update on outbreaks, virulence, dose-response, ecology, and risk assessments // *Food Control*. 2017. Vol. 75. P. 1–13.
2. Gluschko A. [et al.]. The $\beta 2$ integrin Mac-1 induces protective LC3-associated phagocytosis of *Listeria monocytogenes* // *Cell Host & Microbe*. 2018. Vol. 23, № 3. P. 324–337.
3. Lorenzo J. M. [et al.]. Main groups of microorganisms of relevance for food safety and stability: General aspects and overall description // *Innovative technologies for food preservation*. Academic Press, 2018. P. 53–107.
4. McCollum J. T. [et al.]. Multistate outbreak of listeriosis associated with cantaloupe // *New England Journal of Medicine*. 2013. Vol. 369, № 10. P. 944–953.
5. McMinn R. P. [et al.]. Processed Meat Thermal Processing Food Safety – Generating D-Values for *Salmonella*, *Listeria monocytogenes*, and *Escherichia coli* // *Meat and Muscle Biology*. 2018. Vol. 2, № 1.
6. Newell D. G. [et al.]. Food-borne diseases – the challenges of 20 years ago still persist while new ones continue to emerge // *International Journal of Food Microbiology*. 2010. Vol. 139. P. S3–S15.
7. Olaimat A. N. [et al.]. Emergence of antibiotic resistance in *Listeria monocytogenes* isolated from food products: a comprehensive review // *Comprehensive Reviews in Food Science and Food Safety*. 2018. Vol. 17, № 5. P. 1277–1292.

BIOFILMS AND THEIR IMPACT ON HUMAN HEALTH

*Yash Shivkumar Purohit¹,
Daria Olegovna Andreeva²*

^{1,2}*Penza State University, Penza, Russia*

Abstract. This article examines the impact of biofilms on human health. Biofilms are complex communities of microorganisms that form on surfaces. They can cause persistent infections that are difficult to treat and are linked to chronic diseases.

Keywords: biofilms, human health, infections, antibiotic resistance

Introduction

Biofilms are complex, three-dimensional structures composed of microorganisms such as bacteria, fungi, and algae, embedded within a self-produced matrix of extracellular polymeric substances (EPS). These EPS consist of a mix of polysaccharides, proteins, lipids, nucleic acids, and other organic and inorganic molecules. The EPS matrix acts as a protective shield, allowing the biofilm to adhere to surfaces and interact with its environment.

In the case of bacterial biofilms, numerous species have been identified to participate in the formation of these structures. Some common examples include *Staphylococcus epidermidis*, *Escherichia coli*, *Pseudomonas aeruginosa*, and *Streptococcus mutans*, among many others. Each bacterial species brings its unique characteristics, contributing to the overall development and composition of the biofilm [4, 7].

The aim of studying biofilms is to understand their impact on various fields, including human health, industrial processes, and the environment. In clinical settings, biofilms are particularly relevant as they can form on medical devices, such as catheters or implants, leading to chronic infections. Bacteria like *Staphylococcus epidermidis* and *Pseudomonas aeruginosa* are known to form biofilms on these surfaces, making them resistant to antibiotics and immune responses, thus causing persistent infections.

Understanding the impact of biofilms is crucial for the development of strategies to prevent or control their formation. Researchers are

investigating methods to disrupt or remove biofilms, such as the use of antimicrobial agents, enzymes, or physical techniques. By studying the mechanisms of biofilm formation and their contribution to pathogenesis and biofouling.

Biofilms

Biofilms are complex structures composed of microorganisms embedded within a matrix of extracellular polymeric substances (EPS). These structures can be classified into three distinct sections: the substratum, the fluid channel network, and the surface-attached biofilm.

1. Substratum

This section is the initial layer of the biofilm, where microorganisms first attach to a surface. Bacteria like *Staphylococcus epidermidis* and *Pseudomonas aeruginosa* are commonly found in this section. The substratum is formed by a combination of electrostatic and hydrophobic interactions between the microbial cells and the surface. The initial attachment starts with reversible adhesion, followed by irreversible adhesion, where the bacteria secrete adhesins to firmly attach to the surface.

2. Fluid Channel Network

The fluid channel network is a complex network of channels and void spaces within the biofilm structure. It enables the exchange of nutrients, waste products, and signaling molecules between different sections of the biofilm. This section facilitates the movement of fluid, providing a constant supply of nutrients to the biofilm organisms. The fluid channels are formed by the activity of microbial cells and the EPS matrix, which create void spaces as they grow and expand.

3. Surface Attached Biofilm

This section is the outermost layer of the biofilm, where the microbial cells have direct contact with the surrounding environment. Bacteria like *Streptococcus mutans* and *Pseudomonas putida* are commonly found in the surface-attached biofilm. The surface-attached biofilm is heterogeneous, consisting of microcolonies, EPS matrix, and water channels [5].

Components of Biofilms

1. Microbial cells: The biofilm contains a variety of microorganisms, including bacteria, fungi, and algae. Bacterial species commonly found in biofilms are *Staphylococcus epidermidis*, *Escherichia coli*,

Pseudomonas aeruginosa, *Streptococcus mutans* and *Pseudomonas putida*.

2. Extracellular polymeric substances (EPS): The EPS matrix is a key component of the biofilm, consisting of polysaccharides, proteins, lipids, nucleic acids, and other organic and inorganic molecules. These substances are produced by microbial cells and provide structural integrity, adhesion, and protection to the biofilm.

3. Adhesins: Bacteria secrete adhesins, which are proteins that help in the initial attachment of microbial cells to the surface. Adhesins bind to specific receptors on the surface and play a crucial role in irreversible adhesion.

4. Water channels: The biofilm contains interconnected water channels that facilitate the flow of fluids, nutrients, and signaling molecules throughout the structure. These channels are formed by the microbial cells and EPS matrix (fig.1).

5. Nutrients: The biofilm obtains nutrients from the surrounding environment, which are transported through the fluid channels to feed the microbial cells. Nutrient availability plays a vital role in biofilm growth and development [6].

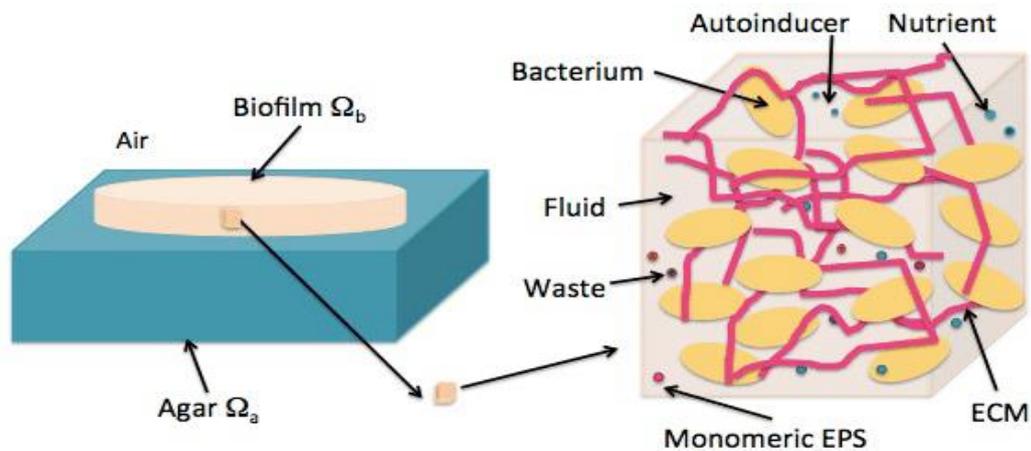

Fig. 1. Components of Biofilm

Pathogenesis of Biofilm

Biofilms are complex microbial communities tightly associated with surfaces. They are formed by the attachment of microorganisms to a substrate, such as a solid surface or a biological tissue, and their subsequent growth and development into a structured community. The growth and development of biofilms can be divided into several stages.

1. Attachment: It is the initial step in biofilm development. Microorganisms in the surrounding environment adhere to the surface using weak forces such as van der Waals interactions and electrostatic attractions. The attachment can be reversible or irreversible, with irreversible attachment being mediated by the production of extracellular polymeric substances (EPS) by the microorganisms (fig. 2).

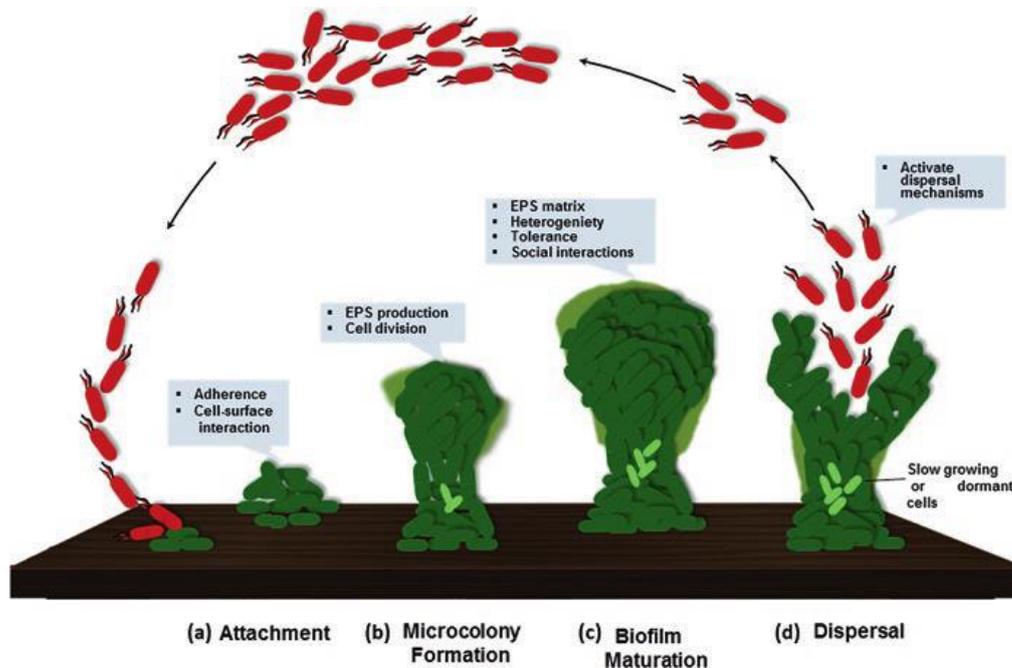

Fig. 2. Stages of Biofilm Formation

2. Colonization: Once attached, the microorganisms start to multiply and form microcolonies. During this stage, the early biofilm is thin and composed of individual cells or small clusters. The microorganisms also start producing EPS, which acts as a scaffold to hold the biofilm community together.

3. Maturation: As the biofilm continues to grow, the microcolonies merge and form a more complex and structured community. The EPS produced by the microorganisms accumulates, creating a three-dimensional matrix that provides structural stability to the biofilm. The EPS matrix also serves as a protective barrier, shielding the microorganisms from environmental stresses such as antibiotics and immune responses.

4. Detachment: Biofilms are dynamic communities, and detachment of microorganisms from the biofilm structure is a natural process. It can occur through various mechanisms, including sloughing off of

cells due to the shear force of fluid flow, dispersal of cells through quorum sensing-mediated mechanisms, or active detachment by specialized cells called dispersal cells [2].

Bacterial Pathogens involved in Biofilm-related Infections

1. *Staphylococcus aureus*: This bacterium is a leading cause of biofilm-related infections, such as implant-associated infections and skin abscesses. *Staphylococcus aureus* can produce a variety of molecules that help it attach to surfaces and form biofilms. It is also known for its ability to resist multiple antibiotics, further contributing to its pathogenicity. It can cause device-related infections, such as central line-associated bloodstream infections.

2. *Pseudomonas aeruginosa*: This opportunistic pathogen forms biofilms in the lungs of patients with cystic fibrosis and causes chronic infections. *Pseudomonas aeruginosa* biofilms can obstruct airways, impair lung function, and increase resistance to antibiotics. It produces various extracellular enzymes and toxins that damage host tissues and suppress the immune response. This bacterium can form biofilms in the lungs of individuals with cystic fibrosis, leading to chronic respiratory infections.

3. *Escherichia coli*: Typically inhabiting the gastrointestinal tract, certain strains of *E. coli* can form biofilms on medical devices like catheters and cause urinary tract infections. Biofilm formation allows *E. coli* to adhere strongly to the surfaces, successfully establish infections, and resist antibiotics. Some *E. coli* strains can produce toxins, leading to severe diarrhea and can form biofilms in the urinary tract, leading to urinary tract infections (UTIs).

4. *Streptococcus mutans*: Known for its role in dental caries, *S. mutans* forms biofilms on teeth, leading to plaque formation. The bacteria produce acids that erode tooth enamel, leading to cavities. The dense biofilm structure protects *S. mutans* from host defense mechanisms and antimicrobial agents, contributing to its persistence in the oral cavity. This bacterium is associated with dental caries (tooth decay).

5. *Enterococcus faecalis*: This bacterium is a common cause of biofilm-associated infections, particularly in hospital settings. It can form biofilms on medical devices and wounds, leading to urinary tract infections, bloodstream infections, and surgical site infections. Like other biofilm-related pathogens, *Enterococcus faecalis* also has mechanisms to resist antibiotics, making it challenging to treat and can cause Legionnaires' disease, a severe form of pneumonia (fig. 3) [1].

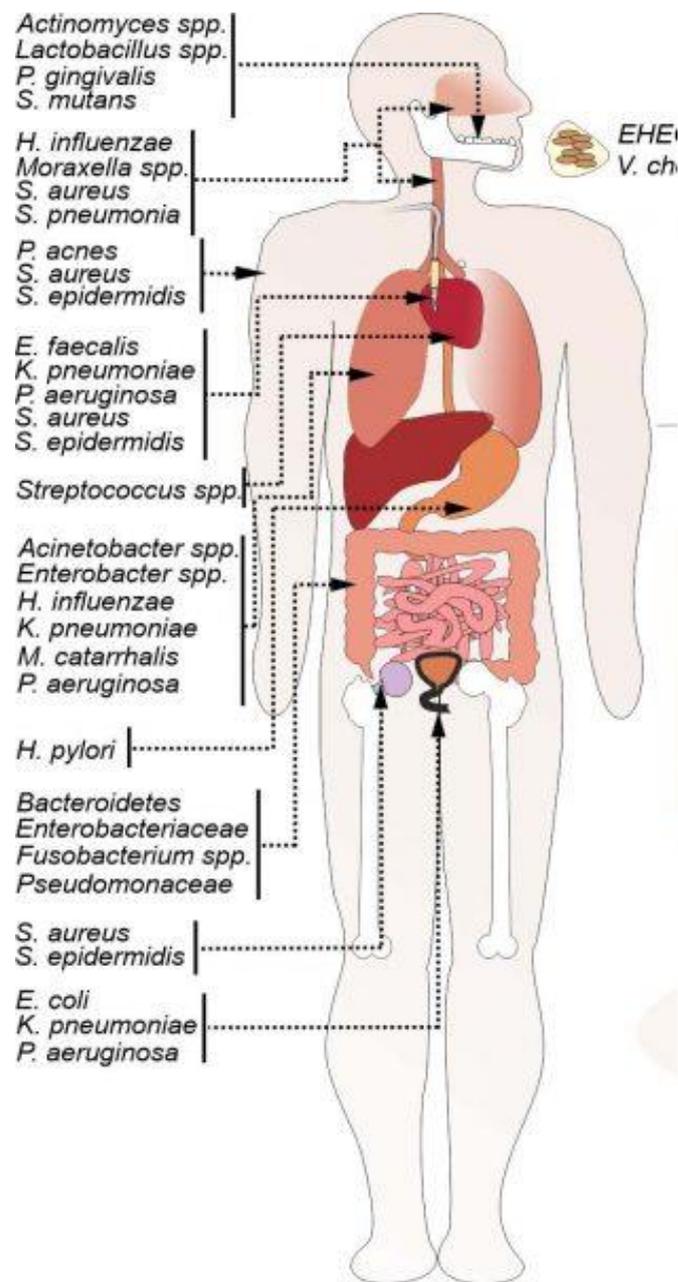

Fig. 3. Localization of Bacterial Pathogens in Biofilm Infection

Impact of Biofilms on Human Health

1. Antibiotic Resistance: Biofilm formation can promote antibiotic resistance. Within a biofilm, bacteria are protected by a slimy matrix, which acts as a physical barrier that prevents antibiotics from effectively penetrating the biofilm. This makes biofilm-associated infections difficult to treat and often requires prolonged antibiotic therapy. The bacteria within the biofilm can also undergo genetic changes that contribute to antibiotic resistance, making them even more resilient to treatment.

2. **Chronic Infections:** Biofilms play a role in chronic infections by allowing bacteria to persist and evade the immune system. Microorganisms growing in biofilms can form complex communities within the body, such as in the respiratory tract, urinary tract, or wounds. These chronic infections can lead to recurring or persistent symptoms, requiring repeated medical interventions and impacting the patient's quality of life.

3. **Medical Device Infections:** Biofilms frequently form on medical devices like catheters, implants, and prosthetics. The formation of biofilms on these surfaces can lead to device-associated infections, often involving antibiotic-resistant bacteria. This poses challenges in healthcare settings and can result in increased morbidity, extended hospital stays, and higher healthcare costs.

4. **Dental Diseases:** Biofilms contribute to several oral health problems, including dental caries (tooth decay) and periodontal disease. The biofilm formed by oral bacteria on teeth surfaces is commonly known as dental plaque. The acids produced by the bacteria within the biofilm demineralize tooth enamel, leading to cavities, while the inflammation caused by the biofilm can cause gum disease and tooth loss if left untreated [3].

Strategies to Combat Biofilm-Related Pathogenicity

Here are some specific strategies:

1. **Surface Modification:** Modifying the surface properties of materials can discourage biofilm formation. Hydrophilic surfaces, such as those coated with certain polymers or coatings, can prevent initial bacterial attachment by reducing surface adhesion forces.

2. **Chemical Disinfection:** Using disinfectants or antimicrobial agents can help to control or eliminate biofilms. These chemicals can be applied to surfaces or added to disinfection protocols. It is important to select appropriate disinfectants based on their efficacy against specific microorganisms and their ability to penetrate EPS.

3. **Mechanical Disruption:** Mechanical methods, such as brushing or scraping, can physically remove biofilms from surfaces. However, care should be taken to avoid causing damage to the underlying material. Mechanical disruption is often used in combination with other strategies to maximize effectiveness.

4. **Biological Methods:** Some microorganisms naturally produce substances that inhibit biofilm formation or possess biofilm-disrupting

properties. These substances can be isolated and used as biocontrol agents.

5. **Environmental Control:** Manipulating environmental conditions can help to prevent biofilm formation. For example, controlling temperature, pH, and nutrient levels can alter the growth conditions and make them less favorable for biofilm development. This strategy is particularly relevant in water treatment and food processing industries.

6. **Monitoring and Testing:** Regular monitoring and testing for the presence of biofilms can help in early detection and prompt implementation of control strategies. Various methods such as ATP (adenosine triphosphate) testing, microscopy, and culturing of biofilm samples can be used for accurate identification and quantification [7].

References

1. Aparna M. S., Yadav S. Biofilms: microbes and disease // *Brazilian Journal of Infectious Diseases*. 2008. Vol. 12. P. 526–530.

2. Das S. [et al.]. Biofilms in human health // *Biofilms in Human Diseases: Treatment and Control*. 2019. P. 27–42.

3. Høiby N. [et al.]. The clinical impact of bacterial biofilms // *International Journal of Oral Science*. 2011. Vol. 3, № 2. P. 55–65.

4. Landry K. S. [et al.]. Biofilms – Impacts on human health and its relevance to space travel // *Microorganisms*. 2020. Vol. 8, № 7. P. 998.

5. O'Toole G., Kaplan H. B., Kolter R. Biofilm formation as microbial development // *Annual Reviews in Microbiology*. 2000. Vol. 54, № 1. P. 49–79.

6. Sauer K., Rickard A. H., Davies D. G. Biofilms and biocomplexity // *Microbe – American Society for Microbiology*. 2007. Vol. 2, № 7. P. 347.

7. Sentenac H. [et al.]. The significance of biofilms to human, animal, plant and ecosystem health // *Functional Ecology*. 2022. Vol. 36, № 2. P. 294–313.

8. Whiteley R. K., Pajkos A., Vickery K. Biofilms that impact on human health // *Journal of Pharmacy Practice and Research*. 2002. Vol. 32, № 2. P. 153–158.

РАЗДЕЛ 6. УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В РАЗВИТИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА: ЗАЛОГ МИРА БЕЗ ВОЙНЫ

МОЛОДЕЖЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ МИРА БЕЗ КОНФЛИКТОВ

*Никита Владиславович Авдеев¹,
Хусравджон Бахруллоевич Давлатов²*

^{1,2}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассматривается роль молодежи в формировании мира без конфликтов. Молодежь, как ключевой фактор в общественном развитии, обладает потенциалом для создания гармоничного и устойчивого мира. Она является двигателем прогресса, инициатором положительных изменений и носителем новых идей. Особое внимание уделяется борьбе с терроризмом и экстремизмом, которые становятся все более опасными явлениями в современном мире. Даны рекомендации по использованию образования как лучшего способа защиты молодого поколения. Кроме того, проведение совместных познавательных мероприятий для представителей различных национальностей может способствовать созданию гармоничного общества без конфликтов.

Ключевые слова: молодежь, терроризм, экстремизм, информационная борьба, СМИ, Интернет, угрозы, убеждения

В современном мире, где конфликты и напряженность в международных отношениях становятся все более заметными, важно обратить внимание на роль молодежи в формировании мира без конфликтов. Молодежь, будучи ключевым фактором в общественном развитии, имеет потенциал для создания гармоничного и устойчивого мира. Она является двигателем прогресса, инициатором положительных изменений и носителем новых идей. В данной научной статье мы рассмотрим роль молодежи в предотвращении конфликтов, исследуем ее возможности и потенциал в достижении мира и стабильности. Анализируя опыт различных стран и организаций, мы сможем выявить эффективные методы и подходы к вовлечению молодежи в процессы миротворчества и преодоления конфликтов. В современном мире, где глобализация имеет боль-

шое значение, терроризм и экстремизм становятся все более серьезными угрозами из-за новых вызовов и развития оружия массового поражения. Для эффективной борьбы с данными угрозами необходимо объединить усилия государственных органов, общественных организаций, молодежных групп и получить поддержку со стороны СМИ. Образование играет важную роль в защите молодежи, так как оно помогает им узнать о религиях, нравах и традициях различных народов, проживающих на территории России. Также будет полезно организовать совместные образовательные мероприятия для жителей различных национальностей, проживающих в одном регионе.

Сегодня одной из главных причин экстремизма является усиленное личное позиционирование, которое проистекает из нарушения иерархии ценностных установок в обществе. Это означает, что люди все больше склонны принимать радикальные и крайние взгляды, так как они чувствуют себя потерянными в массе информации и мнений, которые окружают их. Они стремятся найти ясность и уверенность в своих убеждениях, и для этого они готовы принять экстремистские идеологии или применять насилие. Таким образом, деформация иерархии ценностей в обществе способствует возникновению экстремизма, создавая плодотворную почву для его распространения [3, с. 91–92].

Молодежь – будущее страны, так как она заменит старшее поколение в различных сферах жизни. В настоящее время процессы формирования и развития молодежи нарушены и подвержены негативным воздействиям, что может привести к новым сложностям и непредсказуемым последствиям для нашего общества в настоящем и в будущем [2, с. 112].

Молодежь представляет собой будущее нашей страны, так как она будет заменять старшее поколение в различных сферах жизни. Однако в настоящее время процессы формирования и развития молодежи нарушены и подвержены негативным воздействиям, что может привести к новым трудностям и непредсказуемым последствиям для нашего общества в настоящем и будущем. Особенно беспокоит то, что многие молодые люди, по разным причинам, присоединяются к экстремистским и преступным организациям. Это проявляется в их участии в конфликтах на основе национальности, расы и религии, а также в увеличении молодежной преступности. Российские социологи считают, что все это

происходит из-за недостаточного внимания государства и общества к проблемам молодежи. Идеологическое воздействие оказывает наибольшее влияние на молодежь, которая присоединяется к экстремистским и террористическим группировкам из-за различных причин, включая социальные, политические и экономические. Руководители этих группировок используют и манипулируют этой молодежью для достижения своих собственных целей.

Экстремизм – социальное деструктивное, а также делинквентное явление, которое проявляется в перечне общественно-опасных, уголовно наказуемых деяний, которые совершаются из-за приверженности к тем или иным крайним, «возведенных в культ» взглядам, расового, религиозного, экономического, политического и иного характера [4, с. 103].

Терроризм – это определенная политическая стратегия, которая основывается на использовании насилия, угроз и запугивания людей для достижения своих целей. Организации, придерживающиеся этой стратегии, не отказываются от применения насилия, считая, что только так можно добиться успеха. Терроризм является одной из старейших форм политической борьбы, которая использовалась еще в Древнем Риме. В целом, экстремизм включает в себя более широкий спектр действий, а терроризм является его частью [1, с. 334–335].

СМИ имеют огромное влияние на сознание и способны манипулировать восприятием событий. Их работа часто отражает конфликты между людьми различных этнических групп, что может вызвать напряженность. Педагоги должны объяснять молодым людям содержание конфликтов и эффективные методы их урегулирования. Приятно наблюдать, как молодежь осознает подобные события и находит действенные способы их решения.

В борьбе против террористических угроз Интернет играет разностороннюю и многоаспектную роль. Некоторые исследователи утверждают, что Интернет может быть использован в качестве технического инструмента для осуществления информационных атак на базы данных, системы управления и другие объекты. Более того, Интернет может быть использован для угроз и запугивания определенных групп людей, выступая как средство информационно-психологического воздействия, а также для вербовки людей в экстремистские и террористические организации, создавая поддерживающую среду.

Одним из основных способов противодействия экстремизму и терроризму в обществе является предупреждение их появления. Необходимо понимать, что для решения этой проблемы необходимо принимать всесторонние меры, так как ни одно отдельное действие не приведет к желаемому результату, даже если будут выполнены все его требования. Таким образом, могут быть предложены меры для предотвращения:

– Для того чтобы молодежь осознавала важность соблюдения законов и прав человека, необходимо проводить разносторонние мероприятия по формированию правовой культуры.

– Борьба с экстремизмом с помощью общественных организаций и студенческого самоуправления поможет молодежи находить конструктивные способы выражения своих убеждений и стремлений.

– Способствование выработки у молодежи уважения, защиты прав и свобод человека, а также соблюдение законодательства, в общем, способствует развитию гражданской ответственности и отказу от насилия как такового.

– Распространение практики толерантного поведения в учебных заведениях способствует развитию уважения и понимания к различиям между людьми.

Необходимо отслеживать и ограничивать вредное воздействие интернет-ресурсов на молодежь, чтобы предотвратить их привлечение к экстремистским и террористическим идеологиям.

Для того чтобы предотвратить молодежь от попадания под влияние экстремистских идей, необходимо использовать СМИ и Интернет. Важно, чтобы они понимали, какую угрозу несет с собой симпатия к экстремистским взглядам и идеям. Мы должны не только бороться с экстремизмом, но и способствовать развитию ума и понимания современной политической ситуации через нашу информационную среду. Проблема экстремизма имеет юридические, социологические, социально-психологические и духовно-нравственные аспекты. СМИ являются одним из наиболее эффективных средств пропаганды и противодействия экстремизму и терроризму [5, с. 360–361].

В данном научном исследовании было изучено, как меняется правовая психология людей, чтобы отказаться от идеи использования террористических методов для решения различных проблем. Были предложены варианты мер, которые способствуют понима-

нию молодых людей, чтобы государство заботилось о них, и чтобы не было необходимости совершать противозаконные действия или искать защиту и покровительство не в государственных органах. Выводы статьи указывают на необходимость создания условий, которые бы поддерживали молодежь и предоставляли им альтернативы для решения проблем, а также обращают внимание на важность государственной поддержки и защиты. Достижение этой цели может снизить уровень террористической угрозы и способствовать социальной стабильности.

Список литературы

1. Инаева Д. Д. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде // Молодой ученый. 2017. № 1 (135). С. 334–336.
2. Каджиков Р. Н. Молодежь в борьбе с терроризмом и религиозным экстремизмом // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2016. № 2 (33). С. 111–113.
3. Синцов Г. В. Аксиологические основания противодействия экстремизму // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 2 (50). С. 86–93.
4. Сутягин П. К. Экстремистские вызовы современности как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Экстремизму – отпор! : сб. ст. по материалам XI Междунар. молодеж. юрид. форума (г. Пенза, 25 ноября 2022 г.) / под ред. Г. В. Синцова. Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 101–108.
5. Хамурзов А. Т. Международное сотрудничество в сфере противодействия экстремизму и терроризму в условиях глобализации // Образование и право. 2021. № 6. С. 358–361.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

*Дарья Николаевна Степанова¹,
Валерия Сергеевна Пенкина²*

^{1,2}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Аннотация. Проводится анализ факторов, способствующих распространению идеологии экстремизма среди молодежи. Особое внимание уделяется влиянию Интернета и социальных сетей, которые стали мощным

инструментом для пропаганды и вербовки молодых людей. Также рассматриваются социальные, экономические и политические причины, которые могут способствовать формированию экстремистских убеждений среди молодежи. Предлагаются пути решения проблемы распространения идеологии экстремизма в молодежной среде.

Ключевые слова: молодежная среда, экстремистская идеология, экстремизм, молодежный экстремизм, современное общество

В последние годы проблема экстремизма превратилась в серьезную глобальную проблему, требующую комплексных и многогранных решений. Однако поиск окончательных и однозначных ответов на вопросы о происхождении и распространении экстремизма остается сложной задачей. Кроме того, сложной задачей оказывается нейтрализация экстремистских идеологий и сокращение связанной с ними террористической деятельности.

Экстремизм принимает различные формы, включая насильственные попытки изменения конституционного строя, подрыва государственной целостности, оправдания терроризма, разжигания межнациональных, межрелигиозных и социальных конфликтов, ущемления основных прав и свобод личности по идеологическим мотивам. Как и многие другие страны, Россия столкнулась с угрозой терроризма и понесла значительные человеческие и материальные потери. В связи с этим руководством страны были приняты срочные и решительные меры по созданию эффективной системы противодействия терроризму [8, с. 98].

Преступная деятельность экстремистов имеет идеологический аспект, направленный на возбуждение вражды и ненависти к представителям различных национальностей, религиозных убеждений, социальных групп и политических взглядов. Экстремисты сознательно провоцируют конфликты на почве этих различий, что делает их преступления особо опасными и заслуживающими признания на государственном уровне.

Одна из главных опасностей экстремизма заключается в воздействии на сознание подростков и молодежи с целью формирования у них террористического сознания и вовлечения в радикально настроенные группы. На протяжении всей истории человечества экстремизм с его крайними взглядами и установками проникал в различные сферы общественной жизни [7, с. 21]. Его можно рассматривать как самостоятельный подход к разрешению социальных противоречий, возникающих в конкретных сферах общественной жизни.

В современной литературе экстремизм в самом широком смысле определяется как идеология, характеризующаяся насильственным распространением своих принципов, нетерпимостью к оппонентам и инакомыслию, попытками оправдать насилие над инакомыслящими, искажением религиозных или идеологических учений с претензией на исключительное толкование истины, опорой на эмоциональное манипулирование, а не на рациональную аргументацию при распространении экстремистской идеологии, созданием харизматической фигуры лидера, представляемого непогрешимым. Эти признаки взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга.

В последние годы в России сложились непростые социально-экономические условия, которые способствовали снижению морально-этических ценностей, особенно среди молодежи. В связи с этим крайне важно минимизировать их подверженность негативному влиянию экстремизма [4, с. 362].

Незаконная экстремистская деятельность стала серьезной проблемой для российского общества, причем организованные экстремистские группы и движения нередко совершают преступные действия, выступая в качестве каналов распространения экстремистской пропаганды.

Анализ преступлений экстремистской направленности позволяет выявить определенные криминологические характеристики, позволяющие выделить «группу риска». В первую очередь, к ней относятся молодые люди в возрасте от 16 до 24 лет, которые находятся в процессе завершения образования, выбора профессии, социализации и принятия новых социальных ролей.

Рост молодежного экстремизма отражает неадекватную социальную адаптацию молодых людей и формирование антисоциальных установок, приводящих к противоправному поведению. Современный молодежный экстремизм характеризуется чрезмерной жестокостью, высоким уровнем агрессии, широкой распространенностью.

Экстремистское поведение молодых людей зачастую является следствием накопленной агрессии, вызванной невозможностью реализовать свои социально-политические интересы и жизненные планы в рамках существующего правового поля. Кроме того, вовлечению российской молодежи в экстремистскую деятельность способствует утрата социокультурной идентичности. Эти факторы

служат основой для возникновения экстремистских молодежных организаций [6, с. 183].

Формированию экстремистских группировок в молодежной среде способствуют несколько факторов, характерных только для России:

1. Низкая социальная защищенность молодежи, обусловленная социальной, профессиональной и экономической нестабильностью российского общества.

2. Усиливающееся социокультурное расслоение, ограничивающее доступ к социальным ресурсам для молодых людей из разных социальных слоев.

3. Деградация системы нормативных ценностей, необходимых для поддержания социальной солидарности и обеспечения социальной идентичности.

Кроме того, поскольку молодые люди еще находятся в процессе психологического становления, они особенно подвержены пагубным привычкам, нетерпимости, внешнему влиянию, изменению мировоззрения. Юношеский максимализм, упрощенное понимание межнациональных и межрелигиозных отношений делают их уязвимыми для экстремистской идеологической пропаганды. Главная опасность экстремистской идеологии заключается в том, что она внешне похожа на общепринятые идеалы (например, неприятие наркомании, алкоголизма, беззакония, преступности, коррупции) и при этом пропагандирует насилие для достижения своих целей. Это создает благоприятные условия для распространения экстремистских взглядов в молодежной среде и легитимизирует насилие и терроризм.

Молодежный экстремизм представляет собой серьезную проблему для современного общества, поскольку молодые люди могут попасть под влияние тех, кто пропагандирует сепаратистские и экстремистские доктрины, особенно если эти идеологии основаны на патриотических и религиозных убеждениях. Экстремистские ценности и установки привлекают молодежь своей простотой и обещаниями быстрого успеха. Следовательно, трансформация устоявшихся общечеловеческих ценностей становится важнейшим фактором формирования экстремизма, особенно если учесть, что современная система ценностей общества зачастую делает акцент на потребительском отношении к жизни и оправдывает использование любых средств для достижения материального благополучия [5, с. 151].

Распространение экстремистской идеологии в молодежной среде представляет собой крайне опасное социальное явление в современном обществе, способное перерасти в более серьезные правонарушения, такие как терроризм, убийства, нанесение тяжких телесных повреждений, массовые демонстрации и беспорядки. В Российской Федерации все чаще наблюдается тенденция приобщения молодежи к нелегальным изданиям, в том числе зарубежным, содержащим материалы, пропагандирующие экстремистскую деятельность, национализм, ксенофобию, нетерпимость, расизм, противоправные действия.

Необходимо предпринимать усилия по устранению коренных причин молодежного экстремизма, таких как оказание всесторонней социальной поддержки, содействие инклюзивности, формирование у молодых людей чувства принадлежности и идентичности. Кроме того, необходимо реализовывать образовательные и просветительские программы, направленные на противодействие экстремистской пропаганде, воспитание критического мышления, толерантности и уважения к различным точкам зрения. Комплексное решение этих вопросов позволит обществу смягчить влияние экстремизма и обеспечить более безопасное и инклюзивное будущее для молодежи.

Экстремисты все чаще используют интернет-ресурсы для распространения материалов и координации своих действий, в том числе для выработки тактики поведения участников. Активное участие российской молодежи в акциях протеста и митингах может привести к радикализации и формированию антигосударственных настроений, создавая благоприятные условия для вовлечения ее в экстремистскую деятельность. Необходимо осознавать и устранять связанные с этим риски.

Особенно уязвима к радикализации молодежь из числа мигрантов, особенно оторванная от своей культурной среды, поскольку экстремистские взгляды часто навязываются ей под видом религии. Более того, лица, прибывающие из стран с высоким уровнем террористической активности, могут уже иметь экстремистские убеждения и быстро вовлекаться в экстремистские группировки. Поэтому необходима системная работа по интеграции мигрантов в социальную структуру российского общества.

Решение проблемы молодежного экстремизма требует комплексного подхода, учитывающего как социальные, так и эконо-

мические факторы. В период перехода к взрослой жизни молодые люди сталкиваются с многочисленными трудностями и проблемами, с которыми они раньше не сталкивались. Эти проблемы в сочетании с чувством неудовлетворенности и сложностями во взаимоотношениях с обществом могут стать стимулом для участия в экстремистских или террористических организациях. Важнейшую роль в формировании мировоззрения и ценностей человека играет также семейная ячейка. Конфликты и непонимание между поколениями могут привести к психологическим проблемам, которые умело используют вербовщики [1, с. 41].

Профилактика экстремизма в молодежной среде предполагает комплекс мер, включающих выявление и устранение коренных причин экстремизма, смягчение благоприятных условий, оказание соответствующей помощи и поддержки отдельным лицам и группам, подверженным риску экстремистского поведения. Особое значение имеют стратегии, направленные на укрепление толерантности, религиозного согласия, мира и конструктивной профилактики.

Эффективное противодействие экстремизму требует не только репрессивных мер, но и превентивных действий. Опираясь на успешные программы, реализуемые в других странах, важно взаимодействовать с молодежью через регулярные встречи, учебные заведения, клубы. Проведение круглых столов с участием представителей местных властей и социальных работников может способствовать развитию диалога и взаимопонимания. Однако в настоящее время в России отсутствует системный подход к противодействию экстремизму, в котором были бы задействованы все заинтересованные организации [2, с. 28].

Системный подход к противодействию экстремизму крайне важен, он требует улучшения координации действий государственных органов и расширения обмена информацией между различными структурами. Приоритет должен быть отдан вовлечению государственных учреждений и организаций гражданского общества. Кроме того, общество в целом должно занять твердую позицию в отношении экстремизма и в полной мере осознать его опасность для российского государства и его населения [3, с. 835].

Важно подчеркнуть, что борьба с экстремизмом не должна отождествляться с подавлением инакомыслия, а меры по противодействию экстремизму должны соответствовать принципам, закрепленным в ст. 13 и 29–31 Конституции РФ.

В процессе становления демократического правового государства в России большое значение имеет формирование единой государственной идеологии. Государственная идеология включает в себя совокупность идей, ценностей и концепций, через которые общество выражает свою идентичность, интересы и цели по отношению к окружающей действительности.

Реализуя комплексный и скоординированный подход, привлекая различные заинтересованные стороны и соблюдая основополагающие принципы, Россия может эффективно решать проблему молодежного экстремизма и формировать более безопасное и гармоничное общество.

Система образования играет важнейшую роль в профилактике экстремизма в молодежной среде. Она должна не только уделять внимание внеклассным мероприятиям и инициативам, но и включать профилактические меры непосредственно в учебную программу. Преподаватели истории и обществознания обязаны акцентировать внимание на целостности государственного устройства Российской Федерации и воспитывать молодежь в духе противостояния пагубному влиянию экстремистских идеологий, способных дестабилизировать общество. Предоставляя достоверную информацию об исторических, национальных и культурных традициях различных этносов, педагоги могут создать благоприятные условия для самосознания молодежи и формирования общегражданской идентичности в рамках российского государства.

Проникновение экстремизма в молодежную среду может иметь далеко идущие последствия для будущего развития страны. Молодое поколение представляет собой важнейший ресурс национальной безопасности и является движущей силой социально-экономических преобразований. В России и европейских странах приняты практики, направленные на профилактику молодежного экстремизма, основанные на принципах толерантности, мультикультурализма, уважения к различным традициям, ценностям и религиозным убеждениям. Основные опасности экстремистской идеологии для молодежи заключаются в следующем:

1. Внушение и манипулирование: Экстремистская идеология может целенаправленно внедряться в сознание молодых людей, промывать им мозги, манипулировать их мыслями и поведением. Молодые люди, особенно в период становления личности и поиска своего места в обществе, становятся особенно уязвимыми для такого влияния.

2. **Радикализация и вовлечение в экстремистские группировки:** Молодые люди могут стать мишенью для экстремистских организаций, стремящихся завербовать их в свои ряды. Это может привести к радикализации и вовлечению молодых людей в противоправную и опасную деятельность, в том числе в террористические акты.

3. **Изоляция от общества:** Экстремистская идеология может привести к отчуждению и изоляции молодых людей от общества в целом. Они могут отвергать традиционные ценности и институты, что может привести к социальной изоляции и конфликтам с семьей, друзьями и другими членами общества.

4. **Насилие и гибель людей:** Экстремистская идеология может оправдывать насилие и террористические акты. Молодые люди, подверженные влиянию таких идей, могут обесценить человеческую жизнь и стать готовыми причинить вред другим или даже пожертвовать своей собственной жизнью.

5. **Утрата возможностей и перспектив:** Погружение в экстремистскую идеологию может отвлекать молодых людей от личного и профессионального развития. Они могут упустить возможность получить образование, развить свои таланты и навыки, построить конструктивные отношения с обществом и другими людьми.

В целом экстремистская идеология представляет серьезную опасность для молодежи, поскольку может привести к потере свободы личности, разрушению социальной гармонии и даже угрожать безопасности и благополучию общества в целом

В связи с этим профессиональным группам, гражданскому обществу, правоохранительным органам и государственным учреждениям необходимо внимательно следить за распространением экстремистской идеологии в молодежной среде. Должны быть приняты необходимые меры по профилактике и противодействию угрозе экстремизма.

Список литературы

1. Борисова Б. Е. Проблемы проявления экстремизма среди молодежи: формы, причины, пути профилактики // Общество, экономика и право: вызовы современности и тенденции развития : электронный сб. ст. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Волжский, 16 декабря 2022 г.). Волжский : Сфера, 2023. С. 38–42.

2. Горелик А. М. Противодействие распространению идей экстремизма и терроризма среди молодежи // Академическая мысль. 2023. № 1 (22). С. 27–29.

3. Каштанова Я. В. Педагогические средства предупреждения экстремизма среди молодежи // Педагогический журнал. 2022. Т. 12, № 6-2. С. 831–836.
4. Магомедова М. З. Противодействие идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи // Евразийское Научное Объединение. 2019. № 12-5 (58). С. 361–363.
5. Семенова А. Н. Понятие и причины экстремизма среди молодежи // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 70-6. С. 150–153.
6. Слащева М. А. Система мер и проблема профилактики экстремизма в сети Интернет среди молодежи // Мировая наука. 2021. № 11 (56). С. 181–184.
7. Сердюк П. Л. Вопросы борьбы с экстремизмом среди молодежи в России // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2023. № 3 (54). С. 20–24.
8. Щекина К. К. Правовые аспекты профилактики экстремизма среди молодежи // Студенческий вестник. 2019. № 47-3 (97). С. 97–99.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ КАК МЕТОД ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

*Павел Константинович Сутягин¹,
Назаржон Давлатжонович Сараев²*

^{1,2}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Аннотация. Анализируется межнациональный диалог как метод профилактики молодежного экстремизма и терроризма. Рассмотрены психологические причины возникновения деструктивного поведения среди молодежи, проанализированы формы межнационального диалога в целях профилактики экстремизма и терроризма. Кроме того, был рассмотрен опыт Пензенского государственного университета в профилактике экстремизма путем поликультурного образования.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, идеология насилия, межнациональный диалог, поликультурное образование

Проблема экстремизма является актуальной не только для России, но и для всего мирового сообщества. Несмотря на актив-

ную государственную политику по предотвращению и борьбе с этим социальным явлением, распространение экстремистских идей в обществе продолжает набирать обороты [5, с. 41]. Опасности экстремизма и терроризма осознают многие: главы государств, спикеры международных организаций, педагоги и представители различных органов государственной власти. Экстремистские проявления продолжают оставаться глобальной угрозой, особенно в молодежной среде. Под экстремизмом понимается поддержка крайних взглядов и позиций, проявляющихся в различных формах. Ряд исследователей считают, что анализ категории «экстремизм» требует учета не только религиозных и расовых характеристик, но и политических, экономических и других, так как данное деструктивное явление затрагивает все сферы жизни общества, что позволяет ему распространяться быстро и эффективно, словно вирус [7, с. 102].

Рассмотрение и анализ молодежного экстремизма в современной России является одним из самых актуальных и сложных направлений исследований. Эта проблема имеет многогранную природу и включает в себя не только политический экстремизм, но и терроризм, участие молодежи в политической жизни, государственную молодежную политику, а также идеи и поведение молодежи как отдельной возрастной группы. Изучение молодежного экстремизма активно проводится в различных научных областях, таких как юриспруденция, история, педагогика, психология и философия. В этой связи, следует отметить работы А. Т. Сиоридзе, который провел криминологическое исследование группового молодежного экстремизма, С. Н. Фридинского, который рассмотрел криминологические аспекты борьбы с экстремизмом, А. В. Ростокинского, который изучил экстремистские преступления как проявление субкультурных конфликтов молодежных объединений, Р. О. Кочергина, который занимался правовым регулированием противодействия молодежному экстремизму, а также Д. И. Аминова и Р. Э. Оганяна, которые изучили факторы молодежного экстремизма [3, с. 126].

Говоря о причинах деструктивного поведения, важно отметить, что одной из основных психологических причин молодежного экстремизма является неудовлетворенность молодежи своим положением в обществе [2, с. 234]. Молодежь испытывает недостаток возможностей для самореализации, профессионального ро-

ста и социальной мобильности. Кроме того, многие молодые люди сталкиваются с проблемами в семье, школе и других сферах жизни, что зачастую приводит к негативным эмоциям и неадекватным, а порой даже противозаконным, поступкам. Одним из наиболее опасных проявлений молодежного экстремизма является политический экстремизм, который, в свою очередь, при определенных обстоятельствах, может перерасти в терроризм. Эксперты считают, что для борьбы с молодежным экстремизмом необходимо проводить комплексные меры, включающие в себя как превентивные меры, так и репрессивные [6, с. 7]. С одной стороны, важно обеспечить молодежи доступ к образованию, культуре и спорту, а также создать условия для профессионального и личностного роста. Однако, с другой стороны, необходимо иметь комплекс правовых мер для непосредственного воздействия на тех, чье поведение носит деструктивный и делинквентный характер.

В последнее время в мире происходит все больше ужасных террористических актов, которые отбирают множество невинных жизней. Недавние события на Ближнем Востоке и в Африке лишь подтверждают эту тенденцию. Это приводит к росту экстремизма и радикализации, что становится серьезной проблемой для многих стран. В связи с этим возникает обоснованная необходимость принять новые меры по предотвращению терроризма и экстремизма, а также улучшить уже существующие методы борьбы с деструктивными явлениями, в том числе на международном и межнациональном уровнях. Один из таких методов - межнациональный диалог в учебных заведениях, направленный на укрепление межэтнических отношений, повышение культурного уровня и воспитание толерантности среди молодежи. Обращаясь к методологии межнационального диалога, важно упомянуть, что в рамках межнационального диалога студенты разных национальностей имеют возможность общаться, обмениваться опытом и знаниями, а также точками зрения на различные геополитические события, что также немаловажно. Кроме того, межнациональный диалог, как метод профилактики молодежного экстремизма, подразумевает под собой проведение различных мероприятий, таких как конференции, семинары, круглые столы, на которых обсуждаются проблемы и актуальные вопросы межэтнических отношений, терроризма и экстремизма. Несомненно, комплекс вышеуказанных мер помогает студентам лучше понимать причины и последствия этих явлений,

а также находить пути их предотвращения [4, с. 39]. Резюмируя, можно сказать, что общение между студентами разных национальностей в учебных заведениях, а также само поликультурное образование, может быть не только эффективным методом профилактики молодежного экстремизма и терроризма, но и основой для укрепления международных отношений с заинтересованными странами.

Как было сказано выше, межнациональный диалог в учебных заведениях является одним из наиболее эффективных методов профилактики экстремизма и терроризма [1, с. 124]. Необходимо рассмотреть некоторые формы межнационального диалога в учебных заведениях, которые могут быть применены в практическом русле:

1. Межкультурные встречи представляют собой различные форматы общения между представителями разных культур, включая дискуссии, круглые столы, игры и конкурсы. В рамках таких встреч студенты могут делиться своим опытом, рассказывать о традициях и обычаях своей культуры и задавать друг другу вопросы.

2. Обмен студентами – это метод межнационального диалога, который позволяет студентам познакомиться с жизнью и культурой других стран. Обмен может быть организован как на короткий срок (несколько дней), так и на длительный (несколько месяцев).

3. Интерактивные лекции – это форма обучения, при которой преподаватели проводят лекции, посвященные культуре и истории разных народов, а студенты имеют возможность задавать вопросы и участвовать в обсуждении темы лекции.

4. Социальные проекты – это совместная работа студентов над проектами, направленными на улучшение жизни национальных меньшинств в обществе. Такие проекты могут включать сохранение культурного наследия, помощь беженцам или борьбу с дискриминацией.

5. Культурные мероприятия – это организация различных мероприятий, таких как фестивали, выставки и концерты, которые позволяют студентам познакомиться с культурой других стран и национальностей.

Опыт Пензенского государственного университета в этой области заслуживает внимания. В университете обучается значи-

тельное количество иностранных студентов из Китая, Индии и других стран. Для поддержания межнационального диалога и содействия взаимопониманию проводятся различные мероприятия: семинары и круглые столы на тему межнационального диалога и проблем толерантности, экстремизма и терроризма. Опыт Пензенского государственного университета показывает, что межнациональный диалог – это эффективный метод профилактики экстремизма и терроризма. Разработка и реализация подобных программ, по нашему мнению, должны стать приоритетом для всех образовательных учреждений, чтобы создать условия для взаимопонимания и сотрудничества между представителями разных культур и национальностей.

В заключение, мы хотим подчеркнуть важность метода профилактики молодежного экстремизма и терроризма путем межнационального диалога в образовательных учреждениях. Мы убеждены, что только через диалог и взаимопонимание можно достичь гармонии и мира в обществе. Важно обучать подростков, на всех уровнях образования, истории разных народов, чтобы они могли лучше понимать их культуру и традиции. Только в таком случае можно рассчитывать на то, что межнациональный диалог приведет к настоящему взаимопониманию и сотрудничеству между народами.

Список литературы

1. Баташова С. М., Широбоков С. Н. Развитие межнационального общения в студенческой среде // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. № 1 (27). С. 122–125.
2. Константинов В. В., Осин Р. В. Психология экстремизма : учеб. пособие для студентов направления подготовки 37.03.01 «Психология». М. : Перо, 2019. 255 с.
3. Расторгуев С. В. Экстремизм в молодежной среде современной России: виды, факторы распространения, мягкие технологии профилактики // Политическая наука. 2018. № 4. С. 124–145.
4. Рукавишников Н. Б., Степанова Д. Н. Распространение деструктивных идеологий как предпосылка развития молодежного экстремизма // Экстремизму – отпор : сб. науч. ст. VII Междунар. молодеж. юрид. форум материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Владикавказ, 22–24 ноября 2018 г.) / под ред. Л. Т. Кокоевой, А. М. Цалиева. Владикавказ : Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), 2019. С. 37–45.

5. Синцов Г. В. Экстремизм в России: понятие и правовая сущность // Вестник Пензенского государственного университета. 2019. № 3 (27). С. 39–43.

6. Синцов Г. В., Агутин А. В. К вопросу о понимании экстремизма в российской юридической науке // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 1 (37). С. 5–10.

7. Сутягин П. К., Авдеев Н. В. Экстремистские вызовы современности как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Экстремизму – отпор! : сб. ст. по материалам XI Междунар. молодеж. юрид. форума (г. Пенза, 25 ноября 2022 г.) / под ред. Г. В. Синцова. Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 101–108.

УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В РАЗВИТИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА С ЦЕЛЬЮ СОХРАНЕНИЯ МИРА КАК ГАРАНТИИ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ

*Шохжахон Шухратович Темиров¹,
Елизавета Сергеевна Щеголькова²,
Андрей Алексеевич Фирсаков³,
Яна Алексеевна Панова⁴*

^{1,2,3,4}Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассматривается роль молодежи в развитии межнационального диалога как одного из важнейших аспектов сохранения мира и защиты неприкосновенности жизни.

Ключевые слова: межнациональное общение, воспитание культуры, толерантность, права, язык, традиции, молодежь

Межнациональное общение – это определение взаимосвязи и взаимоотношения, в процессе которых люди, принадлежащие к разным национальным общностям и придерживающиеся различных религиозных взглядов, обмениваются опытом, духовными ценностями, мыслями, чувствами [3]. Он направлен на установление взаимопонимания, сотрудничества и решение конфликтов между различными этническими группами и странами. Межнациональный диалог играет важную роль в создании и поддержании

мира, так как люди разных национальностей и культур находят общий язык и учатся понимать друг друга. Такой диалог помогает преодолеть различные непонимания и разногласия, которые могут приводить к конфликтам и насилию. Должное развитие межнациональных отношений напрямую связано с мирным взаимодействием разнообразных народов и стран, поэтому оно является одной из основополагающих гарантий неприкосновенности личности. Межнациональный диалог способствует защите этих прав, создавая условия для свободного общения и обмена мнениями между представителями разных национальностей.

Право на частную жизнь, является основополагающим правом каждого человека. В России данное право закреплено в ст. 23 Конституции Российской Федерации, согласно которой:

1. Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени.

2. Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения.

Также право на неприкосновенность частной жизни находит отражение во многих международных и национальных законах.

Далее рассмотрим некоторые из них:

1. Во Всеобщей декларации прав человека существует запрет на произвольное вмешательство в личную и семейную жизнь, произвольное посягательство на неприкосновенность жилища, тайны его корреспонденции [1].

2. В Европейской конвенции о правах человека статья 8 предусматривает право на уважение «частной семейной жизни, жилища и корреспонденции» [4].

Приведенные акты, являются результатом международного сотрудничества и утверждают неприкосновенность личности, как одну из основополагающих ценностей в государстве.

Развитию межнационального диалога и создание мира на Земле в значительной степени может и должна помочь молодежь. Новое поколение является будущим общества и имеет огромное влияние на развитие межнациональных отношений.

Вот несколько способов, с помощью которых молодежь может внести свой вклад с помощью минимизации межнациональных конфликтах и плодотворного взаимодействия между странами:

1. Преодоление предрассудков и стереотипов: молодежь может помочь снизить предрассудки и стереотипы, которые могут препятствовать межнациональному диалогу. Они более открыты к взаимодействию с иными культурами, языком, вероисповеданиям и более демократично относятся к ним, понимая, что различия в данных областях не делают людей лучше или хуже друг друга.

2. Продвижение толерантности и уважения: молодежь может активно пропагандировать толерантность и уважение к другим культурам и национальностям. Они могут организовывать межнациональные мероприятия, форумы и дискуссии, чтобы способствовать диалогу и пониманию между различными группами.

3. Участие в образовательных программах: молодежь может принимать участие в образовательных программах, направленных на развитие межнационального диалога. Они могут учиться различным культурам, языкам и традициям, чтобы лучше понять их и научиться взаимодействовать с людьми разных стран и национальностей.

4. Использование социальных сетей и медиа: молодежь может использовать социальные сети и медиа для распространения информации о межнациональном общении и привлечения внимания к данной проблеме. Они могут своей деятельностью показать примеры успешного межнационального сотрудничества и взаимопонимания, что в дальнейшем поможет решению различных противоречий.

5. Участие в межнациональных проектах и программах: Молодежь может активно участвовать в межнациональных проектах и программах, которые способствуют развитию диалога и сотрудничества между различными национальностями. Они могут работать вместе с представителями других культур и национальностей, чтобы решать общие проблемы и достичь их плодотворного решения.

Кроме того, молодежь может принимать наиболее активное участие в межнациональных общественных взаимодействиях, в связи с высокими амбициями и не до конца сформированными ценностями. Молодое поколение более подвержено воспитательному влиянию со стороны различных информационных источников, а так же не имеют сформированное мировоззрение и культурных взглядов в области межнационального общения.

При рассмотрении данного вопроса нам бы хотелось привести мнение З. Т. Гасанова, который под воспитанием культуры

межнационального общения понимает «организованный, целенаправленный процесс, включающий в себя:

1) сообщение индивиду или группе знаний о человеческом сообществе, о народах, расах и религиях мира, основных правах и свободах человека; о Российской Федерации – Родине населяющих ее народов, общности их жизненных интересов, российском гражданстве и свободе совести;

2) организацию эмоционального переживания сообщаемых знаний, превращение их во взгляды и личные убеждения:

а) воспитание национального, общенационального (республиканского, регионального, российского (гражданско-патриотического) и общечеловеческого чувства;

б) формирование национального, общенационального (республиканского, регионального, российского (гражданско-патриотического) и общечеловеческого чувства;

3) организация позитивного опыта культуры общения с людьми разных наций и рас, представителями различных конфессий, этнических и языковых групп; воспитание умений и навыков преодоления личностно-психологических барьеров в межнациональном общении, конфликтной ситуации;

4) формирование высоконравственной мотивации поступков и поведения учащихся в процессе их общения с людьми различных национальностей, рас, конфессий» [2].

Подводя итог вышесказанному хотелось бы отметить, что участие молодежи в развитии межнационального диалога играет важную роль в сохранении мира и гарантии права на неприкосновенность личности. Молодежь является будущим общества и ее активное участие в межнациональном диалоге способствует созданию толерантного и гармоничного общества, где каждый человек может жить в безопасности и уважении.

Участие молодежи в развитии межнационального диалога также способствует формированию их гражданской идентичности и ответственности. Они осознают свою роль в обществе и понимают, что только через сотрудничество и взаимопонимание можно достичь мира и сохранить неприкосновенность личности каждого человека.

Более того, молодежь является ключевым фактором в предотвращении экстремизма и насилия. Активное участие молодежи в межнациональном диалоге помогает им развивать межкультур-

ную и межрелигиозную толерантность, а также способности к мирному разрешению конфликтов.

Таким образом, участие молодежи в развитии межнационального диалога является необходимым условием для сохранения мира и гарантии права на неприкосновенность личности. Молодежь имеет потенциал и силу изменить мир к лучшему, и только через их активное участие мы сможем достичь гармонии, справедливости и равноправия для всех людей.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека : [принята 10.12.1948 Генеральной Ассамблеей ООН] // КонсультантПлюс.
2. Гасанов З. Т. Воспитание культуры межнационального общения: методология, теория и практика. Махачкала, 1998. С. 226.
3. Галеева Л. И. Формирование культуры межнационального общения молодежи: методологический анализ // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 3. С. 83–86.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод : [заключена в г. Риме 04.11.1950] // КонсультантПлюс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеев Никита Владиславович, студ. 2 курса Юридического института ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Андреева Дарья Олеговна, старший преподаватель кафедры «Микробиология, эпидемиология и инфекционные болезни» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Аскарова Тахмина Илхомовна (Таджикистан), студ. 1 курса Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Ахвани Алясура Маулана Зуви (Индонезия), магистр. 2 курса Института международного сотрудничества ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Бадалова Басгул Рустамхоновна (Таджикистан), студ. 2 курса Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Бодрова Снежана Сергеевна, студ. 4 курса Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Ван Жуй (Китай), студ. 2 курса Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Ван Пэй (Китай), студ. 2 курса Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Ван Хуэймин (Китай), студ. 2 курса Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Ван Цзяян (Китай), студ. 2 курса Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Васин Сергей Михайлович, д.э.н., проректор по научной работе и инновационной деятельности, профессор кафедры «Экономическая теория и международные отношения» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Влазнева Светлана Алексеевна, к.пед.н., доцент кафедры «Экономическая теория и международные отношения» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Голова Дарья Дмитриевна, ассистент кафедры «Иностранные языки и методика преподавания иностранных языков» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Давлатов Хусравджон Бахруллоевич (Туркменистан), студ. 2 курса Юридического института ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Джилкибаева Аяна Бекболотовна (Кыргызстан), студ. 3 курса факультета вычислительной техники ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Дмитриев Дмитрий Вячеславович, к.пед.н., доцент кафедры «Иностранные языки и методика преподавания иностранных языков» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Дубина Альбина Шагидулловна, к.социол.н., доцент кафедры «Экономическая теория и международные отношения» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Есеналиева Даяна Дамирбековна (Кыргызстан), студ. 2 курса факультета стоматологии ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Камбле Сакши Сухас (Индия), студ. 3 курса лечебного факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Касымджанова Селби (Туркменистан), студ. 1 курса историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Кенжаев Хусанжон Мансурбек угли (Узбекистан), студ. 4 курса Института международного сотрудничества ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Кечкина Дарья Сергеевна, студ. 4 курса историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Кулкарни Атхарв Манодж (Индия), студ. 3 курса лечебного факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Курташкин Максим Сергеевич, ассистент кафедры «Микробиология, эпидемиология и инфекционные болезни» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Лазарева Лана Викторовна, к.пед.н., доцент кафедры «Психология и педагогика» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Леонова Антонина Анатольевна, студ. 3 курса факультета педагогики, психологии и социальных наук ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Ли Синь (Китай), студ. 2 курса Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Ли Сяолун (Китай), студ. 2 курса Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Китай.

Ли Цзялун (Китай), студ. 2 курса Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Ма Жуйци (Китай), студ. 2 курса Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Магдум Митали Санджай (Индия), студ. 3 курса лечебного факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Мадримова Хилола Баходир кизи (Узбекистан), студ. 4 курса Института международного сотрудничества ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Мао Син (Китай), студ. 2 курса Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Маргарян Карина Кароевна, студ. 4 курса историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Марфина Ольга Валерьевна, к.б.н., доцент кафедры «Микробиология, эпидемиология и инфекционные болезни» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Меллеев Алиджан Хошгелдиевич (Туркменистан), студ. 1 курса Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Мельников Виктор Львович, д.м.н., зав. кафедрой «Микробиология, эпидемиология и инфекционные болезни» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Митрофанова Наталья Николаевна, ст. преподаватель кафедры «Микробиология, эпидемиология и инфекционные болезни» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Мишина Наталья Алексеевна, к.э.н., доцент кафедры «Экономическая теория и международные отношения» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Мохарев Бола Камаль Табет (Египет), студ. 3 курса лечебного факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Нургазы Каныкей кызы (Кыргызстан), студ. 3 курса факультета вычислительной техники ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Одинокова Юлия Ринатовна, студ. 4 курса историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Павар Шравни Никхил (Индия), студ. 3 курса лечебного факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Панова Яна Алексеевна, ассистент кафедры «Частное и публичное право» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Пател Даршил Маноджбхай (Индия), студ. 1 курса лечебного факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Пашковская Светлана Сергеевна, д.пед.н., профессор кафедры «Русский язык как иностранный» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Пенкина Валерия Сергеевна, студ. 4 курса Многопрофильного колледжа ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Пирлиева Равия (Туркменистан), студ. 1 курса историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Питайкина Инна Анатольевна, к.э.н., доцент кафедры «Экономическая теория и международные отношения» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Питерова Анна Юрьевна, к.и.н., доцент кафедры «Философия и социальные коммуникации» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Прабхуне Адитя Удайрадж (Индия), студ. 3 курса лечебного факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Правосудова Наталья Александровна, к.б.н., доцент кафедры «Микробиология, эпидемиология и инфекционные болезни» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Пурохит Яш Шивкумар (Индия), студ. 3 курса лечебного факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Рассказова Наталья Валерьевна, к.и.н., доцент кафедры «Экономическая теория и международные отношения» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Ретинская Вера Николаевна, к.социол.н., доцент кафедры «Государственное управление и социология региона» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Сальникова Ольга Владимировна, ст. преподаватель кафедры «Экономическая теория и международные отношения» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Сараев Назаржон Давлатжонович (Таджикистан), студ. 2 курса Юридического института ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Семёнова Лариса Юрьевна, к.ф.н., доцент кафедры «Русский язык как иностранный» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Семенычева Мария Александровна, магистр. 3 курса Юридического института ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Скворцова Валентина Алексеевна, д.э.н., профессор кафедры «Экономическая теория и международные отношения» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Снигирева Елена Анатольевна, ст. преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Вятский государственный агро-технологический университет», Киров, Россия.

Соланки Нитяраджсинх Раджендрасинх (Индия), студ. 3 курса лечебного факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Степанова Дарья Николаевна, ст. преподаватель кафедры «Частное и публичное право» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Сутягин Павел Константинович, студ. 2 курса Юридического института ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Сягайло Екатерина Григорьевна, начальник отдела социальной адаптации и культурно-массовой работы Управления международного образования Института международного сотрудничества ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Тарасова Наталья Леонидовна, аспирант кафедры теории права Поволжского института управления имени П. А. Столыпина – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Саратов, Россия.

Телицына Ирина Викторовна, ст. преподаватель кафедры «Иностранные языки и межкультурные коммуникации» ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения», Екатеринбург, Россия.

Темиров Шохжахон Шухратович (Таджикистан), студ. 4 курса Юридического института ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Тугушева Зульфия Кашиафовна, студ. 4 курса историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Фахриддинзода Асадбек (Таджикистан), студ. 1 курса Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Фирсаков Андрей Алексеевич, студ. 2 курса Юридического института ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Хакимова Камилла Маратовна (Кыргызстан), студ. 2 курса Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Хамраев Довлет Маратович (Туркменистан), студ. 1 курса историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Хун Е (Китай), магистр. 2 курса Института международного сотрудничества ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Хэ Лянсянь (Китай), студ. 2 курса Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Чжан Цзюйхай (Китай), студ. 2 курса Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Чжоу Шанюй (Китай), магистр. 2 курса Института международного сотрудничества ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Шакирова Александра Шамилевна, студ. 1 курса Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Шмелькова Вера Викторовна, д.ф.н., профессор кафедры «Русский язык как иностранный» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Шурыгина Юлия Александровна, к.пед.н., доцент кафедры «Иностранные языки и методика преподавания иностранных языков» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Щеглов Вадим Юрьевич, доцент кафедры «Менеджмент и экономическая безопасность» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Щеголькова Елизавета Сергеевна, студ. 2 курса Юридического института ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Эльметвалли Мансур Абдельлатиф Хамди Махмуд (Египет), студ. 3 курса лечебного факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Янь Наьна (Китай), студ. 2 курса Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Научное издание

**МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

г. Пенза, 6 декабря 2023 г.

Под редакцией
Синцова Глеба Владимировича
Шурыгиной Юлии Александровны

Материалы публикуются в авторской редакции

Корректор *Л. Ю. Зимина*
Технический редактор *Р. Б. Бердникова*
Компьютерная верстка *Р. Б. Бердниковой*
Дизайн обложки *И. В. Шваревой*

Подписано в печать 16.12.2023.
Формат 60×84¹/₁₆. Усл. печ. л. 14,65.
Тираж 30. Заказ № 776.

Издательство ПГУ.
440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.
Тел./факс: (8412) 66-67-77; e-mail: iic@pnzgu.ru